

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

Могилевской мужской гимназіи фундаментальная библіотека

Николай Михайловичъ
КАРАМЗИНЪ.

сочиненіе

А. Старчевскаго.

Могилевская Государственная Публичная Библиотека
Инвентар. каталог 2098
Системат. каталог
Поряд № 8-197

Библіотека Могил. гимназіи

Могилевская Государственная Публичная Библиотека
Инвентар. каталог
Системат. каталог
Поряд № ~~103~~ 5/4

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Карла Крайя.
1849.

S.m.5176

Литог. К. Крайя

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

МОГИЛЕВСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗІИ
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Николай Михайловичъ

КАРАМЗИНЪ.

сочиненіе

А. Старчевскаго.

Могилевская Государственная Публичная Библиотека.
Инвентар. каталог 2098
Системат. каталог
Поряд № 8-197

Могилевская Государственная Публичная Библиотека.
Инвентар. каталог
Системат. каталог
Поряд № 103 5/4

БИБЛІОТЕКА МОГИЛ. ГИМНАЗІИ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Карла Крайя.
1849.

Б. т. 5176

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 22-го апрѣля 1849 года.

Цензоръ И. Срезневскiй.

2038
8-127
1037
Bayerische Staatsbibliothek München

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ

КАРАМЗИНУ,

СТАРШЕМУ СЫНУ ИСТОРІОГРАФА

посвящаетъ авторъ.

Aus dem Tausch der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft *

Изучивъ тщательно все вышедшее изъ подъ пера Карамзина, спѣшимъ подѣлиться съ читателемъ своими наблюденіями. Представляя картину духовной дѣятельности этого писателя, мы передаемъ здѣсь искреннюю исповѣдь его души, выражая каждую его мысль, чувство, мнѣніе, по возможности собственными же его словами. Единственное наше желаніе доставить другимъ то невыразимое удовольствіе, которое испытывали мы сами при чтеніи произведеній исторіографа.

Въ этомъ біографическомъ очеркѣ читатель найдетъ возможно-полную картину жизни Карамзина.

Мы старались излагать жизнь Карамзина такъ, чтобы насъ понялъ каждый Русскій. Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ будутъ историки, которые прольютъ новый свѣтъ на древнюю Русь, дадутъ новый видъ и колоритъ фак-

тамъ, извлекутъ новые философскіе выводы, доставятъ новое наслажденіе уму, но только Карамзинъ, одинъ Карамзинъ заставилъ биться русское сердце при чтеніи его повѣствованія о прошедшей судьбѣ отечества.

Карамзинъ — колоссъ нашей литературы.

Карамзинъ былъ человѣкъ просвѣщенный, образованный, благонамѣренный, человѣкъ рѣдкихъ свойствъ, писатель народный, патріотъ, и имя его всегда останется священнымъ для неиспорченнаго русскаго сердца.

Предлагаемый трудъ, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ не чуждъ и недостатковъ, свойственныхъ всѣмъ дѣламъ человѣка; недостатки эти замѣтятъ и исправятъ вѣрные стражи науки — наши *безпристрастные* критики.

А. С.

Изучивъ тщательно все вышедшее изъ подъ пера Карамзина, спѣшимъ подѣлиться съ читателемъ своими наблюденіями. Представляя картину духовной дѣятельности этого писателя, мы передаемъ здѣсь искреннюю исповѣдь его души, выражая каждую его мысль, чувство, мнѣніе, по возможности собственными же его словами. Единственное наше желаніе доставить другимъ то невыразимое удовольствіе, которое испытывали мы сами при чтеніи произведеній исторіографа.

Въ этомъ біографическомъ очеркѣ читатель найдетъ возможно-полную картину жизни Карамзина.

Мы старались излагать жизнь Карамзина такъ, чтобы насъ понялъ каждый Русскій. Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ будутъ историки, которые прольютъ новый свѣтъ на древнюю Русь, дадутъ новый видъ и колоритъ фак-

тамъ, извлекутъ новые философскіе выводы, доставятъ новое наслажденіе уму, но только Карамзинъ, одинъ Карамзинъ заставилъ биться русское сердце при чтеніи его повѣствованія о прошедшей судьбѣ отечества.

Карамзинъ — колоссъ нашей литературы.

Карамзинъ былъ человѣкъ просвѣщенный, образованный, благонамѣренный, человѣкъ рѣдкихъ свойствъ, писатель народный, патріотъ, и имя его всегда останется священнымъ для неиспорченнаго русскаго сердца.

Предлагаемый трудъ, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ не чуждъ и недостатковъ, свойственныхъ всѣмъ дѣламъ человѣка; недостатки эти замѣтятъ и исправятъ вѣрные стражи науки — наши *безпристрастные* критики.

А. С.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

Значеніе литературы вообще и особенно въ наше время. — Значеніе русской литературы. — Развитіе русскаго общества и его раздвоеніе. - Заботливость Императрицы Екатерины II объ образованіи русскаго общества и развитіи русской литературы. — Явленіе Карамзина; характеръ его дѣятельности; преобразованіе языка; вліяніе на общество и на литературу.

ГЛАВА I.

Необходимость біографіи Карамзина. — Важность біографіи геніальныхъ людей. — О зародышѣ генія и таланта. — Источники для біографіи Карамзина. — Русское провинціяльное общество въ половинѣ XVIII столѣтія. — Характеръ тогдашняго образованія и воспитанія. — Слова объ этомъ кн. П. А. Вяземскаго. — О родѣ Карамзиныхъ. — Объ отцѣ Карамзина. — Дѣтство Карамзина. — Романъ: «Рыцарь нашего времени». — Автобіографическое значеніе этого романа. — Карамзинъ въ пансіонѣ Шадена. — Профессоръ Шаденъ, его характеръ и вліяніе на Карамзина. — Карамзинъ посѣщаетъ лекціи московскаго университета.—Сближеніе Карамзина съ Новиковымъ и начало литературныхъ занятій перваго.— Знакомство Карамзина съ Дмитріевымъ. — Деревянная нога.—Дѣтское чтеніе.— Письма Петрова къ Карамзину.— Аркадскій памятникъ. — Значеніе «Дѣтскаго чтенія» и вліяніе его на новое поколеніе 1

ГЛАВА II.

Отъѣздъ Карамзина за границу. — Посѣщеніе Канта. — Разговоръ съ Морицомъ.—Нѣмецкій студентъ сопутникъ Карамзина. — Знакомство

Стр.

съ Бекомъ, въ Лейпцигѣ. — Платнеръ и его лекціи. — Поэтъ Вейсе и его любезность. — Посѣщеніе Гердера. — Пріемъ, сдѣланный Карамзину Виландомъ . 28

ГЛАВА III.

Путешествіе по Швейцаріи.—Знакомство съ Лафатеромъ.—Письма Петрова, писанныя за границу. — Женева. — Посѣщеніе Боннета. — Французское письмо Карамзина къ Боннету.—Начало перевода соч. Палингенезіи. — Карамзинъ въ Провансѣ. — Парижъ, и впечатлѣніе, сдѣланное имъ на Карамзина. — Карамзинъ въ засѣданіи академіи надписей. — Разговоръ съ Бартелеми.—Пріѣздъ Карамзина въ Лондонъ и мнѣніе о характерѣ Англичанъ.—Англійская литература . . 45

ГЛАВА IV.

Вліяніе путешествій по чужымъ краямъ на Карамзина. — Выборъ занятій—литература. — Изданіе «Московскаго Журнала». — Очеркъ русской журналистики до 1792 года.—Значеніе «Московскаго журнала» для нашего тогдашняго общества.—Планъ и средства изданія.— Сотрудники новаго журнала. — Стихотворенія, помѣщаемыя въ «М. Ж.»—«Письма русскаго путешественника» и вліяніе ихъ на наше общество. — Преобразованія, сдѣланныя Карамзинымъ въ русскомъ языкѣ. — «Бѣдная Лиза». — Откуда заимствованъ сюжетъ «Бѣдной Лизы». — Разборъ повѣсти «Прекрасная царевна и счастливый карло». — «Наталія боярская дочь».—Переводъ повѣстей Карамзина на иностранные языки.—О переводахъ его для «Московскаго Журнала». 70

ГЛАВА V.

Понятіе Карамзина о драмѣ. — Разборъ пьесы «Menschenhass und Reue». — Мнѣніе Карамзина о характерѣ французской драмы. — Изученіе Шекспира. — Взглядъ на французскую комедію. — Англійская драма. — Разборъ Лессинговой трагедіи «Эмилія Галотти». — Разборъ комедіи «Оптимистъ». — *Сей* и *оный* — начало. — Разборъ трагедіи «Сидъ». — Значеніе драматическихъ критикъ Карамзина.— Критика «Кадма и Гармоніи».—Значеніе «М. Ж.» вообще. — Письма Петрова. — Новое изданіе всѣхъ статей Карамзина, помѣщенныхъ въ «М. Ж» . 95

ГЛАВА VI.

Изданіе «Аглаи».—Важность этого сборника для того времени. — Посланіе къ Д.... — Значеніе этого стихотворенія. — Цвѣтокъ на гробѣ

Стр.
моего Агатона (Петрова). — Отношенія Петрова къ Карамзину. — «Что нужно автору» — зеркало души Карамзина. — «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи». — Возраженіе Руссо. — О происхожденіи поэзіи. — «Афинская жизнь». — Повѣсть «Юлія». — «Аониды». — Общій характеръ стихотвореній Карамзина. — «Пантеонъ иностранной словесности». — «Разговоръ о счастіи». — Переписка съ братомъ. . 120

ГЛАВА VII.

Занятія Карамзина получаютъ историческое направленіе. — Причина этому. — «Похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ II». — Вліяніе его на общество. — «Пантеонъ россійскихъ авторовъ». — Письма Каменева о Карамзинѣ» . 141

ГЛАВА VIII.

Изданіе «Вѣстника Европы». — Карамзинъ, какъ европейскій публицистъ. — Мнѣніе его о дѣйствіяхъ Бонапарта. — Результаты Французской революціи. — Разборъ статьи «О Московскомъ Мятежѣ». — «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Тройцѣ». — «Русская старина». — «О тайной канцеляріи». — «О случаяхъ и характерахъ въ русской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ». — «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ» . . 156

ГЛАВА IX.

«Мароа Посадница». — Значеніе этой повѣсти. — О предисловіи къ «Марөѣ Посадницѣ». — Вліяніе Вѣстника Европы на наше общество. — Сужденіе Карамзина объ Ипполитѣ Богдановичѣ. — «Великій мужъ русской грамматики». — О русской грамматикѣ Француза Модрю. — Прекращеніе «Вѣстника Европы». — Письма Карамзина къ М. Н. Муравьеву. — Высочайшій рескриптъ. — Заключеніе о 18-лѣтней литературной дѣятельности Карамзина 170

ГЛАВА X.

Трудности, предстоявшія Карамзину, когда онъ приступилъ къ соч. русской исторіи. — Переписка съ Муравьевымъ и разрѣшеніе посѣщать архивы. — Отчетъ Карамзина Муравьеву, о ходѣ историческихъ работъ. — Карамзинъ произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника. — Орденъ Св. Владиміра 3 ст. — Переписка съ братомъ. — Карамзинъ читаетъ свою исторію Государю Императору. — Благодарственное письмо Императору Александру. — Записка о древней и новой Россіи. — Значеніе этого послѣдняго труда въ біографіи Карамзина. — Разговоръ Карамзина съ гр. Ростопчинымъ. — Нашествіе

Стр.
Французовъ.—Карамзинъ уѣзжаетъ въ Нижній Новгородъ.—Письма Карамзина оттуда къ А. И. Тургеневу 183

ГЛАВА XI.

Письмо Карамзина къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. — Два письма Н. И. Новикова къ Карамзину. — Письма Карамзина къ брату и къ А. И. Тургеньеву. — Карамзинъ переселяется въ С. Петербургъ, и подноситъ свои труды Императору Александру. — Переписка Карамзина съ братомъ. — «Записка о московскихъ достопамятностяхъ».— Разсказъ Стурдзы о встрѣчѣ съ Карамзинымъ.—Появленіе «Исторіи Государства Россійскаго» и неслыханный ея успѣхъ. — Письмо Виртембергской Королевы Екатерины Павловны.—Второе изданіе «Исторіи Государства Россійскаго». — Письмо Карамзина къ К. Н. Батюшкову. — Разсказъ Ѳ. В. Булгарина о встрѣчѣ съ Карамзинымъ.— Карамзинъ проводитъ лѣтнее время въ Царскомъ Селѣ. — Анекдотъ о И. И. Дмитріевѣ. 211

ГЛАВА XII.

Вторичная встрѣча Стурдзы съ Карамзинымъ, и мнѣніе послѣдняго о личности и трудахъ исторіографа. — Письма Карамзина къ Балашову. — Письма къ брату. — Письма къ Тургеневу. — Письмо къ Дмитріеву. — Письмо къ гр. Каподистріи. — Письмо къ брату о кончинѣ Императора Александра. — Болѣзнь Карамзина. — Государь Императоръ жалуетъ Карамзину 50,000 рублей на путешествіе.— Письмо Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому. — Участіе, принимаемое въ судьбѣ Карамзина, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Высочайшій Рескриптъ.—Послѣднее письмо Карамзина, писанное къ Государю Императору — Смертъ Карамзина. — Письмо Жуковскаго о послѣднихъ дняхъ Карамзина. — Оцѣнка историческаго труда Карамзина и общій характеръ критикъ на его трудъ.—Характеръ и душевныя свойства Карамзина. — Изданія его сочиненій 244

ВВЕДЕНІЕ.

Литература — рукописный памятникъ духа — является вѣрнѣйшимъ и полнѣйшимъ преданіемъ народовъ; всемірный духъ отражается въ ней также вѣрно, какъ и частный народный; такимъ образомъ она заключаетъ въ себѣ творческій духъ въ истинномъ его тожествѣ съ внѣшнимъ выраженіемъ, отдѣльную волю въ ея органическомъ единствѣ съ всеобщею необходимостью.

Литература есть то царство духа, гдѣ вполнѣ выражается самостоятельная дѣятельность, выросшая на всеобщей разумности. Съ такой точки мы должны разсматривать литературу, какъ конкретное выраженіе личной самостоятельности духовной жизни; такимъ только образомъ въ настоящее время должно заниматься литературою вообще.

Въ литературѣ выражается юношеская сила народовъ, безпрестанно возобновляющаяся и развивающаяся жизнь юности..... *Гутенбергъ* для подвижности литературы изобрѣлъ *подвижные* оттиски. Чрезъ это онъ отдалъ народу его соб-

ственность. Книгопечатаніе сдѣлалось для литературы ковчегомъ завѣта, носимымъ по народамъ.

Первое и послѣднее назначеніе литературы, — изображать дѣятельность познающаго и творческаго духа, на ея чисто идеальной почвѣ, и, слѣдовательно, служить вообще вѣрнымъ выраженіемъ дѣйствительной народности. Въ такомъ смыслѣ литература является тожествомъ идеальнаго и реальнаго. Оттого истина ея и важнѣйшее дѣйствіе заключаются въ необходимой связи, какую она имѣетъ со всѣми явленіями общественной жизни и съ высшимъ нравственнымъ выраженіемъ этой жизни, — государствомъ.

Въ литературѣ видимъ борьбу сокровеннѣйшихъ порывовъ науки, но въ тоже время она служитъ и примиреніемъ различныхъ ея направленій. Литература состоитъ чисто изъ фактовъ духа, которые въ этомъ значеніи пріобрѣли законное мѣсто въ цѣломъ. Въ смыслѣ такого примиренія литература является настоящею посредницей науки. Высшая цѣль науки литературы — сознавать духовное образованіе въ цѣломъ его организмѣ, и для достиженія этого, литература должна познать каждое явленіе на своемъ мѣстѣ. Выводя изъ цѣлаго оправданіе всѣхъ противоположностей, она изобразитъ вѣчный міръ познающаго и творческаго духа.

Въ чисто положительной области литературы, о которой говоримъ, мы должны принять и самую науку съ ея самостоятельностью. Литература есть то, что старается разрѣшить новѣйшая философія, — тождество разумной мысли съ личною самостоятельностью. Въ литературѣ, на почвѣ всей духовной жизни народа, наука стяжала полное и неоспоримое право гражданства. Наука, въ смыслѣ литературы, гдѣ она преодолѣла всю временную вражду и борьбу съ дѣйстви-

тельностью предстаетъ намъ въ полной своей гармоніи, свидѣтельствуя о себѣ, что она двигательница дѣйствительности, принадлежащей вѣчно живому началу.

Мы уже назвали литературу внѣшнимъ организмомъ цѣлаго міросозерцанія. Въ этомъ смыслѣ, она есть замкнутое выраженіе такой производительности, въ которой познающій духъ является вмѣстѣ и творческимъ. Съ нашей точки зрѣнія мы не можемъ раздѣлять ихъ въ литературѣ. Наше дѣло — показать одинъ и другой въ томъ единствѣ и въ той связи, по которымъ литература является, истиннымъ тѣломъ всемірной мысли, принимающей на себя образы народности. Это главнѣйшій пунктъ, въ которомъ полное ученое изложеніе литературы разнится отъ того описанія исторіи литературы, которое видитъ въ ней исключительно одни явленія поэтически - производящаго духа, собираетъ его дѣла, оцѣниваетъ ихъ эстетически, располагаетъ въ историческомъ порядкѣ, и считается исторіей литературы по преимуществу. Литература каждаго народа есть выработанная форма духовнаго его образованія; она принимаетъ въ себя всю сущность народности, которая, должна объясняться въ ней во всѣхъ отношеніяхъ.

Духъ человѣческій естественно долженъ былъ позаботиться объ оцѣнкѣ всего своего прошедшаго, и усиленная ученая дѣятельность его, увлекшая испытующій умъ далеко за предѣлы времени и пространства, положила для всѣхъ познаній гораздо обширнѣйшія и прочныя основанія.

Изложивъ наше мнѣніе о литературѣ вообще, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ русской литературы и о значеніи въ ней Карамзина.

До Карамзина въ Россіи не было литературы въ томъ смыслѣ какъ ее понимаютъ въ новѣйшее время. До Петра Великаго мы встрѣчаемъ хронографы, лѣтописи, духовныя поученія и нѣсколько книгъ духовнаго содержанія. Въ нихъ заключалась вся наша древняя грамотность, но всѣ эти памятники не могутъ назваться представителями русской литературы. Кто отважится сказать, что въ нихъ выразилось наше общество, что въ нихъ выразился русскій народъ, со всѣми его мнѣніями, вѣрованіями страстями и оттѣнками? Изъ лѣтописей можно узнать только степень грамотности древняго нашего духовенства, которую такъ хорошо обрисовалъ Пушкинъ въ „Борисѣ Годуновѣ“; въ духовныхъ поученіяхъ тоже выразилось наше духовенство и вліяніе его на народъ; но изъ этихъ памятниковъ нельзя узнать ни частной ни общественной жизни русскаго народа. Со временъ Петра Великаго у насъ начала водворяться наука; но могла ли она, построенная схоластически, проникнуть въ живое общество, когда излагалась языкомъ варварскимъ, когда наша ученость, ограниченная тѣснымъ кружкомъ переводчиковъ и нѣсколькихъ учителей, жила только въ своей сферѣ. Намъ недоставало живаго проводника истинъ науки въ жизнь общественную, — недоставало литературы.

Наплывъ образованныхъ иностранцевъ, вступавшихъ въ рускую службу, и распространеніе нашихъ связей съ Европой, имѣли слѣдствіемъ введеніе у насъ французскаго языка, который вскорѣ сдѣлался языкомъ высшаго общества, какъ французскій покрой платья и свѣтская утонченность маркизовъ, сдѣлалась необходимымъ условіемъ каждаго благовоспитаннаго русскаго дворянина. Потому, чтобы имѣть до-

ступъ къ высшему кругу, нужно было прежде всего научиться по-французски.

Въ такомъ положенiи находилось дѣло литературы до Императрицы Екатерины II.

Явившiеся въ это время нѣкоторые таланты не могли дѣйствовать самостоятельно, не имѣя твердой опоры. Въ какiя формы они могли облачить истины науки и мораль, чтобы дѣйствовать на общество? Высшiй кругъ не нуждался въ нихъ; онъ имѣлъ все иностранное и пользовался имъ. Первые наши таланты были приведены къ нѣкоторымъ литературнымъ предпрiятiямъ, рабскимъ подражанiямъ французскому, совершенно инстинктивно, а не вслѣдствiе глубокаго сознанiя необходимости.

Высшiй кругъ читалъ французскiя книги, среднiй нуждался въ переводѣ того, что читалъ высшiй, но выборъ нашихъ переводчиковъ былъ большею частью не совсѣмъ удаченъ. Теперь спрашиваемъ могли-ль дѣйствовать на нашъ среднiй классъ такiя случайныя и произвольныя явленiя?

Императрица Екатерина II первая замѣтила, что въ Россiи нѣтъ ни общества, ни литературы въ собственномъ смыслѣ. Екатерина видѣла, что окружающiе ее образуютъ кругъ, находящiйся подъ влiянiемъ французской литературы, что между высшимъ кругомъ и среднимъ классомъ стояла непроницаемая стѣна, не допускавшая никакого обмѣна идей; высшее общество говорило французскимъ языкомъ, среднiй классъ говорилъ языкомъ народнымъ, русскимъ. Екатеринѣ предстояло образовать русское общество и положить начало литературѣ. Чтобъ достигнуть этой цѣли она обратилась къ народности, стала заботиться о распространенiи всеобщаго просвѣщенiя, и поощрять дарованiя. Но всѣ эти мѣры не вдругъ могли произвести желаемый успѣхъ.

Въ безпредѣльной Россіи просвѣщеніе не могло распространиться въ нѣсколько лѣтъ, тѣмъ болѣе, что должно было водворяться исключительно въ видѣ одной науки. Высшій кругъ тоже медленно дѣйствовалъ на средній; наша народность пришла въ столкновеніе съ французскими понятіями, которыя превозмогая первую на половину, селились въ русскомъ обществѣ безъ представленія на то своего права, и общество наше стало приближаться къ европейскому, т. е. подражать ему по мѣрѣ возможности; такъ что, все хорошее народное уступило мѣсто вліянію иностранному.

Поощреніе талантовъ повело къ исключительному внесенію въ наше общество легкой французской литературы безъ всякаго примѣненія ея къ русскому быту. Между тѣмъ ни одинъ изъ тогдашнихъ нашихъ литераторовъ не сознавалъ необходимости дѣйствовать самостоятельно. При такомъ броженіи русскаго общества явился Карамзинъ. Главное и самое важное значеніе Карамзина въ русской литературѣ состоитъ въ томъ, что онъ первый сталъ дѣйствовать вслѣдствіе убѣжденія, дѣйствовать сознательно.

Запасшись предварительно необходимыми средствами для того, чтобы изучить европейское общество и имѣть возможность познакомиться съ его литературою, онъ отправился заграницу. Возвратившись, онъ видѣлъ въ какомъ отношеніи находилось наше общество къ иностранному. Сдѣлать выводъ ему было не трудно. Онъ нашелъ, что главное — необходимо имѣть органъ, посредствомъ котораго можно бы было проводить въ общество истины науки. Этотъ органъ—общепонятный языкъ, котораго до него не было, чего никто не замѣчалъ, и не чувствовалъ его потребности. Карамзинъ первый понялъ эту потребность. Послѣ языка дѣло дошло до то-

го, какимъ образомъ должно дѣйствовать на общество, такъ, чтобы его постоянно и разнообразно подвигать впередъ, дошло до главнаго органа литературы—до журнала, изъ котораго общество должно вѣчно черпать. Имѣя два важныя и мощныя средства дѣйствовать на общество, Карамзинъ началъ такъ: онъ хотѣлъ, чтобы русское общество испытало тоже, что онъ испыталъ на себѣ, то есть, чтобы оно образовалось тѣмъ же путемъ какъ образовался онъ самъ. Поэтому прежде всего онъ началъ знакомить своихъ соотечественниковъ съ Европою: съ ея литературами и обществомъ; и въ тоже время помышлялъ уже о самостоятельности отечественной литературы, пытался написать оригинальную русскую повѣсть, почерпая для нея матеріалы и характеры изъ русскаго быта и, болѣе или мѣнѣе, достигнулъ своей цѣли — освобожденія русскаго слова отъ рабскаго подражанія иностраннымъ писателямъ. „Московскій Журналъ", „Марѳа", „Похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ II", "Вѣстникъ Европы„ доказываютъ, что Карамзинъ постоянно думалъ о народности. Но самымъ лучшимъ подтвержденіемъ, того служитъ его „Исторія Государства Россійскаго". Взявъ во вниманіе все это, никто не станетъ оспаривать, что Карамзинъ долженъ считаться первымъ русскимъ литераторомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Карамзинъ имѣлъ неслыханное вліяніе на русское общество, и что предположилъ себѣ, то исполнилъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Онъ одинъ сдѣлалъ для Россіи то, чего въ другихъ мѣстахъ не могли бы сдѣлать цѣлыя ученыя и литературныя общества, и это главная причина необыиновенной его народности.

До Карамзина высшій кругъ нашего общества не хотѣлъ ничего знать о зародышѣ русской литературы. Карамзинъ пер-

вый показалъ, что нашъ высшій кругъ можетъ читать и русскія книги, которыя не совсѣмъ чужды интереса, утвердилъ это мнѣніе и умѣлъ поддержать его.

Въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія писалъ Богдановичъ, Хемницеръ; фонъ-Визинъ заставлялъ лица своихъ комедій говорить по-русски; но это было только началомъ, довольно слабымъ. Въ то время, когда всѣ стали чувствовать неправильность и грубость господствовавшаго языка, многіе изъ нашихъ писателей старались образовать его, и удалить равнымъ образомъ отъ языка простонароднаго и книжнаго. Желая дать другую физіономію нашей рѣчи, Карамзинъ предпочелъ французское словосочиненіе нѣмецкому, по образцу котораго прежде постраивали русскую рѣчь. Главнѣйшими сподвижниками Карамзина на этомъ поприщѣ были Муравьевъ и Подшиваловъ. Въ то самое время, когда Карамзинъ занимался преобразованіемъ русской прозы, Дмитріевъ сталъ писать русскіе стихи въ эпическомъ родѣ. Правильность и отдѣлка слога въ его стихотвореніяхъ обратили на себя общее вниманіе.

Блистательный успѣхъ Карамзина породилъ множество подражателей, которые вредили ему болѣе, нежели самые враги. Они слѣдовали только его слабымъ сторонамъ и преувеличивали нѣкоторые его недостатки. Русскій языкъ наполнился странными выраженіями и чуждыми оборотами. Подражатели хотѣли такимъ образомъ приблизиться къ простому естественному и пріятному изложенію Карамзина.

Въ это время появилась книга Шишкова: „О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка", въ которой онъ сильно нападалъ на вредныя нововведенія и обнаружилъ смѣшную ихъ сторону. Однакожъ Шишковъ, при многихъ справедливыхъ

замѣчаніяхъ, слишкомъ увлекался ревностью къ своему предмету, и въ свою очередь сдѣлался страннымъ. Тогда у насъ явились двѣ литературныя партіи: московская, державшая сторону Карамзина, и петербургская, слѣдовавшая Шишкову, который защищалъ старину и составлялъ новыя слова въ замѣнъ иностранныхъ, получившихъ уже въ русскомъ языкѣ право гражданства.

Съ обѣихъ сторонъ споръ былъ жаркій, тянулся долго; но впослѣдствіи общій голосъ рѣшилъ, что слогъ Карамзина основанъ на глубокомъ знаніи свойствъ русскаго языка, очищенъ со вкусомъ и утвержденъ на правилахъ здравой логики. Въ первыхъ сочиненіяхъ Карамзина еще встрѣчались иностранныя слова и обороты, но слогъ послѣдующихъ его произведеній, былъ образцовымъ.

Труды Карамзина имѣли большое вліяніе на современниковъ, содѣйствовали образованію вкуса въ новомъ поколѣніи и положили основаніе русской литературѣ.

подражаніяхъ, слишкомъ увлекался ревностію къ чистому простоту, и въ свою очередь сдѣлался страннымъ. Тогда у насъ явились двѣ литературныя партіи: новаторовъ, державшихъ сторону Карамзина, и консерваторовъ, съ адмираломъ Шишковымъ, который защищалъ старину и составлялъ новыя слова изъ корней иностранныхъ, получившихъ уже въ русскомъ языкѣ право гражданства.

Съ обѣихъ сторонъ споръ былъ жаркій, длился долго, но впослѣдствіи обѣ стороны рѣшили, что слова иностранныя основанныя на потребныхъ законахъ свойствъ русскаго языка, приняты съ пользою и утверждены въ правахъ гражданства. Изъ первыхъ сочиненій Карамзина еще встрѣчались иностранныя слова и обороты, но затѣмъ послѣдующихъ его произведеній, слогъ образовался.

Труды Карамзина нынѣ остаются важными на поприщѣ словесности, усовершенствованія, ведутъ къ новымъ открытіямъ и изученію исторіи русской литературы.

ГЛАВА I.

Прошло слишкомъ двадцат лѣтъ съ-тѣхъ-поръ какъ умеръ Карамзинъ, этотъ мощный двигатель нашей литературы, которому, мы, Русскіе, обязаны образованіемъ своего общественнаго языка, эстетическаго вкуса и началомъ настоящей литературы, а между-тѣмъ еще не опредѣлено положительно значеніе этого писателя, стоявшаго выше понятій своихъ современниковъ, и подчинившаго своему авторитету многихъ соотечественниковъ, которымъ не чужды были интересы человѣчества и родины.

Между-тѣмъ какъ Карамзинъ все болѣе и болѣе удаляется отъ насъ, мы не дорожимъ временемъ, не стараемся отнять у забвенія, послѣднія о немъ изустныя преданія, изучить всѣ частныя обстоятельства его жизни, имѣвшія вліяніе на образъ и цѣль его дѣятельности; тѣмъ болѣе, что еще живутъ друзья Карамзина и его семейство.

Что́ скажетъ о насъ потомство, если мы, принадлежащіе къ поколѣнію, непосредственно слѣдовавшему за Карамзинымъ, если мы, ближайшіе свидѣтели его славы, не исполнимъ великаго долга, — не сохранимъ для дальнѣйшаго потомства достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ замѣчательномъ талантѣ, который такъ лестно оцѣнили наши Монархи, и

осыпали необыкновенными щедротами, — не соберемъ матеріаловъ для біографіи нашего классика? Намъ скажутъ: геній, талантъ — безсмертны; исторія генія заключается уже въ самыхъ его произведеніяхъ. Справедливо, но созданія генія, таланта, бываютъ лучшимъ для него украшеніемъ только въ минуту торжества писателя или художника, когда онъ стоитъ, какъ герой, увѣнчанный лаврами, и толпа рукоплещетъ его трофеямъ. Но для человѣчества не менѣе замѣчательно изучить и частныя обстоятельства жизни писателя, имѣвшія вліяніе на его развитіе. А какъ важно изученіе жизни геніяльныхъ людей для юныхъ талантовъ, избравшихъ поприще, по которому торжественно шелъ извѣстный писатель!

Отчего, смотря на дивное произведеніе рѣзца Кановы, на его Венеру, мы хотѣли бы проникнуть въ мастерскую этого роскошнаго генія Италіи; взглянуть на куски грубаго мрамора, на разбросанные инструменты и на самаго художника, побѣждающаго трудности и улыбающагося при взглядѣ на свое довершенное созданіе, за которое художественный міръ покорно поднесетъ лавровый вѣнокъ и дипломъ на удивленіе потомства. Отчего хотѣлось бы намъ проникнуть въ тайны дѣятельности художника?... Оттого что, только слѣдя за развитіемъ великаго произведенія, мы вполнѣ можемъ оцѣнить его. А какъ поучительно такое наблюденіе для вступившихъ въ преддверіе храма искусствъ! Разскажите молодому живописцу подробную жизнь Тиціана, дайте ему полную идею о мастерской этого генія — и примѣръ великаго мастера благодѣтельно подѣйствуетъ на душу ученика. Самыя таинства искусства уже не будутъ имѣть въ глазахъ его той, приводящей въ сомнѣніе, непостижимости, которая прежде страшила неопытныя силы и связывала ихъ развитіе.

Изучать критически произведенія геніяльныхъ писателей, изслѣдовать всѣ постороннія обстоятельства, имѣвшія на нихъ вліяніе, значитъ глубоко изучать теорію и механизмъ самаго искусства. Для того, чтобы наука и искусство выразились въ достойной ихъ формѣ, необходима техника. Поэтому и самые сильные таланты всегда и вездѣ нуждались въ образцахъ: великіе люди всегда были *великіе ученики* геніевъ. Однакожъ изученіе великихъ произведеній и великихъ талантовъ должно имѣть свои предѣлы. Должно изучать только ближайшія причины явленій, не пускаясь въ подробное изслѣдованіе длиннаго ряда причинъ, которыя взаимно себя обусловливаютъ; не должно, такимъ образомъ, отыскивать зародышъ генія или таланта на школьной скамьѣ. Геній проявляется въ слѣдствіе глубокаго сознанія причинъ извѣстнаго рода явленій. До того, онъ не можетъ произвести ничего великаго, потому-что все великое есть произведеніе глубокаго, совершеннаго ума.

Когда Шекспиръ ходилъ въ школу, съ сумкой, то нельзя было предполагать, что въ этой дѣтской головѣ скрывается зародышъ драматическаго генія, тѣмъ болѣе, что въ дѣтствѣ, Шекспиръ, можетъ быть, и не имѣлъ случая заглянуть въ театръ. И для генія нужны благопріятныя обстоятельства; все же остальное онъ довершитъ своими собственными средствами. Однакожъ, по общепринятому обыкновенію, жизнеописанія всѣхъ людей, болѣе или менѣе великихъ, всегда начинаются подробностями объ ихъ дѣтствѣ, анекдотами о юношескомъ возрастѣ, и т. д. Къ чему ведетъ это? Всего лучше слѣдить за процессомъ развитія генія, за обстоятельствами, приготовившими его, изучая духъ и направленіе того общества, которое посѣтилъ этотъ рѣдкій гость.

Такимъ образомъ, чтобы понять обстоятельства, приготовившія появленіе Карамзина, мы должны изучить состо-

яніе нашего общества въ то время, когда онъ родился; уразумѣть духъ вѣка, его любимыя привычки, надежды и вѣрованія: тогда намъ объяснится многое и въ жизни и въ твореніяхъ изучаемаго нами писателя. Безъ этого можемъ ли мы оцѣнить каждую его мысль, каждое его дѣйствіе? Имѣемъ ли мы право руководствоваться при такой оцѣнкѣ отжившаго писателя понятіями современными? Справедливъ ли будетъ приговоръ, произнесенный надъ его произведеніями по законамъ критики *безъусловной*, не принимая въ соображеніе ни времени, въ которое жилъ Карамзинъ, ни степени нашей тогдашней образованности?

Приступая къ біографіи Карамзина, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что хотя до-сихъ-поръ жизнь Карамзина не описана вполнѣ, однакожъ о немъ было очень много говорено въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Всѣ эти матеріалы можно раздѣлить на три разряда: матеріалы собственно біографическіе; статьи, въ которыхъ разсматривается его вліяніе на нашу литературу; рецензіи его историческаго труда.

Мы пользовались только матеріалами перваго рода, не многочисленными, но достовѣрными. Матеріалы втораго рода относятся бо́льшею частію къ первой четверти XIX столѣтія, когда жилъ еще исторіо́графъ, и писаны болѣе или менѣе пристрастно. Послѣдователи и приверженцы Карамзина превозносили всѣ его труды, не допуская никакой критики, и все кончалось безотчетною похвалою: это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что Карамзинъ стоялъ выше понятій современныхъ нашихъ литераторовъ, которые только благоговѣли передъ его твореніями и не осмѣливались произносить своего мнѣнія, считая въ тоже время святотатствомъ замѣчать погрѣшности этого нашего классика.—Противники Карамзина были бо́льшею частью люди, чу-

ждые основательныхъ познаній и, руководимые завистью къ нему, нападали на одни только слова, незначительныя ошибки, иногда даже на знаки препинанія, упустивъ изъ виду нравственную сторону произведеній — необыкновенное вліяніе на общество, распространеніе эстетическаго направленія, и умѣнье выказывать дурныя стороны общежитія, не вооружая противъ себя тѣхъ, противъ кого онъ писалъ. Въ этомъ случаѣ нападки противниковъ тоже не могутъ назваться критикою — это явныя личности. Противники Карамзина стояли несравненно ниже въ образованіи и въ общественномъ мнѣніи, и нападки ихъ не имѣли ни малѣйшаго вліянія на успѣхъ, которымъ пользовались всѣ произведенія исторіографа. Вотъ причины, отчего мы не можемъ пользоваться этимъ родомъ матеріаловъ.

Замѣчательнѣе двухъ первыхъ — третій родъ источниковъ, именно рецензіи историческаго труда Карамзина. Въ нихъ виденъ взглядъ нѣкоторыхъ современныхъ литераторовъ (но отнюдь не ученыхъ) на «Исторію Государства Россійскаго»; — мы говоримъ литераторовъ, потому что Каченовскій, Арцыбашевъ, Полевой и нѣкоторые другіе не могутъ быть названы учеными въ строгомъ смыслѣ. Самыя дѣльныя критики на огромный трудъ Карамзина были помѣщены въ «Сѣверномъ Архивѣ», который издавался тогда Ѳ. В. Булгаринымъ. Обо всемъ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Но главнымъ источникомъ при оцѣнкѣ Карамзина, какъ литератора и какъ историка, будутъ намъ служить самыя его произведенія, — источникъ чистый и достовѣрный. Принявъ за правило для критики трудовъ Карамзина — добросовѣстность и осторожность, мы, при всемъ томъ, никому не навязываемъ своихъ убѣжденій, а предоставляемъ ихъ на усмотрѣніе каждаго образованнаго читателя.

Подробная критика «Исторіи Государства Россійскаго» не войдетъ въ біографію Карамзина, но составитъ отдѣльное сочиненіе, въ которомъ мы постараемся разобрать всѣ возраженія, сдѣланныя Карамзину кѣмъ бы то ни было. Такъ, мы покажемъ какія изъ этихъ мнѣній основательны, опровергнемъ замѣчанія несправедливыя и пристрастныя, и потомъ уже выскажемъ свое собственное мнѣніе объ «Исторіи Государства Россійскаго». Мы совершенно убѣждены, что историческій трудъ Карамзина еще долго будетъ служить единственнымъ источникомъ для разныхъ историческихъ монографій, и въ особенности для тѣхъ писателей, которымъ не доступны всѣ историческія сокровища, находящіяся только въ библіотекахъ и архивахъ обѣихъ столицъ. Однакожъ великій трудъ Карамзина не чуждъ и недостатковъ: по этому-желая доставить пользующимся «Исторіею Государства Россійскаго» возможность избѣгать погрѣшностей и содѣйствовать критической обработкѣ отечественной исторіи, мы приведемъ въ своей *оцѣнкѣ* всѣ замѣчанія рецензентовъ на историческій трудъ Карамзина, возстановляющія истину фактовъ, изложенныхъ у исторіографа иной разъ по недостовѣрнымъ источникамъ, или безъ строгой критики.

Карамзинъ, какъ литераторъ — явленіе весьма замѣчательное въ исторіи нашей литературы; онъ составляетъ эпоху. Карамзинъ былъ поэтъ, беллетристъ, критикъ, политикъ, журналистъ и историкъ.

Такъ какъ въ новѣйшее время, у насъ явилось много поборниковъ чистоты русскаго слова, которые готовы привязываться къ каждой буквѣ и запятой; то мы, не желая навлечь на себя ихъ нерасположеніе, считаемъ необходимымъ замѣтить: хотя мы и назвали Карамзина поэтомъ, беллетристомъ, критикомъ, политикомъ и журналистомъ, однако жъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы считали Карамзина

великимъ поэтомъ и романистомъ, непогрѣшимымъ критикомъ, проницательнымъ журналистомъ и т. д. Не смотря на то, у насъ есть много средствъ доказать литературныя и ученыя достоинства Карамзина.

Состояніе нашего общества въ то время, когда родился Карамзинъ, * было не нормальное, но переходное. Петръ Великій сдѣлалъ Русскихъ Европейцами по одной внѣшней формѣ; его геній не могъ вдругъ коснуться внутренней стороны русской жизни. Сдѣлавшись гражданами Европы, по внѣшнему виду, наши предки чувствовали необходимость уподобиться Европейцамъ и по духу. Хотя нравственное перерожденіе Россіи началось при Петрѣ, но такъ-какъ оно впослѣдствіи не было поддерживаемо и питаемо зиждительнымъ и мощнымъ его духомъ, то, до царствованія Екатерины-Второй, русское общество довольно странно. Въ этикетѣ нашихъ прадѣдовъ было много смѣшнаго. Наше провинціальное общество, къ которому принадлежали родители Карамзина, сохранилось въ запискахъ современниковъ, дающихъ самое полное и вѣрное понятіе о бытѣ русскаго провинціальнаго дворянства въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Этотъ бытъ не заслуживаетъ подробнаго описанія; довольно сказать, что главныя черты жизни нашего провинціальнаго общества весьма далеко не удовлетворяли условіямъ общества образованнаго. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія, откройте любую страницу весьма незатѣйливыхъ «Записокъ» Данилова. Смѣсь азіатскихъ понятій съ европейскими встрѣчалась на каждомъ шагу въ быту нашихъ провинціальныхъ дворянъ, до самыхъ временъ царствованія Екатерины-Второй. Мы обращаемъ вниманіе на провинціальный дворянскій бытъ, потому что изъ среды его вышелъ и знаменитый Карамзинъ,

* Карамзинъ родился 1-го декабря 1765 года, въ Оренбургской губерніи, въ селѣ Михайловкѣ (Преображенскомъ).

котораго родители были небогатые дворяне Симбирской губерніи.

Родословныя извѣстія о Карамзиныхъ доходятъ до XVI столѣтія. Фамильное преданіе, сохранившееся до-сихъ-поръ, говоритъ, что предокъ ихъ былъ татарскій мурза, называвшійся Кара-Мурза. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, разсказывалъ исторіографъ своимъ дѣтямъ о происхожденіи рода Карамзиныхъ, и вѣроятно, разсказывалъ то, что́ самъ слышалъ отъ своего отца.

Не смотря однакожъ на всѣ недостатки вѣка (первой половины XVIII столѣтія), и тогда были люди, отличавшіеся простотою нравовъ, добродушіемъ, честностью, твердостью характера; къ числу такихъ-то людей принадлежали родители Карамзина, что́ доказывается правилами ихъ сына. Отецъ Карамзина былъ человѣкъ вполнѣ нравственный и благородный.

До временъ Екатерины, въ Россіи не было народныхъ училищъ. Усилія Петра въ этомъ отношеніи не достигли своей цѣли. Все образованіе дворянъ средняго класса состояло въ умѣньи читать и писать. Въ провинціи представителемъ учености былъ дьячекъ, умѣвшій, при случаѣ, блеснуть библейскою сентенціей, знавшій «церковный уставъ», и не совсѣмъ чуждый понятія «о цифирѣ». Карамзинъ тоже началъ ученіе у подобнаго педагога.

Находясь въ родительскомъ домѣ, молодой Карамзинъ не могъ получить основательнаго первоначальнаго образованія, не могъ употребить времени своего дѣтства на ученіе полезное. Но виною въ томъ не онъ, не его родители, а тогдашній вѣкъ. За то все стараніе отца Карамзина было обращено на развитіе нравственности сына. Впрочемъ, тогдашнее воспитаніе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло и нѣкоторыя выгоды. Справедливо говоритъ о немъ князь

П. А. Вяземскій въ своемъ сочиненіи «Фонъ Визинъ»: «Тогдашнее воспитаніе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло и хорошую сторону: ребенокъ долѣе оставался на русскихъ рукахъ, былъ окруженъ русскою атмосферою, въ которой ранѣе знакомился съ языкомъ и обычаями русскими. Европейское воспитаніе, которое уже въ возмужаломъ возрастѣ довершало воспитаніе домашнее, исправляло предразсудки, просвѣщало умъ, но не искореняло первоначальныхъ впечатлѣній, которыя были преимущественно отечественныя. Укажемъ на одно свидѣтельство: большая часть переписки государственныхъ людей царствованія Екатерины велась на русскомъ языкѣ, несмотря на господство языка французскаго и иноплеменныхъ нравовъ. Послѣ мы видимъ совершенно противное: первые звуки, первыя понятія, которыя передавали дѣтямъ другаго поколѣнія, были исключительно иностранные, потому-что ребенокъ отъ груди русской кормилицы былъ обыкновенно ввѣряемъ чужеземцамъ. Только позднѣе, въ лѣтахъ юношества, а часто и въ возрастѣ, перезрѣломъ для исправленія вкоренившихся погрѣшностей, русскій гражданинъ по собственному обратному влеченію, и какъ будто по уязвленію пробудившейся совѣсти, обращался къ изученію отечественнаго. Болѣе домосѣдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ исправленію частныхъ обязанностей, и соблюденію обрядовъ русскаго православія, можетъ быть — менѣе суетности, но въ семейственномъ кругу болѣе живаго участья въ дѣлахъ общественныхъ и, между-тѣмъ, болѣе независимости въ нравахъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію; оно имѣло свои недостатки, и весьма важные; но какъ замѣчено выше, имѣло въ себѣ что-то положительное, дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ».

Жаль, что молодой Карамзинъ съ самаго нѣжнаго возраста

былъ осужденъ на жизнь одинокую. Отецъ его былъ вдовъ. Карамзинъ лишился матери * очень рано, какъ это видно изъ его «Посланія къ женщинѣ», въ которомъ онъ говоритъ:

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты давъ мнѣ жизнь, сокрылась
Среди веселыхъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась.
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой!

Къ смиренію и застѣнчивости молодаго Карамзина содѣйствовало то, что онъ былъ сирота, потому-что самый заботливый отецъ не можетъ замѣнить матери. У Карамзина было три брата: Ѳедоръ, Александръ и старшій Василій Михайловичъ **, которому онъ впослѣдствіи посвятилъ переводъ Галлеровой поэмы «О происхожденіи зла».

* Отецъ Карамзина былъ женатъ два раза. Николай Михайловичъ родился отъ перваго брака (Екатерины Петровны Пазухиной) и былъ третій сынъ. Вторая супруга его отца Авдотья Гавриловна Дмитріева, была тетка Ивана Ивановича Дмитріева.

** Василій Михайловичъ былъ весьма образованный человѣкъ своего времени, самъ воспитавшій себя на энциклопедіи д'Аламберта. Николай Михайловичъ чрезвычайно уважалъ брата, находился съ нимъ въ постоянной переепискѣ, спрашивалъ его совѣтовъ, извѣщалъ его о всемъ, что дѣлалъ и предпринималъ. Въ послѣдствіи, занимаясь сочиненіемъ «Исторіи Государства Россійскаго», Николай Михайловичъ писалъ къ брату о ходѣ своихъ трудовъ; такъ-что изъ писемъ исторіографа мы знаемъ, что и когда было имъ писано. Письма эти имѣютъ для насъ необыкновенную важность, какъ это читатель увидитъ ниже. При всемъ уваженіи къ брату, исторіографъ не раздѣлялъ его мнѣній. Василій Михайловичъ не былъ женатъ, велъ жизнь независимую и былъ любимъ и уважаемъ всѣми знавшими его. Замѣтивъ однажды необыкновенныя способности у одной дѣвочки, онъ занялся ея воспитаніемъ. Въ послѣдствіи воспитанница его получила необыкновенную страсть не только къ литературѣ, но даже и къ наукамъ. Эта рѣдкая женщина выучилась даже латинскому языку и считалась ученѣйшею во всемъ околодкѣ, не выѣзжая изъ предѣловъ Симбирской губерніи. Будучи всѣмъ обязана Василію Михайловичу, котораго считала вторымъ своимъ отцомъ, она питала необыкновенное уваженіе ко всему роду Карамзиныхъ, въ особенности же къ Н. М. Она изучала, можно сказать, всѣ его произведенія, восхищалась его славою, и гордилась тѣмъ, что была воспитанницею брата великаго Карамзина. Ей хотѣлось хоть разъ въ жизни видѣть исторіографа. Употребивъ всѣ средства, она прибыла наконецъ въ Петербургъ, но исторіографа уже

Чувствительность, наслѣдіе матери, развилась въ Карамзинѣ очень рано, и осталась отличительнымъ его свойствомъ на всю жизнь, какъ онъ самъ утверждалъ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что Карамзинъ, въ дѣтствѣ, былъ обучаемъ нѣмецкому языку тамошнимъ (т. е. симбирскимъ) пятидесятилѣтнимъ врачемъ изъ Нѣмцевъ, котораго фамилію забылъ, но помнилъ его привлекательную физіономію, не смотря на горбъ. Онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его сіяли кротость и человѣколюбіе.

Въ «Вѣстникѣ Европы» былъ напечатанъ «Рыцарь нашего времени», романъ, въ которомъ Карамзинъ подъ именемъ «Леона» описываетъ свое дѣтство. Этотъ романъ написанъ подъ вліяніемъ «Исповѣди» Руссо и недоконченъ. Однакожъ мы приведемъ изъ него нѣсколько отрывковъ, относящихся до самого автора. Въ первой главѣ говорится: что Леонъ родился въ маѣ мѣсяцѣ, на берегахъ Свіаги (что несправедливо). Отецъ его (Михаилъ Егоровичъ) былъ отставной, израненый капитанъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, ни бѣденъ, ни богатъ; былъ въ турецкой и шведской кампаніи, и, возвратившись на родину, женился на сосѣдкѣ, дѣвицѣ лѣтъ двадцати. — Глава пятая. *Первый ударъ рока.* Леонъ лишается матери на седьмомъ году. Глава шестая посвящена описанію успѣховъ Леона въ ученіи, которое началось у дьячка, разумѣется съ «часовника». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Леонъ уже читалъ всѣ церковныя книги; потомъ учился гражданской азбукѣ. Такъ-какъ Руссо начинаетъ свое образованіе чтеніемъ всѣхъ книгъ безъ разбора, какія только находитъ въ отцовской библіотекѣ, то и Карамзинъ пролагаетъ Леону путь къ *желтому шкапу*, въ

не было на свѣтѣ. Семейство Карамзина обласкало женщину, благоговѣвшую къ памяти исторіографа. Возвратившись въ Симбирскъ, она вскорѣ умерла.

которомъ находились книги покойной его матери. Но какими книгами наполнить этотъ шкапъ? Авторъ не затруднился: онъ справился, какіе русскіе романы вышли въ половинѣ XVIII вѣка, и на полкѣ желтаго шкапа очутились «Даура, восточная повѣсть»; «Селимъ и Дамасина»; «Мирамондъ» и «Исторія Лорда N». Молодой Леонъ съ жадностью бросился на эти сокровища русскаго слова. — Изъ осьмой главы мы узнаемъ о ветеранахъ, собиравшихся въ домѣ отца Леона, отъ которыхъ молодой человѣкъ набрался «русскаго духа и благородной дворянской гордости». — Глава десятая заключаетъ въ себѣ описаніе знакомства Леона съ графинею N, у которой онъ учился по-французски, а потомъ, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, влюбился въ нее. Тутъ случилось еще одно маленькое происшествіе, въ слѣдствіе котораго графиня выдрала Леона за уши, разумѣется, въ шутку, отъ любви. Наэтомъ важномъ событіи прекращается исторія «Рыцаря на-шего времени».

Вся эта исторія, — бóльшею частью вымыселъ, но есть люди, которые, въ простотѣ сердца, принимая эту повѣсть за самое достовѣрное описаніе дѣтства Карамзина, полагаютъ ее въ основаніе его біографіи. Чтó станете дѣлать съ такими догадливыми біографами? А, кажется, грѣшно бы основывать біографію Карамзина на подобныхъ данныхъ.

Оставимъ «Рыцаря нашего времени», и скажемъ, что вскорѣ молодой Карамзинъ попалъ въ Москву, гдѣ существовалъ уже университетъ, а при немъ находился и пансіонъ извѣстнаго профессора Шадена. Старый капитанъ, отецъ Карамзина, повинуясь совѣтамъ друзей, отдалъ сына въ этотъ пансіонъ *. Здѣсь товарищами его были Платонъ и Иванъ Петровичи Бекетовы.

* Не извѣстно, въ которомъ году Карамзинъ былъ отвезенъ въ Москву, но изъ его «Путевыхъ записокъ» (изданіе 1801 года, часть VI, страница 344),

При основаніи московскаго университета, въ число предметовъ, назначенныхъ для преподованія, между-прочимъ, включены были: нравоученіе, права естественное и народное и политика. Для замѣщенія каѳедръ этихъ предметовъ вызванъ былъ изъ Германіи докторъ Іоганъ Маттей Шаденъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, получилъ и должность директора университетской гимназіи.

Шаденъ былъ родомъ изъ Пресбурга; въ послѣдствіи, онъ слушалъ курсъ наукъ въ тюбингенскомъ университетѣ, подъ руководствомъ Христ. Баумейстера, гдѣ въ особенности занимался философіею, и получивъ степень доктора, былъ вызванъ оттуда въ Россію.

Пріѣхавъ въ Москву и занявъ мѣсто директора университетской гимназіи, Шаденъ вникнулъ въ свои обязанности и началъ соображать, можетъ ли подобное учрежденіе принести въ Россіи ожидаемую пользу? Онъ видѣлъ, что одного университета недостаточно для пространной Россіи, и что необходимо учредитъ среднія и нисшія учебныя заведенія и частные пансіоны. По этому, при вступленіи въ должность директора, въ 1756 году, онъ говорилъ на торжественномъ актѣ рѣчь (на латинскомъ языкѣ): «О заведеніи гимназій въ Россіи» *. Между-тѣмъ для примѣра самъ открылъ пансіонъ, по образцу германскихъ пансіоновъ. Въ этотъ-то пансіонъ поступилъ и молодой Карамзинъ. Принимая его въ свое заведеніе, Шаденъ не могъ, при самомъ началѣ, не замѣтить въ молодомъ ученикѣ прекрасныхъ свойствъ; вскорѣ же Шаденъ открылъ въ Карамзинѣ и рѣдкія способности.

Такъ-какъ въ пансіонѣ особенное вниманіе было обращено

видно, что во время Американской войны онъ уже былъ пансіонеромъ Шадена, и читалъ донесенія торжествующихъ британскихъ адмираловъ. Слѣдовательно, это было между 1776 и 1780 годами.

* De Gimnasiis in Moscovia rite adaperiundis.

на изученіе языковъ, то молодой Карамзинъ прилежно занялся ими, вскорѣ сдѣлалъ значительные успѣхи, и пріобрѣлъ еще бо́льшее расположеніе къ себѣ Шадена, который сталъ водить его съ собою къ иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ, для того, чтобы этотъ юноша могъ усовершенствоваться въ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Карамзинъ вполнѣ оправдалъ ожиданіе Шадена, прекрасно владѣлъ языками французскимъ и нѣмецкимъ, и былъ однимъ изъ превосходныхъ учениковъ въ пансіонѣ. Шаденъ давалъ ему читать лучшія иностранныя сочиненія, писанныя для дѣтей. Карамзинъ читалъ басни Геллерта * и восхищался. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, Карамзинъ учился еще греческому **, латинскому, англійскому *** и итальянскому.

Къ-счастію Карамзина, Шаденъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, и при томъ пламенно любилъ Россію.

Окончивъ курсъ ученія въ пансіонѣ, Карамзинъ, по совѣту Шадена посѣщалъ университетскія лекціи, и посѣщалъ

* Въ бытность свою въ Лейпцигѣ, Карамзинъ видѣлъ памятникъ Геллерта, и писалъ при этомъ случаѣ слѣдующее: «Тутъ вспомнилъ я то́ счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку, когда читая его «Инкле и Ярико», обливался горькими слезами; или, читая «Зеленаго осла», смѣялся отъ всего сердца. Когда профессоръ, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ, съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, каковыми училъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы». Этими воспоминаніями растрогалъ я свое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ въ картинѣ: много тѣни и мрачности» («Письма Русскаго Путешественника», Лейпцигъ, 15 іюля).

** Будучи въ Данцигѣ, онъ писалъ къ своимъ друзьямъ: «хотѣлось бы мнѣ видѣть и профессора Тренделенбурга, чтобъ поблагодарить его за греческую грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впредъ надѣюсь пользоваться». («Письма Русскаго Путешественника», Данцигъ, 11/23 іюля 1787 года).

*** Но Карамзинъ не говорилъ по-англійски; поэтому, будучи въ Англіи онъ пишетъ въ своихъ «Письмахъ»: «Я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю англійскій языкъ». (Изданіе 1801 года, часть VI, страница 119).

ихъ съ пользою. Здѣсь онъ пріобрѣлъ довольно основательныя свѣденія въ исторіи отечественной и всеобщей; порядочно изучилъ исторію иностранныхъ литературъ, теорію изящной словесности, и читалъ образцовыхъ писателей Германіи, Францій и Англіи, въ подлинникахъ. Познанія Карамзина въ философіи ограничивались логикою и психологіей. Если прибавить къ этому, познанія въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, то, увидимъ, что Карамзинъ былъ очень хорошо образованъ для своего времени, тѣмъ-болѣе, что онъ довольно основательно зналъ все, чему учился.

Шадену хотѣлось, чтобы Карамзинъ, окончивъ университетское ученіе, отправился усовершенствоваться въ лейпцигскомъ университетѣ; Карамзинъ и самъ имѣлъ это въ виду, но не извѣстно, отчего именно не исполнилъ любимѣйшаго своего желанія: вѣроятно, препятствіемъ этому были денежныя средства, а можетъ быть и смерть отца, послѣдовавшая около этого времени. Въ запискахъ Карамзина находимъ слѣдующія строки, написанныя изъ Лейпцига.

« Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце! — Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія.— Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы въ глазахъ. Нельзя возвратить прошедшаго! » Послѣднія слова Карамзина весьма замѣчательны. Человѣкъ, неперестававшій учиться съ пріѣзда въ Москву до самаго выѣзда за границу, жалуется, что провелъ молодость въ бездѣйствіи. Какая скромность и внутреннее смиреніе!

Карамзинъ съ дѣтства отличался необыкновеннымъ даромъ

слова, онъ говорилъ съ чрезвычайною легкостью и пріятностью и, разсказывая самыя обыкновенныя вещи, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Шаденъ, замѣтивъ это обстоятельство, давалъ ему читать лучшихъ французскихъ авторовъ, чтобъ образовать его вкусъ и уже предвидѣлъ въ Карамзинѣ литератора *.

Окончивъ свое образованіе **, Карамзинъ жилъ въ Москвѣ; но такъ-какъ въ то время можно было сдѣлать карьеру только военною службой, то и Карамзинъ былъ записанъ въ гвардію (въ Преображенскій полкъ, подпрапорщикомъ), чтобъ имѣть доступъ въ высшій кругъ. Карамзинъ отправился въ Санктпетербургъ, вѣроятно, въ 1782 году, гдѣ и познакомился съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Вотъ разсказъ о первой ихъ встрѣчѣ: «Однажды я, будучи еще и самъ сержантомъ, пишетъ Дмитріевъ, возвращаюсь съ прогулки; слуга мой, встрѣтя меня на крыльцѣ, сказываетъ мнѣ, что кто-то ждетъ меня, пріѣхавшій изъ Симбирска. Вхожу въ горницу, и вижу миловиднаго, румянаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ моего родителя. — Стоило только услышать имя Карамзина, какъ мы уже были въ объятіяхъ другъ друга. Стоило намъ сойтись три раза, какъ мы уже стали короткими знакомыми. Едва ли не съ годъ мы были неразлучны; склонность нашa къ словесности, можетъ быть что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ, укрѣпляли нашу связь день отъ дня

* Все сказанное здѣсь о пребываніи Карамзина у профессора Шадена, сообщено мнѣ покойнымъ А. И. Тургеневымъ, который, вѣроятно слышалъ это отъ самого же Карамзина.

** Когда именно Карамзинъ окончилъ свое образованіе, навѣрно не извѣстно; но такъ-какъ онъ самъ въ примѣчаніи къ одному стиху, «Посланія къ женщинѣ», говоритъ: «авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ ѣхать въ армію («Сочиненія Карамзина», изданіе третіе, томъ I, страница 101), то должно полагать, что образованіе его кончилось въ 1782 году.

болѣе: мы давали взаимный отчетъ въ нашемъ чтеніи. Между-тѣмъ я показывалъ ему иногда мелкіе мои переводы, которые были напечатаны особо и въ тогдашнихъ журналахъ; слѣдуя моему примѣру, онъ принялся и самъ за переводы. Первымъ опытомъ его былъ «Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ нашей Императрицею Елисаветою, въ Елисейскихъ поляхъ», переведенный имъ съ нѣмецкаго языка. Я совѣтовалъ ему, продолжаетъ Дмитріевъ, показать его книгопродавцу Миллеру, который покупалъ и печаталъ переводы, платя за нихъ, по произвольной оцѣнкѣ и согласію переводчика, книгами изъ своей книжной лавки. Не могу безъ улыбки вспомнить, съ какимъ торжественнымъ видомъ добрый и милый юноша — Карамзинъ, вбѣжалъ ко мнѣ, держа въ обѣихъ рукахъ по два томика Фильдингова Томаса Іонеса (Tom Jones), въ маленькомъ форматѣ, съ картинками, перевода Харламова. Это было первымъ возмездіемъ за словесные труды его».

Послѣ этого Карамзинъ перевелъ «Деревянную ногу».

Однакожъ военная служба, кажется, была не по нраву Карамзину. По смерти отца онъ вышелъ въ отставку поручикомъ, потому-что ему не начто было сшить хорошій офицерскій мундиръ, и уѣхалъ въ Симбирскъ.

Вскорѣ туда пріѣхалъ и Дмитріевъ. Карамзинъ между-тѣмъ уже успѣлъ составить себѣ тамъ извѣстность человѣка образованнаго, владѣвшаго весьма разнообразными познаніями. «Я нашелъ его, пишетъ Дмитріевъ, играющимъ ролю надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу, и политикомъ передъ отцами семейства, которые, хотя и не привыкли слушать молодежъ, но его слушали. Такая жизнь не охладила, однакожъ, въ немъ прежней охоты къ словесности; при первомъ нашемъ свиданіи съ гла-

зу на глазъ, онъ спрашиваетъ меня, занимаюсь ли по прежнему переводами? Я сказываю ему, что не давно перевелъ изъ книги: «Картина смерти г. Каррачіоли», разговоръ выходца съ того свѣта съ живымъ другомъ его. Онъ удивился странному моему выбору, и дружески совѣтовалъ мнѣ бросить эту работу, убѣждая тѣмъ, что по выбору перевода судятъ и о свойствахъ самаго переводчика, и что я выборомъ моимъ конечно не заслужу завиднаго о себѣ мнѣнія. А я, примолвилъ онъ, думаю переводить изъ Волтера съ нѣмецкаго.— Что́ же такое? — Бѣлаго быка.—Какъ! эту дрянь! и еще подложную! вскричалъ я, повторяя его же заключеніе, и оба земляка схватились».

Разсѣянная свѣтская жизнь Карамзина продолжалась не долго. «Иванъ Петровичъ Тургеньевъ, говоритъ Ив. Ив. Дмитріевъ, будучи въ Симбирскѣ, уговорилъ Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву. Тамъ онъ познакомилъ его съ Николаемъ Новиковымъ, основателемъ, или, по-крайней-мѣрѣ, главной пружиной «Дружескаго типографическаго общества». Въ этомъ-то дружескомъ обществѣ началось образованіе Карамзина, не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ Новикова, онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ, слушать профессора Шварца, преподававшаго лекціи о Богопознаніи и высокихъ предназначеніяхъ человѣка. Между-тѣмъ знакомился и съ молодыми любословами, окончившими только учебный курсъ. Новиковъ употреблялъ ихъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ. Между ними, по всей справедливости, почитался отличнѣйшимъ Александръ Андреевичъ Петровъ. Онъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ здравой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики, а упраж-

нялся только въ переводахъ, изъ которыхъ извѣстны мнѣ первые два года еженедѣльника, подъ названіемъ: «Дѣтское чтеніе»; «Учитель», въ двухъ томахъ; «Хризомандеръ», мистическое сочиненіе, и «Багуатгата», также родъ мистической поэмы, писанной на санскритскомъ языкѣ, и переведенной съ нѣмецкаго. Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ; но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею, у Менщиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ дружескому обществу. Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго не задолго передъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву, а другая освящалась Іисусомъ на Крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа.»

Новиковъ, видя, что молодой Карамзинъ можетъ въ послѣдствіи служить средствомъ для его плановъ, совѣтовалъ ему заняться литературою *, и тотчасъ же предложилъ ему работу, именно переводы разныхъ иностранныхъ сочиненій педагогическаго содержанія, которыя раздавались при московскихъ газетахъ подъ заглавіемъ «Листки для дѣтскаго чтенія», а по-

* Карамзинъ уже былъ извѣстенъ Новикову своимъ переводомъ Гесперовой идилліи «Деревянная нога», напечатанной въ Санктпетербургѣ, 1783 года. Изъ этого перевода, конечно, еще нельзя было заключить, что выйдетъ въ послѣдствіи изъ Карамзина; но въ то время, когда у насъ печаталось весьма не много, и «Деревянная нога» имѣла свои достоинства и находила читателей.

томъ печатались отдѣльными книжками. Карамзинъ нашелъ, что занятія, предложенныя Новиковымъ, могутъ ему быть очень полезны, и что, переводя съ иностранныхъ языковъ, онъ нетолько ближе познакомится съ иностранною литературою, но со временемъ сдѣлается отличнымъ переводчикомъ. Притомъ, такъ-какъ до того времени въ Россіи не издавалось ничего подобнаго, то не было сомнѣнія, что это первое предпріятіе должно было увѣнчаться успѣхомъ, и доставить средства отправиться въ послѣдствіи за границу.

Карамзинъ приступилъ къ литературнымъ трудамъ, имѣя не болѣе девятнадцати лѣтъ; товарищемъ его по изданію «Дѣтскаго чтенія» былъ А. Петровъ.

Отношеніе Петрова къ Карамзину всего лучше видно изъ писемъ перваго къ послѣднему. Вотъ онѣ:

«Терпѣть иногда скуку, пишетъ Петровъ, есть жребій всякаго, отъ жены рожденнаго. Но также всякій человѣкъ имѣетъ способность разгонять скуку и на трудномъ каменистомъ пути своемъ выискивать маленькія тропинки, по которымъ хотя три или четыре шага можетъ ступить спокойно. Я не знаю, чья бы доля въ сей способности была менѣе моей, однако и я по большей части терплю скуку по своей волѣ. Работа, ученье, плоды праздныхъ и веселыхъ часовъ какого-нибудь Нѣмца, собственная фантазія, добрый пріятель— вотъ сколько противоскучій или противоядій скуки, мнѣ одному извѣстныхъ! и всѣ эти противоскучія можно найти не выходя за ворота. Сколько жъ можно еще ихъ найти, захотѣвши искать? Это все очень хорошо, скажешь ты, но когда скука овладѣетъ мною, то я не могу приняться за работу, ученье нейдетъ въ голову, и самый Шекспиръ меня не прельщаетъ; собственная фантазія заводитъ меня только въ пустыя степи, или въ дремучіе лѣса, а добраго пріятеля взять негдѣ. На это отвѣчаю, что къ работѣ и къ ученью всякій

молодой человѣкъ немного только попринудить себя долженъ, послѣ чего и Шекспиръ и ѳантазія будутъ приносить удовольствіе; а добрымъ пріятелемъ можетъ быть всякій честный человѣкъ, у котораго есть уши, языкъ и общій человѣческій смыслъ, если только захочешь подладиться къ его тону. Хотя подлаживаться къ чужому тону и требуетъ упражненія, однако по этому-то самому и служитъ оно противоядіемъ. Каково понравилось тебѣ мое нравоученіе?—Постарайся употребить что-нибудь изъ него въ свою пользу».

5 мая 1785 года.

«Я имѣлъ удовольствіе получить письмо твое отъ 9 мая, и благодарю тебя за него. Я никогда не сомнѣвался, что ты меня высоко почитаешь и горячо любишь, хотя въ первомъ и никогда ты меня не увѣрялъ. Люблю ль я тебя? о томъ не хочу сказывать. Я рѣдко пропускаю случай писать къ тебѣ, изъ чего можешь заключить по-крайней-мѣрѣ то, что я всегда о тебѣ помню. Disce philosophari! говоримъ мы, ученые; то есть: учися любомудрствовать, и отъ дѣйствія доходить до причины — (Когда будешь писать ко мнѣ, то пожалуй не позабудь поблагодарить меня за сіи латинскія слова и похвалить мою ученость).За двѣ недѣли передъ симъ писалъ я къ тебѣ о моей скукѣ, и теперь не почитаю за нужное повторять; что жъ касается до праздности, то я никому въ свѣтѣ не повѣрю, чтобъ ты ничего не дѣлалъ».

20 мая, 1785 года.

«Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія и дальніе края озарившему! такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи, или Германіи. Чего нѣтъ въ нихъ касающагося до литературы? — Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ ха-

рактерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофѣ и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ надъ тобою въ учености, второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло его съ ногъ; я спряталъ свой кусочекъ латыни въ карманъ, отошелъ въ уголъ, сложилъ руки на грудь, повѣсилъ голову и призналъ слабость мою предъ тобою, хотя ты по-латыни и не учился. Лѣность и праздность столько мною овладѣли, что я почти ни за какую работу не принимаюсь, а потому и рѣдко бываю въ добромъ расположеніи. Это уже не новое, но давнишнее скажешь ты. Правда! но мнѣ кажется, что прежде я никогда не чувствовалъ тягости, какую навьючиваетъ на насъ бездѣлье, по-крайней-мѣрѣ чувствовать началъ».

11 іюня, 1785 года.

«Поэзія, музыка, живопись воспѣты ли тобою? Удивленные Чистые пруды внемлютъ ли гимну Томсонову, улучшенному на языкѣ русскомъ? Обогащается ли русская проза и любуется ли какая-либо муза новымъ свѣтильникомъ въ ея мірѣ , тобою возженномъ? Отправлено ли уже письмо къ Лафатеру? Прочитай сіи вопросы, и пересмотри свои композиціи съ отеческою улыбкою, если онѣ существуютъ уже въ тѣлахъ; если жъ только души ихъ носятся въ головѣ твоей, то встань съ креселъ, приложи палецъ ко лбу, и устремивъ взоръ на столикъ, располагай, что́ и когда сдѣлать; потомъ уже вели сварить кофе, сядь, и дѣлай что тебѣ угодно».

«Вопросы: что́ я есмь? и что́ я буду? всего меня занимаютъ, и бѣдную мою голову, праздностью разслабленную, кружатъ. Но это сюда не принадлежитъ. Не слыханное совершается! и я стихи писалъ, или хотѣлъ писать. Но не соблазнись. Помни, что это гратуляція; участь же гратулянтовъ искони одинакова».

Изъ деревни Н. 30 іюня 1786 года:

Втеченіе пяти лѣтъ (съ 1785 до 1789 года) Карамзинъ издалъ съ Петровымъ 20 частей «Дѣтскаго чтенія». Изданіе это обратило на себя всеобщее вниманіе, по своему языку и разнообразію предметовъ, и было перепечатываемо четыре раза *.

Карамзинъ явился вдругъ журналистомъ и педагогомъ, потому-что на «Дѣтское чтеніе» надобно смотрѣть, какъ на періодическое изданіе, посвященное юношеству. Карамзинъ былъ редакторомъ и въ то же время самъ писалъ для своего изданія. Какъ редактору, ему должно отдать полную справедливость за выборъ статей, довольно занимательныхъ и разнообразныхъ, сколько позволяли матеріалы. Все «Дѣтское чтеніе» состоитъ собственно изъ статей педагогическаго и нравственнаго содержанія, переведенныхъ съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Кое-гдѣ встрѣчаются и небольшія оригинальныя статейки. Такъ какъ подъ статьями переводчики не подписывали имени, то нельзя сказать, какія статьи принадлежатъ Карамзину, и какія другимъ, тѣмъ болѣе, что Карамзинъ, какъ редакторъ, заботясь о чистотѣ языка, давалъ всему изданію общій колоритъ; по этому почти всѣ статьи «Дѣтскаго чтенія» написаны однимъ языкомъ.

Начавъ такимъ образомъ свое литературное поприще, Карамзинъ показалъ, чего можно было ожидать отъ него въ послѣдствіи. Уже въ этомъ изданіи онъ началъ открывать красоты русской рѣчи, кутораю такъ усердно обезобразили наши писатели XVIII столѣтія. Молодой литераторъ благоговѣлъ предъ Ломоносовымъ, уважалъ Сумарокова, но не подра-

* «Дѣтское чтеніе для сердца и разума», переводъ съ нѣмецкаго и французскаго, Ник. Кар. и А. П., 20 частей, М. въ унив. тип., 1785 — 1789 г., (8); 2-е изд., Владиміръ, въ тип. губ. пр. и Москва, въ тип. Пономарева, 1799., 1804 г.; 3-е изд. (а на заглавномъ листѣ 2-е), М., въ тип Селивановскаго, 1819 г., 12; 4-е изд., Орелъ, 1819 года.

жалъ ни одному, ни другому, ибо не имѣлъ способности подражать тому, чтó было противно его природному, чистому и вѣрному вкусу. Публика восхищалась слогомъ Карамзина въ статьяхъ «Дѣтскаго чтенія».

Изъ «Писемъ Русскаго Путешественника» * узнаемъ, что «Аркадскій памятникъ», сельская драма, съ пѣснями, въ одномъ дѣйствіи, сочиненія Вейсе, переведена съ нѣмецкаго самимъ Карамзинымъ. Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ этого любопытнаго памятника первой литературной дѣятельности преобразователя русскаго языка.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛИЗІАСЪ И ДАФНА.

ЛИЗІАСЪ.

Конечно мы съ тобою
Въ Аркадію пришли,
Любезнѣйшая Дафна.
Здѣсь вѣчная весна
Въ долинахъ зеленѣетъ;
Здѣсь кроткій вѣтерокъ
Колеблетъ воздухъ свѣжій,
Безъ терна цвѣтъ растетъ,
И небо чисто ясно.
Конечно мы съ тобой,
Любезнѣйшая Дафна
Въ Аркадію пришли.

ДАФНА.

Ахъ, Лизіасъ! мы вѣрно
Въ Аркадіи теперь.
Здѣсь все покойно мирно.
Гармонія пѣвцовъ,
Поющихъ на кусточкахъ,

* Лейпцигъ, іюля 17.

Въ восторгъ приводитъ насъ.
Они, не зная страха,
На встрѣчу къ намъ летятъ.
Ахъ, Лизіасъ! мы вѣрно
Въ Аркадіи теперь.

ВМѢСТѢ.

Будьте вы благословенны,
Вы долины и луга,
Гдѣ во вѣки обитаютъ
Добродѣтель и покой!
Пріимите насъ, долины,
Пріимите нѣжно насъ;
И укройте съ лаской юность!
Мы пришли сюда искать
Счастья, вольности, покоя.
Намъ любовь, кончая жизнь,
Счастья здѣсь искать велѣла,
Счастья, мира, тишины».

И въ наше время немного найдете такихъ стиховъ, назнанаемыхъ для дѣтскаго чтенія. Нѣтъ сомнѣнія, что современчики Карамзина, читая эти стихи, и не находя въ нихъ *колико*, *паче*, *токмо*, и ихъ собратій, модныхъ цвѣтовъ тогдашняго витійства, не мало удивились. — Какъ переводчикъ, Карамзинъ отличался необыкновенною точностью и удивительною близостью къ подлиннику. Занимаясь пять лѣтъ сряду переводами для «Дѣтскаго чтенія» статей различнаго содержанія, изъ лучшихъ иностранныхъ писателей, Карамзинъ незамѣтно образовалъ свой вкусъ. Изучая современныхъ иностранныхъ писателей *, онъ поневолѣ долженъ былъ слѣдовать ихъ направленію. Вотъ причина иногда излишней сантиментальности, встрѣчаемой въ статьяхъ Карам-

*) Издавая «Дѣтское чтеніе», Карамзинъ находилъ еще время изучать, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, «курсъ литературы» Баттё, вникалъ въ его правила и восхищался красотами приводимыхъ примѣровъ (П. Р. П., изд. — 1801 г., час. V, стр. 296).

зина. Впрочемъ, эта слабость вѣка, вкравшаяся въ сердце писателя, произвела и хорошее дѣйствіе.

Чистыя нравственныя правила, изложенныя увлекательнымъ, для того времени, языкомъ, незамѣтно проникали въ душу читателей, особенно читательницъ, и мало-по-малу дали совершенно иной колоритъ цѣлому обществу. Матери со слезами читали переводы Карамзина своимъ дѣтямъ, и такимъ образомъ въ послѣдствіи явилось цѣлое поколѣніе, воспитанное въ морали нѣмецкихъ и французскихъ писателей, переданной въ «Дѣтскомъ чтеніи». Надобно ли говорить, что «Дѣтское чтеніе» читалось и взрослыми, и на нихъ имѣло значительное вліяніе. Однакожъ это полезное періодическое изданіе прекратилось въ 1788 , а въ слѣдующемъ году молодой редакторъ его уже путешествовалъ по Европѣ.

Въ какомъ обществѣ жилъ Карамзинъ въ Москвѣ до своего отъѣзда за границу—не извѣстно положительно, однако можно судить съ вѣроятностью, что кромѣ дома профессора Шадена, у котораго Карамзинъ былъ принятъ какъ свой, онъ посѣщалъ также Тургеневыхъ, съ которыми былъ весьма близокъ; наконецъ, сблизившись съ Новиковымъ , проводилъ иногда время въ ученыхъ собраніяхъ, бывавшихъ тогда у этого ученаго человѣка. Изъ школьныхъ товарищей Карамзина мы знаемъ только А. Петрова. Къ этому времени относится разсказъ И. И. Дмитріева, о встрѣчѣ съ Карамзинымъ передъ отъѣздомъ его за границу. «Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ», говоритъ Дмитріевъ, «какую перемѣну я нашелъ въ миломъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша , который читалъ все безъ разбора , плѣнялся славою воина : но благочестивый ученикъ мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка.—Тотъ же веселый нравъ, та же любезность, но между-тѣмъ глав-

ная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность, и удивлялся, зачто онъ любитъ меня еще по прежнему. Мы прожили не долго вмѣстѣ. Послѣ того еще нѣсколько разъ встрѣчались въ Москвѣ, и наконецъ разлучились уже на долгое время. Со дня вступленія его въ дружеское общество до путешествія, онъ перевелъ и выдалъ съ нѣмецскаго языка два или три тома «Штурмовыхъ размышленій», подъ заглавіемъ, помнится мнѣ, «Бесѣды съ Богомъ»; Галлерову поэму: «О происхожденіи зла»; «Эмилію Галотти», трагедію Г. Лессинга; «Юлія Цесаря», трагедію Шекспира; одну пѣснь (не напечатанную), изъ «Мессіяды», поэмы Клопштока; съ французскаго «Les veillées du château», госпожи Жанлисъ, и за отсутствіемъ Петрова, продолжалъ около года: «Дѣтское чтеніе», въ которомъ напечаталъ первую сочиненную имъ повѣсть, и первые свои опыты въ поэзіи».

ГЛАВА II.

Прекративъ изданіе «Дѣтскаго чтенія» въ концѣ 1788 года, Карамзинъ въ началѣ слѣдующаго года, могъ уже исполнить давно задуманный планъ — взглянуть собственными глазами на все, о чемъ до-сихъ-поръ онъ зналъ только по книгамъ. Цѣлью путешествія Карамзина было «собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія, и обогатить свое воображеніе новыми картинами», какъ онъ самъ говоритъ Виланду. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ходилъ слухъ, будто извѣстный патріотъ, Новиковъ, желая содѣйствовать распространенію просвѣщенія въ отечествѣ, и видя въ молодомъ Карамзинѣ человѣка, подающаго большія надежды, доставилъ ему средства совершить путешествіе по образованнѣйшимъ государствамъ Европы, съ тѣмъ, чтобы Карамзинъ, возвратившись съ богатымъ запасомъ новыхъ идей, содѣйствовалъ его видамъ. Но въ новѣйшее время доказано, что эта молва не имѣетъ никакого основанія, и что молодой Карамзинъ путешествовалъ на свой собственный счетъ, уступивъ часть имѣнія, приходившагося ему по смерти отца, своему старшему брату, Василію Михайловичу. Въ половинѣ мая 1789 г., Карамзинъ ѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а оттуда — за границу. Во время своего путешествія онъ велъ путевыя записки, въ видѣ писемъ къ друзьямъ. Въ послѣдствіи

онѣ были изданы, подъ заглавіемъ: «Письма русскаго путешественника». Въ нихъ-то содержится много любопытныхъ замѣчаній и путевыхъ впечатлѣній, дающихъ самое вѣрное понятіе о Карамзинѣ.

Отправляясь за границу, Карамзинъ получилъ отъ С. И. Гамалея «инструкцію», которою долженъ былъ руководствоваться въ выборѣ предметовъ изученія. Копіи съ этой инструкціи находятся у многихъ любителей русской старины; въ Москвѣ. Не имѣя подъ рукою этого интереснаго для насъ документа, мы не знаемъ, на что́ именно менторъ старался направить вниманіе Карамзина. Но, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ путешествіе имѣло вліяніе на его развитіе, и что́ его въ особенности занимало, мы намѣрены постоянно слѣдить за своимъ путешественникомъ, начиная съ того времени, какъ онъ оставилъ Петербургъ, до возвращенія его въ Кронштадтъ.

Изъ писемъ Карамзина мы видимъ всю внутренность его души въ различныхъ обстоятельствахъ. Насъ могутъ упрекать, что мы довольствуемся однѣми только выписками изъ нихъ; согласны, но дѣло въ томъ, что онѣ какъ нельзя лучше содѣйствуютъ намъ къ достиженію цѣли: какъ можно ближе узнать Карамзина.

Изъ Санктпетербурга Карамзинъ отправился въ Кёнигсбергъ. Пріѣхавъ туда и осмотрѣвъ всѣ его достопримѣчательности, Карамзинъ рѣшился побывать у первой германской знаменитости—Канта. Вѣроятно, въ «инструкціи» стояло: «побывать у Канта и поговорить съ нимъ о различныхъ предметахъ». Но какъ явиться къ этому великому философу, не имѣя ни рекомендательныхъ писемъ ни общихъ знакомыхъ? Карамзинъ поступилъ въ этомъ случаѣ какъ человѣкъ свѣтскій. Вспомнивъ русскую пословицу, что «смѣлость города беретъ», онъ прямо отправился къ славному германскому мыслителю, и Карамзину открылись двери въ кабинетъ Канта. Первыя слова

Карамзина были: «Я русскій дворянинъ, путешествую для того, чтобы познакомиться съ нѣкоторыми славными учеными мужами и для того прихожу къ Канту». Философъ попросилъ его сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться многимъ; рѣдкіе любятъ метафизическія тонкости». Съ полчаса говорили они о разныхъ предметахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Карамзинъ дивился историческимъ и географическимъ свѣдѣніямъ Канта, которыя однѣ могли бы загромоздить магазинъ человѣческой памяти; но у него, это, какъ Нѣмцы говорятъ, дѣло постороннее. Наконецъ, Карамзинъ навелъ разговоръ на нравственную природу человѣка. Кантъ разоблачилъ передъ Карамзинымъ міръ, совершенно для него новый. Этотъ разговоръ до того подѣйствовалъ на Карамзина, что онъ держался его, какъ критеріума, всю свою жизнь. Вотъ что̀ онъ могъ удержать въ памяти изъ разсужденій Канта и внесъ въ свои записки: «Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится всегда къ пріобрѣтеніямъ. Смерть застаетъ насъ на пути къ чему нибудь, что̀ мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего онъ желаетъ; но онъ въ туже минуту почувствуетъ, что это все не есть все. Не видя цѣли или конца стремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль тѣмъ пріятнѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности между радостями и горестями, между наслажденіемъ и страданіемъ. Я радуюсь, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей; надѣюсь вступить въ другую. Помышляя о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ я сообразно съ нравственнымъ закономъ, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь.

Говорю о моральномъ законѣ: назовемъ его совѣстью, чувствомъ добра и зла, но онъ есть. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно. — Вѣроятность не есть увѣреніе, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразя все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и чтó бы вышло, когда бы мы, такъ сказать, «глазами увидѣли ее». Если бы она очень полюбилась намъ, мы не могли бы уже заниматься нынѣшнею жизнью, и были бы въ безпрестанномъ томленіи, а въ противномъ случаѣ не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: «тамъ будетъ лучше»! Но, говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и проч., предполагаемъ уже бытіе Всевышняго творческаго разума, все для чего нибудь, и все благо творящаго. Чтó? Какъ?.. Но здѣсь первый мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ, и мы остаемся во тьмѣ; одна фантазія можетъ носиться въ семъ мракѣ, и творить несобытное (несбыточное.)»—Отъ нравственной философіи разговоръ перешелъ къ самымъ философамъ, въ особенности къ современнымъ: говорили о Лафатерѣ, Боннетѣ, Мендельсонѣ и другихъ, и пришли къ врагамъ Канта. «Вы ихъ узнаете, сказалъ онъ Карамзину, и увидите, что они всѣ добрые люди.»

Разговоръ продолжался цѣлыхъ три часа. Карамзинъ замѣчаетъ что «Кантъ говоритъ скоро, тихо и невразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха». А вслѣдъ за этимъ: «домикъ у него маленькій, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ его метафизики». *

Это извѣстіе, сохраненное самимъ Карамзинымъ о подробностяхъ свиданія его съ великимъ мыслителемъ того вѣка— весьма для насъ важно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слова

* «Письма Русскаго Путешественника», Кенигсбергъ, 8/19 іюня, 1789 года.

Канта имѣли вліяніе на образъ мыслей Карамзина и могутъ служить для насъ нѣкоторыми данными при оцѣнкѣ философскаго его направленія.

Оставивъ Канта, послѣднюю кенигсбергскую достопримѣчательность, Карамзинъ съ нетерпѣніемъ летѣлъ въ новую столицу Пруссіи, Берлинъ. Городъ этотъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на молодаго путешественника, такъ-какъ и до сихъ поръ поражаетъ онъ всѣхъ русскихъ путешественниковъ, не видѣвшихъ прочихъ городовъ Европы; но въ послѣдствіи очарованіе это проходитъ.

Письма Карамзина изъ Берлина весьма замѣчательны; изъ нихъ мы видимъ, какъ онъ былъ любознателенъ, смѣтливъ и наблюдателенъ.

Познакомившись со всѣми достопримѣчательностями Берлина, Карамзинъ желалъ также познакомиться съ тамошними литературными знаменитостями, и началъ съ поэта-старика Рамлера, нѣмецкаго Горація, игравшаго въ свое время важную роль. Карамзинъ явился къ нему также, какъ и къ Канту. Рамлеръ принялъ его ласково, говорилъ съ нимъ о литературѣ и искусствахъ, далъ ему понятіе о состояніи современной германской литературы, такъ-что Карамзинъ съ восторгомъ произноситъ: «Рамлеръ — самый почтенный Нѣмецъ!»

На другой день Карамзинъ пошелъ къ Морицу, извѣстному въ то время психологу, къ которому онъ питалъ большое уваженіе, прочитавъ его «Anton Reiser». Въ этомъ сочиненіи Морицъ описываетъ свои приключенія, мысли и чувства, и развитіе своихъ душевныхъ способностей. «Confessions de J. J. Rousseau», «Stillings Jugendgeschichte» и «Anton Reiser», замѣчаетъ Карамзинъ, предпочитаю всѣмъ систематическимъ психологіямъ въ свѣтѣ». Эти послѣднія строки тѣмъ важнѣе

для насъ, что изъ нихъ мы также видимъ основныя начала, имѣвшія большое вліяніе на Карамзина.

Морицъ, скопивъ отъ профессорскаго дохода нѣсколько луидоровъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію. Подробное и оригинальное описаніе перваго его путешествія, изданнаго подъ заглавіемъ «Reisen eines Deutschen in England», Карамзинъ читалъ съ неизъяснимымъ удовольствіемъ *.

Онъ пробылъ у Морица цѣлый часъ, въ продолженіе котораго говорилъ съ нимъ объ удовольствіяхъ путешествія. Професcоръ весьма краснорѣчиво и увлекательно разсказывалъ о древностяхъ Италіи, о практическомъ направленіи Англичанъ, объ энергіи нѣмецкаго языка, о своей ссорѣ съ Кампе, славнымъ въ то время нѣмецкимъ педагогомъ. По этому Карамзинъ замѣчаетъ: «въ Германіи нѣтъ почти ни одного извѣстнаго автора, который бы съ кѣмъ-нибудь не имѣлъ публичной ссоры и публика читаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія» **.

Изъ Берлина Карамзинъ уѣхалъ въ Дрезденъ, знаменитый между-прочимъ картинною галереею, и насладившись изящными произведеніями живописи, отправился въ Лейпцигъ, центръ тогдашней германской учености. Въ дорогѣ, Карамзинъ познакомился съ студентомъ лейпцигскаго университета. «Между двумя путешественниками завязался разговоръ, и о чемъ же? говоритъ Карамзинъ: почти непосредственно о Мендельсоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ».—Студентъ доказывалъ своему сопутнику, что Федонъ — самое остроумное философское сочиненіе, но не смотря на то, всѣ доказательства нашего безсмертія основаны въ немъ на одной гипотезѣ. «Много вѣроятнаго, говорилъ онъ, но нѣтъ увѣренія, и едва-

* Нѣтъ сомнѣнія, что это сочиненіе подало Карамзину мысль издать и свои путевыя впечатлѣнія и назвать ихъ «Письма русскаго путешественника».

** П. Р. П. Берлинъ 6 іюля.

ли не тщетно будемъ мы искать его въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ философовъ!»—«Надобно искать его въ чувствахъ своего сердца», сказалъКарамзинъ.—«О! государь мой! возразилъ студентъ: сердечное увѣреніе не есть еще философское увѣреніе, оно не надежно: теперь вы чувствуете его, а черезъ минуту оно изчезаетъ, и вы не найдете его мѣста. Надобно, чтобы увѣреніе основывалось на доказательствахъ, а доказательства на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ которыхъ заключаются всѣ вѣчныя, необходимыя истины».—Наконецъ, разговоръ дошелъ до вопроса о душѣ. — «Если бы могли мы узнать точно, что́ такое есть душа сама въ себѣ, сказалъ студентъ, то намъ все бы открылось, но....»

Карамзинъ вынулъ изъ своей записной книжки письмо и прочелъ студенту слѣдующее:

«Глазъ по своему образованію, не можетъ смотрѣть на себя безъ зеркала. Мы видимъ себя только въ другихъ предметахъ (unser Ich siehet sich nur im Du). Чувство бытія, личность, душа, все это существуетъ только потому, что внѣ насъ существуетъ, по феноменамъ или явленіямъ, которые, кажется, до насъ касаются и....»

—«Прекрасно! сказалъ студентъ, прекрасно! Но если думаетъ онъ, что...». На этомъ мѣстѣ прекратился философскій разговоръ путешественниковъ *.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, Карамзинъ тотчасъ же старался познакомиться съ тамошними учеными, вѣроятно, въ слѣдствіе «инструкціи», началъ знакомство съ Река, профессора лейпцигскаго университета, человѣка молодаго, но пользовавшагося, въ то время, большимъ уваженіемъ за свои свѣдѣнія. Отъ него Карамзинъ узналъ о славѣ «Анахарсиса», сочиненіи аббата Бартелеми, потому-что геттигенскій профес-

* П. Р. Пут. Майсенъ, іюля 13 дня.

соръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ греческой литературы и древностей, своею рецензіею, помѣщенною въ «Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ», прославилъ это сочиненіе во всей Германіи.

Вторымъ литературнымъ знакомствомъ Карамзина, было знакомство его съ Плятнеромъ. «Никто изъ лейпцигскихъ ученыхъ такъ не славенъ, говоритъ Карамзинъ, какъ докторъ Плятнеръ, эклектическій философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ, который напримѣръ, въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ и тому и другому». Главное достоинство философскихъ сочиненій Плятнера была легкость въ изложеніи самыхъ отвлеченныхъ истинъ; вотъ почему онъ такъ нравился Карамзину.

Плятнеръ встрѣтилъ Карамзина словами: «я уже слышалъ о васъ отъ г. Клейста», и ввелъ его въ свой кабинетъ. Онъ былъ въ тотъ день очень занятъ, по этому просилъ Карамзина побывать у него на другой день, и провожая его, между-прочимъ спросилъ: «какой или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили? «Изящнымъ», * отвѣчалъ Карамзинъ, закраснѣвшись. На слѣдующій день, онъ пошелъ слушать лекцію доктора Плятнера объ эстетикѣ, и записалъ въ свою книжку, въ чемъ состоитъ сущность этой науки. «Эстетика говоритъ Карамзинъ, есть наука вкуса. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особенную, отдѣльную отъ другихъ науку, которая оставляя логикѣ образованіе высшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка, занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственнаго, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, эстетика учитъ чувствовать изящное и наслаждаться имъ».

* Т. е. les belles lettres.

На этой лекціи Плятнеръ говорилъ также о геніи. «Геній, говоритъ онъ, не можетъ заниматься ни чѣмъ, кромѣ важнаго и великаго *, кромѣ природы и человѣка въ цѣломъ. И такъ, философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей, всегда въ связи съ сею» **. Окончивъ лекцію и уходя изъ аудиторіи, Плятнеръ обратился къ Карамзину и пригласилъ его къ себѣ послѣ обѣда, обѣщая пойти съ нимъ ужинать въ такое мѣсто, гдѣ Карамзинъ увидитъ всѣ литературныя знаменитости Лейпцига. Въ назначенный часъ Карамзинъ пришелъ къ Плятнеру. — «Вы, конечно, поживете съ нами?» сказалъ онъ. — «Нѣсколько дней», отвѣчалъ Карамзинъ. — «Только! а я думалъ, что вы пріѣхали пользоваться Лейпцигомъ? Здѣшніе ученые почли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете нѣмецкій языкъ. Вмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше бы вамъ было пробыть подолѣе въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоземцевъ искали просвѣщенія и, надѣюсь, не тщетно». Плятнеръ давалъ Карамзину прекрасный совѣтъ, совѣтъ, который могъ принести ему много пользы; но Карамзинъ болѣе внималъ голосу своего сердца, нежели лейпцигскому профессору, и отвѣчалъ: «Я почелъ бы за особенное счастіе быть вашимъ ученикомъ, господинъ докторъ; но обстоятельства, обстоятельства!» Однакожъ эти же самыя обстоятельства не помѣшали ему прожить подольше въ Же-

* Эта мысль лейпцигскаго профессора имѣла вліяніе на молодаго Карамзина, который, чувствуя, что́ отличало его отъ прочихъ современныхъ русскихъ писателей, рѣшился никогда не упускать изъ виду этого правила во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

** Всѣ эти начала Карамзинъ принялъ въ основаніе своей будущей дѣятельности.

невѣ. — Въ осемь часовъ вечера Карамзинъ былъ въ гостинницѣ «Голубаго Ангела», куда ему предложилъ придти Плятнеръ, и гдѣ должны были собраться на ужинъ важнѣйшіе лейпцигскіе ученые. Плятнеръ представилъ имъ молодаго путешественника, и начался аѳинско-нѣмецкій ужинъ. Плятнеръ игралъ за ужиномъ первую роль, то есть, управлялъ разговоромъ. «Онъ самый свѣтскій человѣкъ, замѣчаетъ Карамзинъ: любитъ и умѣетъ говорить, говоритъ смѣло, для того, что чувствуетъ свою цѣну».

На другой день, послѣ ученаго ужина, Карамзинъ былъ у поэта Вейсе: «Вейсе, пишетъ онъ, любимецъ драматической и лирической музы — поэтъ, какъ по уму, такъ и по сердцу, почтенія достойный другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣтей, который примѣромъ и ученіемъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія». Онъ обошелся съ нимъ ласково и просто. Разговоръ съ Вейсе былъ болѣе свѣтскій и кружился около самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, а потому мы не обращаемъ на него особеннаго вниманія.

Черезъ три дня Карамзинъ былъ уже въ Веймарѣ, гдѣ находились тогда корифеи германской учености: Виландъ, Гете и Гердеръ. Прежде всего онъ пошелъ къ Гердеру, у котораго одна мысль, какъ сказалъ объ немъ одинъ нѣмецкій авторъ, и эта мысль — цѣлый міръ. Карамзинъ читалъ его «Urkunde des menschlichen Geschlechts», многаго не понималъ, но что̀ понималъ, тѣмъ восхищался. «Въ какихъ картинахъ, пишетъ онъ, представляетъ Гердеръ твореніе! какое восточное великолѣпіе!» Онъ читалъ также Гердерова «Бога», въ которомъ авторъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный философъ и ревностный почитатель Божества, равно удаленный отъ пантеизма и атеизма, и по этому поводу сообщаетъ и свои мысли о Богѣ и твореніи.

Гердеръ встрѣтилъ Карамзина такъ ласково, что онъ забылъ въ немъ «великаго духа и автора», и видѣлъ передъ собою только любезнаго привѣтливаго человѣка. Гердеръ разспрашивалъ его сперва о политическомъ состояніи Россіи; потомъ разговоръ обратился на литературу. Слыша отъ Карамзина, что онъ любитъ нѣмецкихъ поэтовъ, Гердеръ спросилъ: кого изъ нихъ предпочитаетъ онъ всѣмъ прочимъ? Вопросъ этотъ привелъ Карамзина въ замѣшательство. «Клопштока, отвѣчалъ онъ запинаясь, я почитаю возвышеннѣйшимъ изъ германскихъ поэтовъ». Гердеръ совершенно одобрилъ мнѣніе Карамзина, но хвалилъ также Виланда, а еще болѣе Гете. Гердеръ съ восторгомъ прочелъ Карамзину небольшое стихотвореніе Гете, написанное совершенно въ греческомъ духѣ; по тому-то Карамзинъ и говоритъ: «Гердеръ, Гете, и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ греческимъ, и сдѣлать его самымъ богатымъ и для поэзіи способнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ прекрасныхъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ, когда царицы ходили по-воду, и цари знали счетъ своимъ баранамъ».

На слѣдующій день Карамзину удалось увидѣть Виланда: «Вообразите себѣ, пишетъ онъ, человѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные—таковъ Виландъ». Сначала онъ принялъ Карамзина весьма сухо.—«Я пріѣхалъ въ Веймаръ для того, чтобъ видѣть васъ, сказалъ ему Карамзинъ». Это не стоило труда! отвѣчалъ Виландъ съ холоднымъ видомъ; потомъ

спросилъ Карамзина, какъ онъ, живя въ Москвѣ, научился говорить по нѣмецки? Карамзинъ отвѣчалъ, что онъ имѣлъ случай часто говорить съ Нѣмцами, которые хорошо знали свой языкъ.

Между-тѣмъ и гость и хозяинъ стояли; изъ чего первый заключилъ, что Виландъ не намѣренъ его долго у себя держать. — «Конечно я пришелъ не во время», сказалъ Карамзинъ. — «Нѣтъ, впрочемъ поутру я, обыкновенно, чѣмъ нибудь занимаюсь», отвѣчалъ Виландъ.

—«И такъ, позвольте мнѣ прійти въ другое время, назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть».

— «Чего вы отъ меня хотите?»

— «Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, возбудили во мнѣ желаніе узнать васъ лично, я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя».

— «Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно»?

— «Скажите».

— «Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которые мнѣ ни почему не извѣстны. Я васъ не знаю».

— «Правда, но чего вамъ отъ меня опасаться»?

— «Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что́ сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику, а отъ этаго многіе потерпѣли. Я на себя не надѣюсь; иногда могу быть слишкомъ откровененъ».

— «Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для нѣ-

мецкой публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка».

— «Но какая польза намъ знакомиться! Положимъ, что мы сдѣлаемся другъ другу интересны; да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться».

— «Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могъ бы я прожить въ Веймарѣ дней десять. И разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ васъ — узналъ, какъ отца среди семейства, и какъ друга среди друзей».

— «Вы очень искренны, иной бы не сказалъ этого напередъ. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили во мнѣ чего нибудь худаго».

— «Вы шутите».

— «Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣстно было, если бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть, въ другомъ нѣмецкомъ городѣ, на примѣръ въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе».

— «Вы поэтъ, а я люблю поэзію: что̀ бы могло быть для меня пріятнѣе, если бы вы позволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о сей усладительницѣ жизни нашей»?

— «Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть вы мастеръ мой въ поэзіи».

— «О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами въ первый и послѣдній разъ».

Виландъ, посмотрѣвъ на Карамзина, сказалъ съ улыбкою.

— «Я не физіономистъ; однакожъ видъ вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность, и я вижу еще перваго Русскаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего Ш***, остраго человѣка, напитаннаго духомъ этого старика (указывая на бюстъ Вольтера).

Обыкновенно ваши единоземцы стараются подражать Французамъ, а вы....»

— «Благодарю».

— «И такъ если вамъ угодно провести со мною часа два, три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго.»

— «Мнѣ должно бояться».

— «Чего»?

— «Того, чтобы посѣщеніе мое не было вамъ въ тягость».

— «Оно будетъ мнѣ пріятно, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни въ свѣтѣ были искренны».

— «Прощайте»!

— «Въ третьемъ часу васъ ожидаю».

— «Буду, сказалъ Карамзинъ. Прощайте!»

Карамзинъ пошелъ отъ Виланда прямо къ Гердеру.

Сухой пріемъ перваго такъ озаботилъ нашего путешественника, что онъ рѣшился на другой же день оставить Веймаръ. Гердеръ принялъ Карамзина съ кроткою лаской и выраженіемъ самой патріархалной искренности. Они говоли объ Италіи, откуда Гердеръ только-что возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были предметомъ его любопытства. При этомъ разговорѣ Карамзину вдругъ пришло на мысль пробраться изъ Швейцаріи въ Италію, взглянуть на Медицейскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера; наконецъ взглянуть на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнуть о ничтожествѣ всего земнаго. Однако жъ Карамзину не удалось осуществить этой прекрасной мысли. — Обративъ разговоръ на сочиненія Гердера, Карамзинъ признался, что «Die Urkunde des menschlichen Geschlechts» показались ему большею частью непонятными. «Эту книгу сочинилъ я въ моей молодости, сказалъ Гердеръ, когда вооб-

раженіе мое было во всей своей стремительности и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ».

Послѣ обѣда Карамзинъ отправился къ Виланду на назначенное свиданіе. Начался разговоръ. Говоря о любви къ поэзіи, Виландъ замѣтилъ: «Если бы судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, я написалъ бы все тоже, и съ такимъ же тщаніемъ вырабатывалъ бы свои сочиненія, думая, что музы слушаютъ мои пѣсни».— Занимаясь въ послѣдствіи литературою, Карамзинъ помнилъ слова Виланда и обрабатывалъ каждую фразу какъ-можно тщательнѣе.—«Скажите, продолжалъ Виландъ — потому что я начинаю вами интересоваться—скажите, что́ у васъ въ виду?»—«Тихая жизнь, отвѣчалъ Карамзинъ. — «Кто любитъ музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празднен, и всегда найдетъ для себя пріятное дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ своего удовольствія, творческую силу, которая дѣлаетъ его счастливымъ».

Разговоръ по нѣмецкому обычаю, коснулся наконецъ и философіи.—«Никто изъ систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ обольщать своихъ читателей, какъ Боннетъ, а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно и заставляетъ любить себя и философію свою». Разбирая философовъ и ихъ системы' собесѣдники начали мало-по-малу высказывать и свои собственныя убѣжденія и вѣрованія. Карамзинъ говоритъ: «Съ искренностью открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ничего не отвергаетъ, но только полагаетъ различіе между чаяніемъ и увѣреніемъ. Его можно назвать скептикомъ , но только въ хорошемъ значеніи сего слова». Наконецъ Карамзинъ разстался съ Виландомъ.—«Вы видѣли меня таковымъ,

каковъ я подлинно, сказалъ онъ. Прощайте, и отъ времени до времени увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были».—«Никогда не забуду я Виланда, пишетъ Карамзинъ. Съ какою откровенностью, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ. Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. *Клелія и Синибальдъ*, послѣдняя изъ поэмъ его, писана съ такою же полнотою духа, какъ *Оберонъ*, какъ *Музаріанъ* и прочее. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ онъ въ Германіи, какъ авторъ. Эпоха славы Виланда началась съ изданія его комическихъ повѣстей, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходнѣйшими и единственными тогда на нѣмецкомъ языкѣ».—Карамзину хотѣлось также познакомиться и съ Гете, но пріемъ Виланда совершенно отбилъ у него охоту къ новымъ знакомствамъ, и съ этого времени онъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не такъ смѣло, какъ прежде. Проходя возлѣ дома, гдѣ жилъ Гете, Карамзинъ увидѣлъ его въ окно, остановился, разсматривалъ его съ минуту, и сказавъ: «Важное греческое лицо!», пошелъ далѣе. Наконецъ Карамзинъ, вспомнилъ опять русскую пословицу что смѣлость города беретъ, и опрометью побѣжалъ къ Гете, но сказали, что Гете рано уѣхалъ въ Іену.

Оставивъ Веймаръ, Карамзинъ направилъ свой путь въ Швейцарію. Онъ проѣхалъ Эрфуртъ, Готу, Франкфуртъ, Майнцъ, Мангеймъ, Страсбургъ, и прибылъ въ Базель.

Прежде чѣмъ послѣдуемъ за Карамзинымъ въ Швейцарію, скажемъ нѣсколько словъ о поѣздкѣ его по Германіи. Нѣкоторые обвиняютъ автора «Писемъ русскаго путешественника» въ томъ, что будто бы, оставаясь чуждымъ

общественнымъ интересамъ, онъ ограничивался только путешествіемъ по кабинетамъ германскихъ ученыхъ и литераторовъ; что бесѣда съ Кантомъ, Гердеромъ или Виландомъ занимала его болѣе, нежели общество, въ которомъ они жили, и прочее. Но неосновательность такихъ упрековъ явно обнаруживается при чтеніи путевыхъ записокъ Карамзина, обнимающихъ со всѣхъ сторонъ тогдашнюю жизнь германскаго общества.

ГЛАВА III.

—

Съ перваго шага на почву Швейцаріи, Карамзинъ былъ пораженъ красотами природы. — Пробывъ въ Базелѣ нѣсколько дней, онъ поѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ жилъ тогда Лафатеръ.

Къ этому времени относятся письма Петрова, писанныя къ Карамзину за границу. Вотъ они:

«Простота чувствованія превыше всякаго умничанья; грѣшно сравнивать натуру «Cenæ» * съ педантскими подражаніями, съ натянутыми поддѣлками низкихъ умовъ. Однако простота не состоитъ ни въ подлинномъ, ни въ притворномъ незнаніи. Можно писать крестьянскими нарѣчіями: што, поди-ко, дво-съ, вотъ-ты, и со всѣмъ тѣмъ педантствовать. Самыя жаркія чувствованія могутъ иногда показаться суше латинскаго лексикона и латинской грамматики.

«Ты началъ что-то писать, но не хочешь сказать мнѣ, что́ такое.—И я началъ, по приказанію, нѣчто писать. А что́? — теперь не скажу!

«Для разогнанія черныхъ мыслей, которыя иногда и въ деревнѣ меня посѣщаютъ, разскажу тебѣ небольшое приключеніе, недавно бывшее. Я уже писалъ къ тебѣ, что за Москвою рѣкою былъ большой пожаръ. Въ этомъ пожарѣ неучтивый огонь не пощадилъ, между прочими домами, и хи-

* Cena, *ужинъ*. Здѣсь идетъ рѣчь объ ужинѣ Карамзина съ лейпцигскими профессорами; см. стр. 36.

жины одного изъ бывшихъ нашихъ пріятелей, не разсудивъ о томъ, что вмѣстѣ съ домомъ можетъ разрушить и философію хозяина? (Ты долженъ знать этаго пріятеля: это толстый купецъ, съ величавою поступью, который по всей Москвѣ почитался философомъ). Лишившись дому, господинъ философъ цѣлый день неутѣшно плакалъ, какъ-бы, можетъ быть, и я въ такихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ. Простодушные знакомцы его дивились, видя русскаго Сенеку, плачущаго, и изъявили ему свое удивленіе. Онъ отвѣчалъ имъ: «не о домѣ моемъ плачу; знаю, что домъ и всякое другое имѣніе суета. Но подъ кровлею моего дома птичка свила себѣ гнѣздо; оно теперь разорено, и о ней-то я плачу». Простодушные знакомцы дивились сему великодушію, славили философію, могущую возвысить человѣка до такой степени, и восклицали: «О великій мужъ! забывая о своемъ несчастіи, плачетъ о птичкѣ».

«Воспоминаніе объ тебѣ есть одно изъ лучшихъ моихъ удовольствій. Часто я путешествую за тобою по ландкартѣ; разчисляю, когда, куда могъ ты пріѣхать, сколько гдѣ пробыть; вскарабкиваюсь съ тобою на высоты горъ, воображаю тебя бродящаго по прекраснымъ мѣстамъ или дѣлающаго визитъ какому-нибудь важновидному ученому. — Я думаю, что теперь ты давно уже въ Швейцаріи. Усердно желаю, чтобы во всѣхъ мѣстахъ находилъ ты такихъ людей, которыхъ знакомство и воспоминаніе возвышало бы удовольствіе, какое ты находилъ въ наслажденіи прекрасною природою и въ новости предметовъ, и утѣшало бы тебя въ твоемъ непріятномъ опытѣ, что вездѣ есть зло; могу себѣ представить, что сей опытъ часто тебя огорчаетъ при твоей чувствительности, и приводитъ въ такое грустное расположеніе, въ какомъ видалъ я тебя, живши съ тобою. Но не правда ли, что онъ и даетъ тебѣ живѣе чувствовать цѣ-

ну людей достойныхъ почтенія, многихъ ли, или немногихъ?

«Я весьма любопытенъ знать, видѣлся ли ты съ А. М.; видѣлся ли уже съ Лафатеромъ, и какъ онъ тебя принялъ; какъ располагаешь ты свой вояжъ? я опасаюсь твоего проѣзда черезъ Францію, гдѣ нынѣ такія неустройства.

«Что́ касается до меня, я живу по прежнему; перевожу (что́, мимоходомъ сказать, довольно уже мнѣ наскучило). Осиротѣвшее безъ тебя Дѣтское чтеніе намѣренъ я наполнить по большой части изъ Кампева Теофрона».

Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ увидѣлъ Карамзинъ живописное мѣстоположеніе Цюриха, его цвѣтущія окрестности, зеркальное озеро, вставленное въ свѣтло-зеленую рамку береговъ, на которыхъ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для своихъ пастуховъ и пастушекъ; «гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями священной любви къ отечеству, которая послѣ съ шумомъ волнующагося моря излилась въ его *Германѣ*; гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей *Ноэхиды*, и питался духомъ временъ патріархальныхъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи бесѣдовали съ музами; гдѣ Фридрихъ Штольбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ *духѣ своемъ* древнѣйшаго изъ творцовъ греческихъ, пѣвца боговъ и героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго греческое юношество, видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ».

Въ тотъ же день послѣ обѣда, Карамзинъ пошелъ къ Лафатеру. «Вошедши въ сѣни, пишетъ Карамзинъ, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокій, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, услышавъ,

что я тотъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною, сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи, потомъ сказалъ: «приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать разсматривать, что́ вамъ угодно». Потомъ онъ показалъ Карамзину на шкапъ, въ которомъ стояло нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: «физіологическій кабинетъ», и ушелъ. Карамзинъ сперва не зналъ, что ему дѣлать, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физіономическіе рисунки. Между-тѣмъ такой пріемъ оставилъ въ немъ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія; онъ невольно вспомнилъ Виланда. Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, бралъ книгу или бумагу и опять уходилъ. Наконецъ онъ пришелъ съ веселымъ видомъ, взялъ его за руку и повелъ въ собраніе цюрихскихъ ученыхъ, къ профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ его хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. «Лафатеръ, пишетъ Карамзинъ, имѣетъ почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое, блѣдное лицо, проницательные глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ».

Во все время пребыванія въ Цюрихѣ, Карамзинъ постоянно посѣщалъ Лафатера, иногда даже по нѣскольку разъ въ день; довольно часто обѣдалъ и ужиналъ въ кругу его семейства и друзей. Лафатеръ водилъ его ко всѣмъ своимъ знакомымъ, старался доставить ему удовольствіе, прогуливался съ нимъ по вечерамъ и разговаривалъ о различныхъ предметахъ. Нѣкоторые изъ этихъ разговоровъ довольно интересны и важны.

Лафатеру хотѣлось, чтобы Карамзинъ, возвратившись въ Россію, издалъ на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. Онъ хотѣлъ пересылать къ нему въ Москву свои руко-

писи, а Карамзинъ долженъ былъ собрать подписку, и увѣрить публику, что въ извлеченіи этомъ не будетъ ни одного не обдуманнаго слова. Карамзинъ принялъ предложеніе Лафатера и ударилъ съ нимъ по рукамъ, однакожъ по разнымъ причинамъ не могъ исполнить даннаго обѣщанія.

Наконецъ Лафатеръ до того сблизился съ Карамзинымъ, что иногда спрашивалъ его о подробностяхъ жизни, позволяя Ктакже и арамзину предлагать разные вопросы, и въ особенности письменно. Карамзинъ предложилъ, между-прочимъ, знаменитому физіономисту, вопросъ, который всегда долженъ остаться для философовъ камнемъ преткновенія, именно: о всеобщей цѣли бытія, равно достижимой для мудрыхъ и не мудрыхъ? Каждый философъ считаетъ себя вправѣ отвѣчать на подобные вопросы, по этому и Лафатеръ далъ Карамзину слѣдующій отвѣтъ:

«Бытіе есть цѣль бытія.—Чувство и радость бытія есть цѣль всѣхъ нашихъ дѣйствій. Мудрый и слабоумный только сего ищутъ—ищутъ средствъ къ тому, чтобы наслаждаться бытіемъ своимъ, или чувствовать его, ищутъ того, чрезъ чтó они самихъ себя сильнѣе ощущать могутъ.—Всякое чувство и всякій предметъ, постигаемый которымъ-нибудь изъ нашихъ чувствъ, суть прибавленія (Beiträge) нашего самочувствованія, тѣмъ болѣе блаженства. Какъ различны наши организаціи или образованія, также различны и наши потребности въ средствахъ и предметахъ, которые новымъ образомъ даютъ намъ чувствовать наше бытіе, наши силы, нашу жизнь. Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія; чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенаслаждительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе средство или предметъ, въ которомъ или чрезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше—тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе (Liebender), лю-

бимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлью бытія нашего сообразнѣе.—Изслѣдуйте точно, чрезъ что́ и въ чемъ вы пріятнѣе или тверже существуете? что́ вамъ доставляетъ болѣе наслажденія, разумѣется такого, которое никогда не можетъ причинить раскаянія, которое всегда съ спокойствіемъ и внутреннею свободою духа можетъ и должно быть снова желаемо? Чѣмъ достойнѣе и существеннѣе ваше средство, тѣтъ достойнѣе и существеннѣе вы сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаетесь—то есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе существованіе ваше—тѣмъ болѣе приближаетесь вы ко всеобщей и особливой цѣли бытія вашего. Отношеніе (Anwendung) и изслѣдованіе сего положенія покажетъ вамъ истину, или всеотносимость онаго. Цюрихъ, въ четвертокъ ввечеру, 20 августа, 1789 года. Іоаннъ Каспаръ Лафатеръ». *

«Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ? пишетъ Карамзинъ. Вы конечно, не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего, мнѣ хотѣлось только узнать, что́ онъ о томъ скажетъ».

Каждое утро Карамзинъ являлся къ Лафатеру съ какимъ-нибудь вопросомъ, изложеннымъ на бумагѣ. Лафатеръ пряталъ бумагу въ карманъ, а въ ввечеру возвращалъ ее съ отвѣтомъ, на ней же написаннымъ, оставивъ у себя копію.

Путешественникъ нашъ прожилъ въ Цюрихѣ слишкомъ двѣ недѣли, и почти постоянно въ обществѣ Лафатера.

Когда Карамзинъ оставлялъ Цюрихъ, Лафатеръ не хотѣлъ прощаться съ нимъ на всегда, говоря, что онъ непремѣнно

* Въ слѣдующемъ году этотъ отвѣтъ былъ напечатанъ въ журналѣ, который издавалъ Лафатеръ въ Берлинѣ. Берлинскіе ученые напустились на этотъ отвѣтъ порядкомъ. Карамзинъ читалъ ихъ рецензіи, однакожъ замѣчаетъ: «Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы и понятны и справедливы; здѣсь можно назвать новыми только однѣ выраженія». П. Р. Пут., Цюрихъ.

долженъ еще разъ пріѣхать на берега Лимматы, и далъ ему одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Щвейцаріи. *

Наконецъ лучшія мечты Карамзина осуществились; оставивъ Цюрихъ, онъ явился въ странѣ волшебства и восторгу. Сначала Бернъ, а послѣ Тунъ съ своимъ очаровательнымъ озеромъ развернули передъ Карамзинымъ великолѣпныя картины своихъ мѣстностей. Душа его наполнилась невыразимыми чувствами. То природа, то историческія преданія о Вильгельмѣ Теллѣ питали его воображеніе. Потомъ, предъ нимъ открылись Унтерзеенъ, Лаутербрунненъ, Гриндельвальдъ, Госли и такъ далѣе. Спустя нѣсколько дней, Карамзинъ былъ уже на берегахъ Женевскаго озера. Пріѣхавъ въ Лозанну, онъ отправился обозрѣть сѣверовосточные берега этого волшебнаго озера, такъ живописно переданные въ «Элоизѣ», Руссо.

Въ ноябрѣ, Карамзинъ былъ въ Женевѣ и велъ здѣсь жизнь, какъ самъ онъ выражается, довольно однообразную. Онъ прогуливался, и желая имѣть полное понятіе о французской литературѣ, читалъ французскихъ писателей, старыхъ и новыхъ, безъ различія; бывалъ на женевскихъ вечеринкахъ и въ оперѣ; такъ онъ провелъ здѣсь болѣе четырехъ мѣсяцевъ (отъ начала ноября до начала марта), изучалъ окрестности Женвы, бывалъ въ Фернѐе, и на Альпійскихъ горахъ, короче, наслаждался жизнію вполнѣ. Карамзинъ желалъ познакомиться съ швейцарскимъ философомъ, Боннетомъ, жившимъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы, въ деревнѣ Жанту.

* За нѣсколько дней до своего отъѣзда Карамзинъ пріобрѣлъ отъ Лафатера двѣ его рукописи: «Сто тайныхъ физіономическихъ правилъ», въ заглавіи которыхъ написано «Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern» и «Памятникъ для любезныхъ странниковъ». Перваго изъ этихъ сочиненій авторъ рѣшился никогда не печатать, потому что о чертахъ человѣческихъ лицъ, означающихъ дурныя свойства, говорится довольно свободно, чего нѣтъ во второмъ изданіи, помѣщенномъ въ «Handbibliothek für Freunde».

Еще находясь въ Москвѣ, онъ читалъ сочиненія Боннета и любилъ его отъ всей души.

Въ это время Боннетъ уже отказался отъ шумнаго свѣта, страдалъ болѣзнями, оглохъ и ослѣпъ, жилъ въ уединеніи и почти никого не принималъ, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ. Карамзинъ случайно познакомился съ однимъ изъ родственниковъ Боннета, извѣстнымъ Кела, который вызвался познакомить молодаго русскаго путешественника съ почтеннымъ и полу-забытымъ мыслителемъ, и спустя нѣсколько дней, Карамзинъ увидѣлъ Боннета. Вотъ что́ пишетъ Карамзинъ послѣ перваго съ нимъ свиданія: «Я думалъ найти слабаго старца, обветшалую скинію, развалины великаго Боннета. Что́ же нашелъ? хотя старца, но еще бодраго, въ глазахъ котораго блистаетъ огонь жизни, котораго голосъ еще твердъ и пріятенъ; однимъ словомъ, Боннета, отъ котораго можно ожидать второй «Палингенезіи». Боннетъ встрѣтилъ Карамзина весьма ласково.— «Вы видите передъ собою такого человѣка, сказалъ Карамзинъ, который съ великимъ удовольствіемъ и пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно». Боннетъ отвѣчалъ учтивостью за учтивость. Начался разговоръ; Боннетъ совершенно очаровалъ Карамзина своимъ добродушіемъ и позволилъ ему переводить свое сочиненіе на русскій языкъ.—«Съ чего же вы думаете начать?» спросилъ онъ.—«Съ Созерцанія природы» (Contemplation de la nature), отвѣчалъ Карамзинъ».—«Жанъ-Жака, пишетъ Карамзинъ, Боннетъ называетъ великимъ риторомъ, слогъ его музыкою, а философію — воздушнымъ за́мкомъ».

Карамзинъ не замедлилъ вступить въ переписку и съ Боннетомъ. Вотъ первое письмо Карамзина, писанное къ Боннету по-французски:

«Je prends la liberté de vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais

français, vous importunera moins qu'une visite, qui pourrait interrompre vos occupations quelques momens de plus. J'ai relu encore une fois votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet exellent ouvrage sans le défigurer, ni même affaiblir beaucoup l'énergie de votre style; mais pour conserver toute la fraicheur des beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudrait être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche, n'est pas assez cultivée, et nous avons encore trés peu de livres de philosophie et de physique, écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions, et même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commencée à écrire en leur langue; mais sans être injuste envers cette dernière, dont je connois toute l'énergie et la richesse, je dirai que la notre a plus de souplesse et d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force nécessaire pour en surmonter les difficultés».

«Vous êtes toujours si claire, et vos expressions sont si precises, que pour à présent je n'ai qu'à vous remercier de la permission, que vous avez bien voulu me donner, de m'adresser à vous, en cas que quelque chose dans votre ouvrage m'embarassât; si j'ai de la peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très claire en français, pour peu que l'on sache ce dernier».

«Je me propose aussi de traduire votre *Palingénésie*. J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou), qui s'estime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu et medité vos ouvrages, et qui

m'aidera dans mon agréable travail; et peut-être que dans l'instant même, où j'ai l'honneur de vous écrire, il s'occupe à traduire un chapitre de votre *Contemplation* ou de votre *Palingénésie*, pour en faire un présent à son ami, à son retour dans sa patrie.

«En présentant au public ma traduction, je dirai: *je l'ai vu lui-même* et le lecteur m'enviera dans son cœur.

«Daignez agréer mes remerciements de l'accueil favorable que vous avez eu la bonté de me faire, et le respect profond, avec lequel je suis, etc... *».

Изъ этого письма видно, въ какой степени Карамзинъ владѣлъ французскимъ языкомъ. Вскорѣ послѣ этого Карамзинъ

* «Я осмѣливаюсь писать къ вамъ, думая, что письмо мое обезпокоитъ «васъ менѣе, нежели посѣщеніе, которое могло бы на нѣсколько минутъ «прервать ваши упражненія.

«Съ величайшимъ вниманіемъ читалъ я снова ваше «Созерцаніе природы», «и могу сказать безъ тщеславія, что надѣюсь перевести его съ довольною «точностію: надѣюсь, что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ. Но для того, чтобы сохранить всю свѣжесть красотъ, находящихся въ подлинникѣ, мнѣ надлежало бы имѣть Боннетовъ духъ. Сверхъ того языкъ нашъ хотя и богатъ, однакожъ не такъ обработанъ, какъ другіе, и по сіе время еще весьма немногія философическія и физическія книги переведены на русской. «Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ «составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ «языкѣ своемъ; но отдавая всю справедливость сему послѣднему, котораго «богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ «гораздо пріятнѣе и гибче. Переводъ мой можетъ быть полезенъ — и сія «мысль послужитъ мнѣ ободреніемъ къ преодолѣнію всѣхъ трудностей.

«Вы пишете такъ ясно, что на сей разъ я долженъ только благодарить «васъ за данное мнѣ позволеніе требовать у васъ изъясненія въ такомъ «случаѣ, если бы что-нибудь показалось для меня непонятнымъ въ *Созерцаніи*. Можетъ быть, трудно будетъ мнѣ выражать ясно на русскомъ языкѣ то, что на французскомъ весьма понятно для всякаго, кто хотя не много «знаетъ сей языкъ.

«Я намѣренъ переводить и вашу *Палингенезію*. Одинъ пріятель мой, живущій въ Москвѣ, такъ же какъ и я, любитъ читать ваши сочиненія и бу-

опять явился къ Боннету, который ему сказалъ: «вы рѣшились переводить «Созерцаніе природы», начните же переводъ вашъ въ глазахъ автора, и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочинено. Вотъ книга, бумага, чернилица, перо». — Карамзинъ исполнилъ его волю, сѣлъ въ кресла, взялъ перо и началъ переводить. Боннетъ стоялъ позади его и смотрѣлъ на работу. Окончивъ первый параграфъ, Карамзинъ сталъ читать въ слухъ. «Слышу и не понимаю, сказалъ Боннетъ съ усмѣшкою: но соотечественники ваши будутъ конечно умнѣе меня. — Эта бумага останется здѣсь въ память нашего знакомства».

Боннетъ обѣщалъ дать Карамзину новыя примѣчанія къ «Созерцанію природы», въ которыхъ онъ сообщаетъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя упущенія и проч. «Я человѣкъ, говоритъ Боннетъ, и потому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія». Карамзинъ продолжалъ посѣщать Боннета, разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и обогатилъ себя многими свѣдѣніями.

Въ концѣ февраля 1790 года, Карамзинъ хотѣлъ оставить Женеву и ѣхать въ Провансъ, къ мѣстамъ, воспѣтымъ Петраркою. Тутъ онъ приступилъ къ составленію плана для своего дальнѣйшаго путешествія. Ему хотѣлось проѣхать въ южную Францію, увидѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса. — Уѣзжая изъ Женевы, Карамзинъ по-

«детъ моимъ сотрудникомъ; можетъ быть въ самую сію минуту, когда имѣю «честь писать къ вамъ, онъ переводитъ главу изъ *Созерцанія* или *Палингнезіи*.

«Предлагая публикѣ переводъ мой, скажу: *я видѣлъ его самого*, и читатель позавидуетъ мнѣ въ сердцѣ своемъ.

«Изъявляя признательность мою за благосклонный пріемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть» и проч.

шелъ проститься съ Боннетомъ и получилъ отъ него обѣщанныя примѣчанія къ «Contemplation» *.

И такъ, Карамзинъ разстался съ прекрасною Швейцаріей, въ которой душа его перечувствовала столько пріятныхъ ощущеній. Онъ былъ уже въ Ліонѣ, наслаждался его окрестностями, и оставивъ этотъ городъ, рѣшился ѣхать не на югъ, какъ прежде предполагалъ, а на сѣверъ, и именно въ Парижъ. Причиною тому было слѣдующее обстоятельство: товарищъ, съ которымъ Карамзинъ выѣхалъ изъ Женевы, не получилъ въ Ліонѣ векселя. Оставшись почти безъ денегъ, не могъ сопутствовать Карамзину на югъ, какъ они уговорились прежде, и долженъ былъ ѣхать въ Парижъ. Добрый Карамзинъ пожертвовалъ дружбѣ личными выгодами и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Карамзинъ пріѣхалъ въ Парижъ 27 марта 1790 года. Каждому изъ читателей, безъ сомнѣнія, любопытно узнать, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ фантасмагорическій городъ на русскаго путешественника. Впечатлѣніе это сохранено самимъ Карамзинымъ, въ первомъ его письмѣ, писанномъ изъ Парижа. — «Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а по равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Сердце мое билось. Вотъ онъ, думалъ я, — вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ; котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ; — котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; *о которомъ такъ*

* Quelques notes additionelles pour la traduction en langue russe de «la Contemplation de la nature», par M. Karamzine.

много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много *мечталъ* и думалъ..... Вотъ онъ!.... я его вижу и буду въ немъ!..»

Карамзинъ жилъ въ Парижѣ почти три мѣсяца съ половиною. Во все это время, онъ изучалъ столицу образованнаго міра, законодательницу европейской свѣтскости; посѣщалъ ученыя заведенія, библіотеки, музеи, бывалъ въ засѣданіяхъ академій, ходилъ почти каждый день въ разные парижскіе театры, знакомился со всѣми историческими достопримѣчательностями, осматривалъ окрестности города, наблюдалъ характеръ и нравы Французовъ, изучалъ ихъ литературу и т. д.; словомъ, хотѣлъ вполнѣ узнать столицу народа, предписывавшаго тогда законы образованному міру. Сколько любопытныхъ замѣчаній о Парижѣ заключается въ «Письмахъ русскаго путешественника», потому-что Карамзинъ вносилъ въ свой дневникъ каждое впечатлѣніе, испытанное его душою въ этой разнообразной, живой панорамѣ, называемой Парижемъ. Однакожъ надобно замѣтить, что живя въ Парижѣ, Карамзинъ не искалъ болѣе случаевъ знакомиться съ тогдашними литературными знаменитостями Франціи; то же было и послѣ, когда онъ былъ въ Лондонѣ. Вѣроятно, нѣмецкіе и швейцарскіе ученые порядкомъ наскучили Карамзину.

Въ маѣ Карамзинъ, между-прочимъ, былъ въ академіи надписей.—«Нынѣшній день, пишетъ онъ въ своихъ «запискахъ», молодой Скиѳъ К*** въ академіи надписей и словесности, имѣлъ счастіе узнать Бартелеми — Платона». — Увидѣвъ его Карамзинъ подошелъ и сказалъ: «Я Русскій, читалъ «Анахарсиса», умѣю восхищаться твореніями великихъ, безсмертныхъ талантовъ. И такъ хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глубокаго почтенія!» Бартелеми присталъ, взялъ его за руку и съ ласковымъ взоромъ отвѣчалъ:

«Я радъ вашему знакомству, люблю сѣверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чуждый». — Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое-нибудь сходство, сказалъ Карамзинъ. Я въ академіи: Платонъ передо мною, но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса».

— «Вы молоды, путешествуете и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!»

—«Будетъ еще болѣе, если вы позволите мнѣ иногда видѣть и слышать васъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовать вкусъ свой. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ».

—«Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожъ дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите разсужденіе о самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скучно, comme de raison; извините, мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ».

Засѣданіе академіи открылось. Бартелеми сѣлъ на свое мѣсто; онъ тогда былъ деканомъ академіи (le doyen). Диссертація его, въ которой дѣло шло о медаляхъ Іонатановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать Карамзина; за то мало слушая, онъ много смотрѣлъ на автора. «Совершенный Вольтеръ, пишетъ Карамзинъ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокій, худой, съ проницательнымъ взоромъ, съ тонкою аѳинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе семидесяти лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Бартелеми чувствовалъ въ жизни только одну страсть: любовь къ славѣ, и силою философіи своей умѣрялъ ее. Подобно безсмертному Монтескье, онъ былъ еще *влюбленъ въ дружбу*».

Тутъ же Карамзинъ узналъ Левека, автора «Русской исторіи», и по этому случаю высказываетъ свой взглядъ на оте-

чественную исторію, который въ послѣдствіи, онъ совсѣмъ перемѣнилъ въ «Исторіи Государства Россійскаго». «Русская исторія Левека, говоритъ Карамзинъ, хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожъ лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей русской исторіи, т. е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы! Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословныя князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги Половцевъ, не очень любопытны, соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Чтó не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи, но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, собственно такъ-называемые анекдоты, собрать, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій — Владиміръ — и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анжело.— Левекъ, какъ писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ, соображаетъ довольно хорошо, разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ;

можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русскій? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго (если только посредственный Французскій писатель можетъ унизить нашего славнаго Монарха, говоря: On lui a peut être refusé avec raison le titre d'homme de génie, puisque en voulant former sa nation, il n'a sû qu'imiter les autres peuples. — «Я слыхалъ, прибавляетъ Карамзинъ, такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда немогъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно-ли искать что́ сыскано? Лучше-ли было Русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить академій, фабрикъ, для того, что все это выдумано не Русскими? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *стараться*, *превзойти*? Однакожъ, говорятъ, на что́ подражать рабски? на что́ перенимать вещи совсѣмъ не нужныя? Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ понѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить... — Но въ немъ теплѣе? — У насъ есть шубы.... — За чѣмъ же имѣть два платья?....— За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильный жаръ? сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки? Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лице? Изби-

рать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго, а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ, вопервыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Еслибъ Петръ родился государемъ какого-нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для благъ подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искуства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите, сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ покрайней-мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской народной, нравственной физіономіи, или ничто иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи; для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все національное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Чтó хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и чтó

Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, потому, что я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre n'avoit pas regné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть, хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ! сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ? Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ; но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть царя русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими европейскими землями было очень не свободно и затруднительпо; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка, по естественному, не принужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что́ государь нашъ сдѣлалъ въ двадцать лѣтъ».

Вотъ взглядъ Карамзина на русскую исторію вообще, на трудъ Левека и на реформу, произведенную въ Россіи Петромъ-Великимъ.

Въ послѣдствіи времени Карамзинъ, изучивъ вполнѣ русскій историческій міръ, совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе о Петрѣ Великомъ и въ «Исторіи Государства Россійскаго», сравнивая Іоанна III съ Петромъ, отдаетъ преимущество первому.

«Новѣйшіе историки замѣчаютъ въ немъ (т. е. въ Іоаннѣ III), говоритъ Карамзинъ, разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ, вклю-

чивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобъ пекся о просвѣщеніи умовъ науками: призывая художниковъ для украшенія столицы и успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества..... Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ Императора: Іоаннъ гордился древнимъ именемъ великаго князя и не хотѣлъ новаго; однакожъ въ сношеніяхъ съ иностранцами принялъ имя *царя*, какъ почетное титло великокняжескаго сана, издавна употребляемое въ Россіи». (Ист. Г. Р. т. VI, стр. 349 и 350).

Потомъ, въ запискѣ о древней и новой Россіи Карамзинъ пишетъ о Петрѣ:

«Страсть къ новымъ для насъ обычаямъ, преступила въ немъ границы. Духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, которое подобно физическому, нужно для ихъ твердости..... Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ?.... Честью и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе».

Второе дѣйствіе Петра состояло въ отдѣленіи высшаго сословія отъ нисшихъ одеждою и наружностью; «Русскіе земледѣльцы, мѣщане, купцы, увидѣли Нѣмцевъ въ русскихъ

дворянахъ, ко вреду братскаго народнаго единодушія государственныхъ состояній.....»

Третье — пріобрѣтеніе добродѣтелей человѣческихъ на счетъ гражданскихъ: «Имя Русскаго, спрашиваетъ Карамзинъ, имѣетъ ли для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде?» *

Наконецъ блестящею ошибкою Петра Карамзинъ называетъ основаніе столицы въ Петербургѣ.

Пропустивъ замѣчанія Карамзина о разныхъ маловажныхъ предметахъ, считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ мнѣніемъ его о Французахъ. Оно было написано первоначально по-французски, для одной Француженки, въ домѣ который Карамзинъ былъ принятъ. Хотя скромность и не позволяла путешественнику высказать многое, но не смотря на то, мнѣніе его имѣетъ свою оригинальность и достоинство. «Скажу, пишетъ онъ: огонь, воздухъ — и характеръ Французовъ описаны. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтреннѣе вашего. Кажется, будто онъ выдумалъ, или для него выдумано общежитіе: столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми. Это искусство кажется въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто забывается, что онъ не между своими. Говорятъ, что здѣсь трудно найти искреннаго, вѣрнаго друга...

* «Историческое похвальное слово Карамзину», произнесенное, при открытіи ему памятника, академикомъ М. Погодинымъ.

Ахъ! друзья вездѣ рѣдки, и чужеземцу ли искать ихъ; тому, кто, подобно кометѣ, являясь, изчезаетъ? Дружба есть потребность жизни; всякій хочетъ для нее предмета надежнаго. Но все, чего по сраведливости могу требовать отъ чужихъ людей, Французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, съ букетомъ цвѣтовъ. Вѣтренность, непостоянство, которыя составляютъ порокъ его характера, соединяются въ немъ съ любезными свойствами души, происходящими нѣкоторымъ образомъ отъ сего самаго порока. Французъ непостояненъ — и не злопамятенъ; удивленіе, похвала, можетъ скоро ему наскучить, ненависть также. По вѣтренности оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ своею ошибкою — и даже плачетъ, если надобно. Веселая безразсудность есть милая подруга жизни его. Какъ Англичанинъ радуется открытію новаго острова, такъ Французъ радуется острому слову. Чувствителенъ до крайности, страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но любовники не постоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти, могутъ имѣть страшныя слѣдствія; чему примѣромъ служитъ революція. Жаль, если эта ужасная политическая перемѣна должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго!» — Вотъ все замѣчательнѣйшее, что́ мы могли извлечь изъ «Путевыхъ записокъ» Карамзина, веденнымъ имъ во время его пребыванія въ Парижѣ.

Въ началѣ 1789 года, когда Карамзинъ оставлялъ Россію, во Франціи вспыхнула революція; по мѣрѣ того какъ онъ приближался къ Швейцаріи, страшное зарево уже видно было и въ Германіи. Французскій переворотъ былъ тогда предметомъ всѣхъ разговоровъ. Открытіе національнаго собранія, удаленіе Неккера, образованіе національной гвардіи, взятіе Бастиліи, событія 5 и 6 октября—вотъ что́ происходило

во Франціи въ то время, когда Карамзинъ мирно разговаривалъ съ Боннетомъ о точномъ переводѣ его «Палингенезіи». Не смотря однако жъ на такое смутное время, Карамзинъ отправился во Францію: ему хотѣлось побывать на югѣ, но случилось противное и онъ попалъ въ самое средоточіе политическаго броженія. Карамзинъ видѣлъ всѣ слѣдствія октябрскихъ событій (1789): образованіе департаментовъ, организацію административныхъ и муниципальныхъ властей, рѣшительныя мѣры правительства относительно улучшенія финансовъ, сдышалъ рѣчи Мирабó, производившія столько шуму и толковъ въ столицѣ. Въ началѣ іюля, Карамзинъ оставилъ Парижъ и Францію съ грустью. Отсюда онъ отправился въ Лондонъ, послѣдній предѣлъ путешествія.

Прибывъ въ Дувръ, онъ пишетъ: «Берегъ! берегъ! Мы въ Дуврѣ. и я въ Англіи — въ той землѣ, которую въ дѣтствѣ своемъ любилъ я съ энтузіазмомъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы». Лондонъ произвелъ на Карамзина весьма пріятное впечатлѣніе; ему въ особенности понравилась англійская чистота, такъ-что, сравнивая Лондонъ съ Парижемъ, Карамзинъ отдаетъ преимущество первому. — Карамзинъ прожилъ въ Лондонѣ три мѣсяца. Въ это время онъ изучалъ его подобно тому, какъ прежде изучалъ Парижъ, съ тою только разницею, что въ Лондонѣ болѣе углублялся въ политическія учрежденія Англичанъ, въ ихъ общественный духъ и нравы. Онъ съ жаромъ привѣтствовалъ берега Англіи; все англійское казалось ему превосходнымъ, не подлежащимъ сравненію съ тѣмъ, что онъ прежде видѣлъ. Однакожъ мало по-малу глазамъ Карамзина начали представляться и такіе факты, по которымъ онъ могъ безъ ошибки заключить, что и Англія, какъ общество, во многомъ несовершенна, въ особенности же ему не нравился мрачный

и безстрастный характеръ Англичанъ, и тогда Карамзинъ съ удовольствіемъ вспоминалъ Парижъ и Французовъ.

Знакомясь со всѣмъ англійскимъ, Карамзинъ обратилъ вниманіе и на англійскую литературу, но не могъ основательно изучить ея, потому-что прожилъ въ Лондонѣ всего три мѣсяца, а въ это время ему предстояло узнать еще много разныхъ предметовъ. Впрочемъ, вотъ взглядъ Карамзина на англійскую словесность: «Литература Англичанъ», пишетъ онъ, «подобно ихъ характеру, имѣетъ много особенности (оригинальности), и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество *живописной поэзіи* (poésie descriptive). Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми «временами года»; ихъ можно назвать зеркаломъ натуры. Въ англійскихъ поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей. Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ британской поэзіи считается Мильтоново «Описаніе Адама и Евы» и Драйденова «Ода на музыку». Любопытно то, что поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокій пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!* Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ романистовъ и лучшихъ историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Французовъ и Нѣмцевъ писать романы, какъ *исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, вліяли въ исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ распо-

ложенiемъ дѣйствiй, живописью приключенiй и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Ѳукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ историческимъ трiумвиратомъ Британiи».

Въ заключенiе, Карамзинъ говоритъ о свойствахъ англiйскагс языка. Высказавъ свое мнѣнiе вообще, замѣчаетъ: «Кажется, что у Англичанъ рты связаны, или на отверзтiе ихъ положена министерствомъ большая пошлина: они чуть-чуть разводятъ зубы, свистятъ, намѣкаютъ, а не говорятъ. Вообще англiйскiй языкъ грубъ, непрiятенъ для слуха; но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма», и прочее... Сказавъ нѣсколько словъ о литературѣ Англичанъ, Карамзинъ переходитъ къ описанiю ихъ характера. Сыны Альбiона со всѣмъ перестали ему нравиться, когда онъ глубже изучилъ ихъ нравственную сторону. Онъ замѣчаетъ, между-прочимъ, что въ англiйской нравственной природѣ столько разнообразныхъ характеровъ, характеровъ типическихъ что Фильдингу не надобно было выдумывать героевъ для своихъ романовъ, а стоило только наблюдать и описывать. Этимъ и оканчиваются наблюденiя Карамзина надъ Англичанами. — Проѣхавъ Германiю, Швейцарiю и Францiю, и наскучивъ, какъ знакомствами съ литераторами и учеными, такъ и пресытившись красотами природы, Карамзинъ искалъ новаго предмета, который могъ бы занять его вниманiе и этотъ предметъ было общество. Замѣчанiя его объ Англiи, встрѣчаемыя нами въ «Письмахъ русскаго путешественника» стоятъ гораздо выше по своему интересу, чѣмъ замѣчанiя о Германiи и Францiи.

Но по мѣрѣ того, какъ Карамзинъ наслаждался лондонскою жизнью и анатомически изучалъ душевныя свойства и особенности Англичанъ, кошелекъ его истощался день отъ дня, становился легче и легче, и когда въ немъ остались только двѣ гинеи, Карамзинъ отправился на биржу и по-

плылъ въ Россію на первомъ кораблѣ, оставлявшемъ гавань Темзы. — Нептунова стихія сначала мучила нашего путешественника; онъ сильно заболѣлъ, но вскорѣ поправился, и такъ полюбилъ море, что готовъ былъ плыть хоть на край свѣта. Во время плаванія Карамзинъ читалъ Оссіана и переводилъ его Картона.

Наконецъ Карамзинъ прибылъ въ Кронштадтъ. Тутъ онъ всѣхъ останавливалъ, спрашивалъ единственно для того, чтобы говорить по-русски, чтобы слышать родную рѣчь.

Замѣчательно, что все путешествіе стоило Карамзину не болѣе тысячи осьми сотъ рублей.

Карамзинъ явился въ Петербургъ въ модномъ фракѣ, съ шиньономъ и гребнемъ на головѣ, съ лентами на башмакахъ. Дмитріевъ представилъ его Державину, и здѣсь Карамзинъ своими интересными разсказами о чужихъ краяхъ обратилъ на себя вниманіе хозяина. «Это геній», сказалъ съ восторгомъ Карамзинъ, благодаря Дмитріева за то, что онъ его познакомилъ съ пѣвцомъ Фелицы. Между-тѣмъ посторонніе лица, увидѣвъ здѣсь Карамзина, различнымъ образомъ старались выказать неуваженіе къ молодому франту, не ожидая отъ него ничего особеннаго.

Онъ оканчиваетъ свои «Путевыя записки» слѣдующими словами: «Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіи осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ двадцать лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятнѣе—пусть для меня одного! Загляну, и увижу каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... Почему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе.... но это ихъ, а не мое дѣло».

═

ГЛАВА IV.

Осенью 1790 года Карамзинъ возвратился въ Россію, обогащенный разнообразными свѣдѣніями, знакомый съ жизнью образованнѣйшихъ государствъ Европы. Но, намъ скажутъ: Карамзинъ пробылъ за границею не болѣе полутора года, безпрестанно переѣзжая изъ одного мѣста въ другое и, слѣдовательно, не могъ близко ознакомиться съ европейскимъ обществомъ для своего окончательнаго образованія. Замѣчаніе отчасти справедливое, но развѣ Карамзинъ, уѣзжая за границу, намѣревался поселиться въ какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, окружить себя полками пыльныхъ фоліантовъ и, съ педантскою важностью ученаго, исчерпывать до дна одну какую-нибудь науку? Нѣтъ, онъ отправлялся за границу какъ образованный свѣтскій человѣкъ, чтобы взглянуть на Европу, имѣть понятіе о жизни и нравахъ Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, насладиться красотами природы въ Швейцаріи, посѣтить Провансъ, поплакать съ Петраркой о Лаурѣ, наконецъ вникнуть въ современные вопросы образозованнаго европейскаго общества, и, давъ себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, составить вѣрный взглядъ на вещи, возвратиться въ Россію, устроить свою дальнѣйшую судьбу, и «жить въ мирѣ съ людьми и природою», занимаясь, между

прочимъ, и литературой. Правда, взглядъ Карамзина на цѣль и результаты путешествія, былъ совершенно въ духѣ того времени, когда всѣ думали только объ элегическомъ наслажденіи, когда дочь одного англійскаго лорда рѣшилась оставить лучшее общество, отправилась въ Швейцарію и тамъ нѣсколько лѣтъ была пастушкой, очаровала швейцарскихъ пастушковъ, вполнѣ насладилась природою и пр. Все это конечно очень нѣжно! Но можно ли въ этомъ винить кого-нибудь? Таково было направленіе вкуса того вѣка...

Однако пребываніе Карамзина за границею, какъ ни было оно коротко, все-таки очень много содѣйствовало его развитію. Возвратившись изъ чужихъ краевъ, Карамзинъ, при всей своей молодости, былъ образованнѣе всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ, московскихъ и петербургскихъ. Знаніе иностранныхъ языковъ и увлекательное обращеніе весьма рѣзко отличали Карамзина отъ прочихъ нашихъ писателей. Онъ и самъ понималъ свое превосходство, и потому былъ разборчивъ въ выборѣ знакомствъ, остороженъ въ сближеніи съ людьми полуобразованными и, какъ водится, весьма самолюбивыми. Это было главною причиной, что нѣкоторые тогдашніе московскіе литераторы смотрѣли на Карамзина съ завистью считали его гордымъ, старались выводить наружу его слабости и проч.

Въ альманахѣ «Вчера и сегодня», изданномъ графомъ Соллогубомъ, находимъ письма одного современника Карамзина, Каменева, къ своему другу, въ которыхъ онъ обвиняетъ Карамзина особенно въ томъ, что послѣдній употреблялъ въ русскомъ разговорѣ французскія слова и цѣлыя фразы. Но Карамзинъ дѣлалъ это потому, что въ то время такъ говорили люди высшаго круга. Что за бѣда, если Карамзинъ, принадлежавшій къ лучшему кругу московскаго общества, разговаривая съ провинціаломъ прибѣгалъ иногда ко всѣмъ прилич-

нымъ французскимъ словамъ, не обращая, быть можетъ, на то вниманія. Но во всѣхъ сочиненіяхъ Карамзина, писанныхъ имъ по пріѣздѣ изъ за границы, нигдѣ не замѣчаемъ попытки вводить въ русскій языкъ иностранныя слова. Правда, встрѣчаются два, три слова въ его «Письмахъ русскаго путешественника», но это по необходимости, потому-что ихъ нельзя было замѣнить словами чисто русскими. Сюда мы неможемъ относить такихъ словъ, какъ напримѣръ: *натура*, вмѣсто *природа*, и многихъ другихъ, которыя употреблялись и до Карамзина, точно также, какъ употребляются и въ наше время, хотя и въ другомъ значеніи.

Но за что долженъ былъ приняться Карамзинъ по возвращеніи изъ за границы? Къ военной службѣ у него не было особеннаго расположенія; къ гражданской тоже. Не будучи однакожъ человѣкомъ достаточнымъ, Карамзинъ долженъ же былъ добывать себѣ чѣмъ-нибудь средства для приличнаго существованія. Онъ вспомнилъ прежній успѣхъ «Дѣтскаго чтенія», и рѣшился заняться литературою. Карамзину предстояла жизнь совершенно свободная, но съ другой стороны жизнь, поставлявшая его въ зависимость отъ случая, потому-что литературныя занятія не могли совершенно обезпечить его. Однако Карамзинъ положился на свои способности и предпочелъ этотъ невѣрный образъ жизни всякому другому.

Избирая литературное поприще, Карамзинъ смотрѣлъ на него, какъ на самый пріятный родъ занятій, и при томъ какъ на самый благородный способъ доставать средства для существованія. Прежде всего ему предстояло рѣшить вопросы: какою именно отраслью литературы онъ долженъ заняться исключительно? для какого именно класса общества онъ долженъ писать? и какой родъ литературныхъ занятій прибыльнѣе? Бывъ уже пять лѣтъ редакторомъ періодическаго изданія, Карамзинъ безъ труда рѣшилъ всѣ эти вопро-

сы и выбралъ карьеру журналиста. Онъ хорошо понималъ наше общество, зналъ съ какою публикою будетъ имѣть дѣло, и прежде всего счелъ необходимымъ возбудитъ всеобщую охоту къ чтенію.

Карамзинъ приступилъ къ изданію чисто литературнаго журнала, подъ заглавіемъ «Московскій журналъ». Но прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію содержанія и оцѣнкѣ этого журнала, бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ русской журналистики до Карамзина.

Въ началѣ XVIII ст. (1701—1705 г.) въ Москвѣ явились: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти». Это была первая русская газета! Спустя 20 лѣтъ появились: «Санктпетербургскія вѣдомости». — Съ 1727 года начался первый русскій журналъ «Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ». На Бокенштейна и Гросса возложена была редакція издававшихся при академіи «Санктпетербургскихъ вѣдомостей», выходившихъ по два раза въ недѣлю. Молодой Герардъ Фридрихъ Миллеръ взялъ на себя эту редакцію и знакомый съ иностранными журналами, вздумалъ издавать русскій журналъ. Онъ началъ «Прибавленіями», по два листа въ мѣсяцъ. Публикѣ понравилось это предпріятіе, и въ 1729 г. явились Миллеровы «Примѣчанія», подъ сказаннымъ заглавіемъ, по полулисту всякую недѣлю. Въ 1730 г. онъ оставилъ это изданіе и поѣхалъ путешествовать. Послѣ Миллера «Прибавленія» продолжались еще десять лѣтъ, и кончились въ 1741 году. Съ тѣхъ поръ они издавались разными образами. Между-тѣмъ Миллеръ объѣхалъ Европу, десять лѣтъ путешествовалъ по Сибири и возвратился въ Петербургъ только въ 1754 г., гдѣ получивъ мѣсто секретаря академіи, принялся за свое старинное предпріятіе и представилъ академіи планъ новаго журнала. Въ 1755 году начатъ первый

русскій журналъ подъ заглавіемъ: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія.»

Въ 1755 году въ Москвѣ основанъ университетъ, а въ слѣдующемъ году начаты университетскою типографіей «Московскія вѣдомости», по образцу С. Петербургскихъ академическихъ, но шли плохо. Спустя 25 лѣтъ, въ 1780 годахъ ихъ расходилось не болѣе 600 экземпляровъ. Между-тѣмъ, Миллеръ пріучилъ публику къ журналу, и въ 1758 году сдѣлалъ его еще разнообразнѣе, назвавъ: «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія», помѣщалъ въ нихъ статьи изъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ, писалъ много самъ, печаталъ стихи Сумарокова, Хераскова и другихъ тогдашнихъ поэтовъ. Миллеръ показалъ даже первый опытъ критики и библіографіи. Нѣсколько сотъ экземпляровъ журнала раскупались у него постоянно. Отъ этого можетъ-быть поднялась на Миллера зависть, брань и наконецъ всеобщее соревнованіе перебить часть барышей.

Первый Сумароковъ не сталъ давать ему стиховъ, думая, что его стихи утверждаютъ судьбу журнала, видя, что публика болѣе занимается статейками журнала Миллера, *служащими къ удовольствію*, и менѣе читаетъ *служащія къ пользѣ*. Онъ началъ издавать еженедѣльникъ: «Трудолюбивая пчела», сатирическое и поэтическое изданіе, въ родѣ сочиненій Рабенера и Аддисона. Сумароковъ въ одинъ годъ перебранилъ все и бросилъ свою «Пчелу». Въ томъ же году явились «Полезное съ пріятнымъ» и «Праздное время въ пользу употребленное». Имена редакторовъ неизвѣстны. Послѣдній изъ этихъ журналовъ продолжался два года.

Въ это время оживилась и Москва. Херасковъ, Булгаковъ, Ип. Богдановичъ, князь Трубецкой, Ржевскій, Приклонскій, Веревкинъ, Хрущовъ, Домашневъ, Нарышкинъ, Шишкинъ, и другіе литераторы начали издавать «Полезное увеселеніе»,

продолжавшееся три года. Въ 1763 году редакторы раздѣлились; Херасковъ издавалъ: «Часы свободы», а Богдановичъ: «Невинное упражненіе». Оба журнала продолжались не болѣе года, хотя первый былъ поддерживаемъ Каринымъ, а второй княгинею Дашковой. Въ 1764 году въ Москвѣ выходилъ только одинъ журналъ: «Доброе намѣреніе». Издателемъ его былъ Сенковскій (переводчикъ трехъ пѣсней Энеиды), вмѣстѣ съ П. фонъ Визинымъ.

Во все это время въ Петербургѣ не было еще ни одного журнала, кромѣ издаваемаго Миллеромъ, и названнаго въ 1764 г.: «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ». Миллеръ выкинулъ рѣшительно все, что могло кого-ни-будь задѣть; но гоненія не переставали, такъ-что въ 1765 году Императрица Екатерина для прекращенія всѣхъ браней и ссоръ между литераторами, назначила Миллера главнымъ надзирателемъ московскаго воспитательнаго дома. Съ прекращеніемъ Миллерова журнала прекратились всѣ другіе, и четыре года никто не принимался за журналъ.

Въ 1769 году явился на журнальной аренѣ Новиковъ, человѣкъ необыкновенный, желавшій добра отечеству и умѣвшій хорошо располагать предпріятіями. Жаль только, что въ послѣдствіи онъ увлекся обольщеніемъ другихъ людей. Въ 1769 году, живя въ Петербургѣ, онъ началъ издавать журналъ, такого же содержанія какъ «Пчела», Сумарокова, назвавъ его для противоположности «Трутень». Сатира, рѣзкая и сильная, обрадовала публику, и вдругъ множество литераторовъ принялись за журналы: Башиловъ издавалъ: «И то и сё»; Рубанъ, острякъ своего времени, издавалъ на перекоръ Башилову: «Ни то, ни сё»; Козицкій, человѣкъ остроумный, прежній сотрудникъ Сумарокова въ «Пчелѣ», рѣшился издавать «Всякую всячину съ барышкомъ»; Ѳедоръ Эминъ, писавшій почти обо всемъ, не отсталъ отъ другихъ

и началъ «Адскую почту, или переписку хромоногаго бѣса съ кривымъ». Какой-то В. Тузовъ издавалъ здѣсь журналъ, «Поденщина»; неизвѣстно кто издавалъ еще журналъ, подъ заглавіемъ «Смѣсь». Всѣ эти журналы жили по одному году. Напротивъ того, въ 1770 году, Новиковъ явился съ большимъ блескомъ въ журналѣ «Живописецъ», который такъ хорошо былъ принятъ публикою, что до 1773 года его было пять изданій. Говорятъ, что Новиковъ же издавалъ тогда «Парнасскаго щепетильника». Неизвѣстный издавалъ въ томъ же году «Пустомелю». Въ 1771 году Новиковъ принялся за новый журналъ: «Кошелекъ»; Рубанъ, несмотря на неудачу, явился снова съ «Трудолюбивымъ муравьемъ.» Въ 1772 году Новиковъ издавалъ: «Вечера», которые въ 1788 году были вновь перепечатаны, хотя успѣхъ ихъ не сравнялся съ «Живописцемъ». Рубанъ не успѣвшій два раза, испыталъ еще счастіе въ изданіи «Старины и новины». Въ 1773 году кто-то издавалъ въ Санктпетербургѣ же «Мѣщанина»; въ 1775 и 1776 годахъ здѣсь же издавалось «Собраніе новостей». Всѣ эти изданія жили не болѣе года.

Между-тѣмъ Новиковъ переселился въ Москву, гдѣ завелъ обширныя связи; началъ дѣйствовать усиленнымъ образомъ, ободрялъ юношей и поддерживалъ извѣстныхъ литераторовъ. Въ 1773 году Новиковъ, вмѣстѣ съ Миллеромъ, бывшимъ тогда начальникомъ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, издавалъ «Древнюю россійскую вивліоѳику», расположенную въ первомъ изданіи въ видѣ журнала археографіи и палеографіи; второе изданіе этой книги явилось въ 1783 году.

Въ Санктпетербургѣ, по отъѣздѣ Новикова, кончилось все. Въ 1777 году при академіи очень не долго издавались «Ученыя санктпетербургскія вѣдомости». Въ 1778 году явился здѣсь журналъ, возобновившій для публики «Ежемѣсячныя

сочиненія» Миллера; недоставало только ученыхъ статей. Это былъ «Санктпетербургскій вѣстникъ». Онъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что въ первый разъ явилось въ немъ названіе «вѣстника», надолго оставшееся въ Россіи. Тутъ помѣщались и распоряженія правительства, тутъ явился въ первый разъ на поприщѣ литературы Державинъ и показаны послѣ Миллера первые опыты критики и библіографіи. Журналъ этотъ продолжался полтора года.

Въ Москвѣ Новиковъ, распространяя кругъ своихъ дѣйствій, снялъ на откупъ университетскую типографію. Онъ уже окончилъ въ это время «Періодическое изданіе или бесѣды съ Богомъ»: собраніе переводныхъ назидательныхъ статей, переводимыхъ для него Дмитревскимъ, Карамзинымъ и Петровымъ, другомъ послѣдняго. Не знаемъ, когда издавался этотъ журналъ, продолжавшійся только одинъ годъ. Въ 1779 году Новиковъ издавалъ уже: «Утренній свѣтъ», журналъ литературнаго содержанія. Сотрудниками его были тоже молодые литераторы. Въ 1780 г. въ Москвѣ издавался журналъ: «Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ»; не извѣстно, былъ-ли онъ также печатаемъ Новиковымъ. Тоже слѣдуетъ сказать о журналѣ «Сельскій житель», на 1780 годъ. Въ слѣдующемъ году Новиковъ опять издавалъ: «Московское изданіе», заключающее въ себѣ собраніе разныхъ лучшихъ статей, касающихся нравоученія, политической и ученой исторіи. Желая еще болѣе пріохотить публику къ чтенію, онъ сначала даромъ раздавалъ, при «Московскихъ вѣдомостяхъ»: «Дѣтское чтеніе», всякую недѣлю, по листу (надъ нимъ трудились Карамзинъ и Петровъ). Въ 1782 году явилось продолженіе «Утренняго свѣта», подъ названіемъ: «Вечерняя заря», а въ 1784 году «Покоющійся трудолюбецъ». Этимъ, кажется, прекратилась дѣятельность Новикова по журналистикѣ. Онъ довелъ «Московскія вѣдомости» до 4,000 подписчиковъ. Осно-

вавъ послѣ типографскую компанію, занимался болѣе изданіемъ книгъ. Въ 1789 году явилось «Модное ежемѣсячное изданіе», въ Москвѣ; редакторомъ былъ Майковъ (авторъ «Елисея») — это первый журналъ парижскихъ модъ, появившійся въ Россіи. — «Академическія извѣстія» издавалъ по сентябрь 1781 года, въ Санктпетербургѣ, при академіи наукъ, П. Богдановичъ, который вмѣстѣ съ Туманскимъ издавалъ (1785 года, въ Санктпетербургѣ): «Зеркало свѣта».— Главное правленіе училищъ издавало въ это же время одинъ годъ: «Растущій виноградъ», собраніе сочиненій и переводовъ молодыхъ студентовъ.

Въ 1786 году П. Богдановичъ возобновилъ: «Санктпетербургскій вѣстникъ», прибавивъ къ нему прилагательное «новый», но изданіе прекратилось послѣ третьей книжки. Въ 1787 году Туманскій издавалъ: «Лекарство отъ скуки и заботъ», продолжавшееся одинъ-годъ; Рахманиновъ издавалъ въ Санктпетербургѣ «Утренніе часы». Спустя два года М. Антонскій издавалъ въ Москвѣ одинъ годъ журналъ: «Бесѣдующій гражданинъ», а почтенный Крыловъ издавалъ тогда сатирическій журналъ: «Почта духовъ», и кончилъ однимъ годомъ: второе изданіе этаго журнала вышло въ 1782 году. Въ 1790 году явился такого же содержанія журналъ, подъ редакціею Н. Страхова: «Сатирическій вѣстникъ, способствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей». Журналъ этотъ издавался въ Москвѣ цѣлыхъ пять лѣтъ. Въ этомъ же году начатъ отъ университета, профессоромъ Сахацкимъ «Политическій журналъ», продолжавшійся постоянно до 1828 года, въ теченіе 37 лѣтъ. Въ 1800 году редакція его перешла къ профессору Гаврилову, издававшему его 28 лѣтъ; только одинъ годъ (1813) онъ издавался

подъ редакціею М. Невзорова. До 1807 года журналъ этотъ состоялъ въ переводахъ изъ нѣмецкаго Ширахова «Политическаго журнала» и Архенгольцовой «Минервы». Съ 1807 году онъ названъ: «Историческій, статистическій и географическій журналъ». Полное его изданіе весьма любопытно, потому-что составляетъ огромное собраніе историческихъ фактовъ, во время французской революціи.

Въ это же время (1786 и 1790 годахъ) появились журналы и въ провинціи. Первый изъ провинціяльныхъ журналовъ, былъ: «Уединенный Пошехонецъ», въ Ярославлѣ, продолжался цѣлый годъ. Имя редактора неизвѣстно. — Второй былъ еще замѣчательнѣе. П. Сумароковъ, находившійся тогда, по несчастнымъ обстоятельствамъ въ Сибири, издавалъ два года (1790 и 1791) въ Тобольскѣ журналъ: «Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену».

Таковъ ходъ русской журналистики до Карамзина.

1791 годъ представляетъ новое явленіе, какого не бывало въ русской литературѣ со временъ Миллера. Карамзинъ объявилъ объ изданіи «Московскаго журнала».

Чтобы дать читателю понятіе о томъ, съ какими мыслями приступилъ Карамзинъ къ изданію, сообщаемъ его предисловіе къ первой книгѣ: «Вотъ начало», пишетъ онъ: «издатель употребилъ всѣ свои силы, чтобы продолженіе было лучше и лучше. Журналъ выдавать не шутка, я знаю — однакожъ чего не дѣлаетъ охота и *прилежность*. Множество иностранныхъ журналовъ лежатъ у меня передъ глазами, ни одного изъ нихъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться, и читатель увидитъ въ сей первой книжкѣ творенія тѣхъ поэтовъ, о которыхъ говорилъ я въ объявленіи; и впредь будетъ ихъ видѣть. — Путешественникъ, пріятель мой, сообщаетъ свои *«записки»*, въ письмахъ къ семейству друзей своихъ.»

Карамзинъ очень хорошо понималъ, какъ трудно издавать журналъ, и пригласилъ нѣсколько нашихъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей, въ особенности поэтовъ, содѣйствовать ему своими произведеніями, а впрочемъ, не слишкомъ полагаясь на обѣщанія, одинъ заготовлялъ матеріалъ для цѣлаго номера. Не имѣя дѣльныхъ сотрудниковъ, онъ долженъ былъ самъ переводить всѣ лучшія статьи изъ иностранныхъ журналовъ, а иногда дѣлать извлеченія и сокращенія изъ новыхъ иностранныхъ книгъ. Выборъ статей и общій колоритъ во всѣхъ книжкахъ «Московскаго журнала» показываетъ, что Карамзинъ владѣлъ вѣрнымъ вкусомъ; впрочемъ, долженъ былъ, иногда, помѣщать въ своемъ журналѣ статьи въ духѣ устарѣвшихъ литературныхъ собратій и читателей, не осмѣливаясь явно идти противъ общественнаго мнѣнія и ложныхъ, такъ глубоко вкоренившихся, понятій вѣка о классицизмѣ писателей Ломоносовской школы. Это доказывается тѣмъ, что онъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ статьи Хераскова, а при разборѣ книгъ, писанныхъ русско-славянскимъ, напыщеннымъ языкомъ Ломоносова, онъ приводилъ въ образецъ красотъ слога выписки изъ его сочиненій, зная, что читатели будутъ отъ нихъ въ восторгѣ. Но, въ душѣ, Карамзинъ не одобрялъ ни этого языка, ни этихъ красотъ. Карамзинъ не хотѣлъ, чтобъ литературные кумиры его вѣка падали отъ его руки, не хотѣлъ посягать на славу людей, которыхъ память была освящена временемъ и народною любовью. Онъ благоговѣлъ предъ Ломоносовымъ, но, по внутреннему убѣжденію, не слѣдовалъ его правиламъ, не подчинялся его авторитету; видѣлъ въ его произведеніяхъ присутствіе таланта, но въ то же время замѣчалъ и недостатокъ эстетическаго чувства, и потому Ломоносовъ не могъ служить для него образцомъ.

Кромѣ переводовъ, Карамзинъ помѣщалъ въ журналѣ свои

путевыя записки по Европѣ, въ видѣ писемъ къ друзьямъ, писалъ разсказы или небольшія повѣсти, разборы пьесъ, представляемыхъ тогда на московскомъ театрѣ, и новыхъ русскихъ книгъ, а иногда помѣщалъ и свои стихи. Все это должно было приготовить къ сроку, и слѣдовательно статьи не могли явиться въ томъ доконченномъ изящномъ видѣ, въ какомъ бы желалъ редакторъ представить ихъ читателямъ.

Планъ Московскаго Журнала былъ слѣдующій. Первое мѣсто занимали произведенія поэзіи; за ними слѣдовали небольшіе разсказы, анекдоты, «Письма русскаго путешественника», жизнеописанія знаменитыхъ современниковъ, иностранныхъ ученыхъ и литераторовъ.

Третій отдѣлъ былъ посвященъ театру. Здѣсь мы находимъ разборы пьесъ, игранныхъ тогда на московской сценѣ, и также извѣстія о драматическихъ новостяхъ парижскихъ театровъ, переведенныя изъ французскихъ журналовъ. Книга оканчивалась отдѣломъ библіографіи и критики. Сюда входили разборы русскихъ книгъ, и извѣстія о содержаніи вновь вышедшихъ иностранныхъ сочиненій, заимствованныя изъ иностранныхъ журналовъ. Весь нумеръ журнала состоялъ, обыкновенно, изъ десяти и менѣе печатныхъ листовъ, въ 12-ю долю. Въ первомъ отдѣлѣ Московскаго Журнала встрѣчаются статьи писателей, которыхъ имена остались на страницахъ исторіи русской литературы: Державина, Дмитріева, Хемницера, Нелединскаго-Мелецкаго и самого Карамзина.

Всѣ стихотворенія Державина, стоявшаго тогда на вершинѣ своей славы, помѣщенныя здѣсь, весьма посредственны, иногда даже, просто, плохи. Кто скажетъ, что стихотворенія «Новый годъ», «Пѣснь дому любящему науки», напечатанныя во второй книгѣ Московскаго Журнала, принадлежатъ пѣвцу *Фелицы?*

Изъ всѣхъ поэтовъ, участвовавшихъ въ «Московскомъ Журналѣ» только Дмитріевъ помѣщалъ легкія стихотворенія, которыя еще и теперь можно прочесть съ удовольствіемъ. Стихи самого издателя довольно пріятны, хотя нѣсколько сентиментальны. Заготовленіемъ матеріаловъ для втораго отдѣла занимался самъ Карамзинъ, за исключеніемъ весьма не многихъ статей, переводимыхъ В. Подшиваловымъ и двумя неизвѣстными лицами.

Важнѣйшее произведеніе Карамзина, помѣщенное въ Московскомъ Журналѣ—«Письма рус. путешеств.», которыми Карамзинъ положилъ основаніе своей славѣ и открылъ нашему обществу новый міръ. Они были помѣщаемы въ каждомъ номерѣ. Никакое русское литературное произведеніе прошедшаго столѣтія не принесло читателямъ столько удовольствія и пользы, какъ эти путевыя записки. Онѣ познакомили Русскихъ съ Западомъ, если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, увлекательно сообщили много занимательнаго о современныхъ литературныхъ знаменитостяхъ Европы. Записки эти, чрезвычайно замѣчательны, необыкновенною легкостью и общепонятностью разсказа. Это самый лучшій матеріалъ для біографіи Карамзина — это искренняя исповѣдь его души, зеркало его помысловъ, надеждъ и вѣрованій. Безъ этихъ Записокъ мы не знали бы, въ какой мѣрѣ путешествіе имѣло вліяніе на усовершенствованіе Карамзина; съ какимъ увлеченіемъ онъ сочувствовалъ всему прекрасному. Карамзинъ первый изъ Русскихъ описалъ живыми красками Англію, Францію, Швейцарію и Германію, ихъ образованность, нравы жителей, успѣхи наукъ и искусствъ; возбудилъ въ насъ вниманіе къ главнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогдашніе умы, и все это у него непринужденно, легко, живо, увлекательно. Важнѣйшимъ результатомъ «Писемъ русскаго путешественника» было возбужденіе любви къ иностраннымъ литературамъ въ

молодомъ поколѣніи, къ которому принадлежали Жуковскій, Тургеневъ, Батюшковъ и другіе. Въ то время, какъ книжный русскій языкъ, тяжелый, вялый, утомительный, отталкивалъ каждаго отъ чтенія и рѣзко противорѣчилъ цвѣтистому, изящному, гармоническому французскому языку, на которомъ говорило высшее общество, Карамзинъ предложилъ себѣ вопросъ: не могли ли Русскіе точно также плавно и легко выражаться на своемъ родномъ языкѣ? и рѣшился указать другимъ дорогу своимъ собственнымъ примѣромъ. Послушный единственно своему внутреннему голосу, Карамзинъ положился, въ этомъ случаѣ, на свой слухъ и вкусъ, инстинктивно постигъ красоты русскаго языка и началъ энергически дѣйствовать въ пользу его развитія.

Съ осьмнадцатаго вѣка, когда къ намъ проникли европейскія понятія, до тѣхъ поръ неизвѣстныя на Руси, наша чистая рѣчь должна была сбросить съ себя свою прежнюю народную одежду, и надѣть костюмъ, сшитый по нѣмецкому покрою. Такъ-какъ въ началѣ этого вѣка многія государственныя должности были замѣщены или иностранцами или Малороссами, то во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ языкъ былъ искаженъ до невѣроятности; — каждый писалъ на свой ладъ. Нѣмцы вводили свои слова и обороты; Малороссы тоже, частью свое собственное, частью церковное, частью польское. Такимъ образомъ составился языкъ дѣловыхъ бумагъ, или языкъ *форменный*, на которомъ, разумѣется, изъяснялись тогда и въ домашнемъ быту, государственные сановники, чиновники, и другія лица. Этотъ формальный языкъ мало-по-малу сдѣлался тоже языкомъ высшаго круга, и слѣдовательно — образцовымъ; къ нему начали привыкать всѣ, и считали особеннымъ образованіемъ и благовоспитаніемъ выражаться въ родѣ Тредьяковскаго. Это продолжалось до самаго конца царствованія Елисаветы. Тутъ Русскіе стали

приходить въ себя и одумываться, какимъ языкомъ они говорятъ. Уже Ломоносовъ и Сумароковъ чувствовали необходимость — выбросить многое изъ искаженнаго русскаго языка, но реформа ихъ была незначительна, и до Карамзина все еще встрѣчалось много страннаго , уродливаго и смѣшнаго. Карамзинъ , владѣя отъ природы эстетическимъ чувствомъ, началъ выражаться въ разговорѣ и письмѣ, какъ можно проще, короче, не употребляя ни церковно - славянскихъ словъ, ни нѣмецкихъ оборотовъ. Но молодой литераторъ не могъ вдругъ обратить вниманіе на всѣ оттѣнки языка; по этому и у него встрѣчаются архаизмы, которыхъ въ началѣ онъ не могъ еще избѣгнуть. Такъ напримѣръ, онъ не рѣшался разстатьсясъ выраженіемъ: *что принадлежитъ* и замѣнить его другими словами ; писалъ всѣ имена прилагательныя съ *ой*, что́ не свойственно не только русскому языку , но и всѣмъ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ; писалъ родительный падежъ единственнаго числа нѣкоторыхъ мѣстоименій на *ова* вмѣсто *аго;* употреблялъ слова *удобенъ* вмѣсто *способенъ;* напримѣръ: *я къ этому не удобенъ;* писалъ *рѣшитъ*, *кончитъ*, вмѣсто *рѣшаетъ*, *кончаетъ;* но никогда не писалъ *почитай* вмѣсто *почти*, *токмо*, *нарочито* и такъ далѣе, — словъ, безъ которыхъ не могли обойтись его современники. Стройный, легкій и мягкій слогъ Карамзина облагороживался и обработывался день ото дня, такъ-что филологическія неправильности, встрѣчаемыя въ первыхъ его произведеніяхъ , не попадаются уже въ «Исторіи Государства Русскаго». Изъ всего этого видно, что «Московскій Журналъ» могъ служить, въ свое время , образцомъ языка и вкуса въ полномъ смыслѣ. Реформа Карамзина увѣнчалась успѣхомъ. Молодое поколѣніе приняло сторону молодаго журналиста; всѣ стали подражать его языку, его слогу, его выраженіямъ и даже, если угодно, его чувствамъ и взгляду на вещи. Но это подражаніе было без-

сознательное; многіе вышли изъ границъ и до того наводнили русскую литературу сентиментальными произведеніями, что противники Карамзина чуть-было не восторжествовали. Они осмѣивали идиллическую чувствительность литераторовъ-подражателей и обвиняли въ этомъ Карамзина.

Разбирая это дѣло безпристрастно, мы видимъ, что упреки противниковъ Карамзина не основательны и несправедливы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Карамзинъ былъ человѣкъ чрезвычайно чувствительный, но онъ никогда не поддѣлывался подъ сентиментальность. Видя на каждомъ шагу слѣдствія жестокости и грубости нравовъ своихъ соотечественниковъ, онъ хотѣлъ смягчить ихъ трогательными картинами, но въ то же время, зналъ, въ какой мѣрѣ можно употреблять средство, — и если, иногда, въ произведеніяхъ Карамзина, чувствительность переступаетъ за предѣлъ возможнаго, то ошибка эта была прямымъ слѣдствіемъ вліянія тогдашнихъ иностранныхъ писателей:—Мармонтеля, Геснера, Геллерта, Виланда.—Всѣ покланялись имъ безусловно; имъ приносилъ дань и Карамзинъ, какъ современникъ. Дѣйствовать иначе, значило бы — идти противъ понятій и требованій вѣка: притомъ же Карамзинъ былъ поклонникомъ западной образованности со всѣми ея недостатками, которыхъ онъ могъ и не сознавать, какъ не сознавала ихъ и вся Европа.

Кромѣ «Писемъ русскаго путешественника», мы находимъ въ Московскомъ Журналѣ, еще другія оригинальныя произведенія Карамзина, именно нѣсколько небольшихъ повѣстей: «Бѣдная Лиза», «Прекрасная царевна и счастливый карла», «Наталія, боярская дочь», и другія вовсе не замѣчательныя.

Прежде чѣмъ приступимъ къ оцѣнкѣ этихъ произведеній Карамзина, рѣшимъ вопросъ: могъ ли онъ написать хорошую повѣсть въ то время, когда издавался Московскій Журналъ?

Сущность повѣсти состоитъ въ идеѣ, выразившейся въ какомъ либо обществѣ, при извѣстномъ его направленіи, вліяніи на него духа вѣка, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и характерахъ. Слѣдовательно, отъ автора повѣсти требуется знаніе того общества, изъ котораго заимствованъ сюжетъ; основательное наблюденіе надъ природой человѣка въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни, и наконецъ знаніе жизни, какъ съ хорошей, такъ и съ дурной ея стороны. Всего этого нельзя требовать отъ двадцатипятилѣтняго Карамзина, который, по образу воспитанія, зналъ только одну свѣтлую, отрадную сторону жизни. Изъ какого же общества онъ могъ заимствовать сюжетъ для повѣсти? Заграничное общество было ему извѣстно только изъ книгъ; правда, Карамзинъ путешествовалъ по Германіи и Франціи, видѣлъ тамошнюю жизнь; но могъ ли онъ изучить ее въ какіе нибудь полтора года? Ему оставалось обратиться къ русскому быту. Но могло ли, въ то время, наше общество служить Карамзину матеріаломъ для повѣсти? Уже одинъ замкнутый характеръ нашей семейной жизни, неприступной для огласки, представляетъ собою камень преткновенія изученію разныхъ личностей и типовъ; а къ чему могутъ повести одни факты, если подробно неизвѣстны ихъ причины? Карамзинъ хорошо понялъ все это, и, не находя сюжета въ современномъ живомъ обществѣ, бросился сначала въ безпредѣльную область фантазіи, потомъ перешелъ къ повѣсти исторической, за которую впрочемъ можетъ взяться только писатель опытный. Онъ одинъ, судя по событіямъ и цѣлому ряду случаевъ жизни извѣстнаго историческаго лица, можетъ дать ему приличный характеръ. Къ тому же историческая повѣсть изъ русскаго быта возможна только при богатствѣ историческихъ матеріаловъ, которые и до-сихъ-поръ еще не разработаны у насъ вполнѣ. Слѣдовательно Карамзинъ и здѣсь

встрѣтилъ непреодолимыя препятствія для своей дѣятельности. Первая повѣсть, написанная Карамзинымъ, была «Бѣдная Лиза»,—небольшой разсказъ, слѣдующаго содержанія: Молодой московскій баричъ влюбляется въ бѣдную, хорошенькую крестьянку, Лизу, обольщаетъ ее и — оставляетъ. Лиза, чувствительная дѣвушка, не можетъ пережить обмана, и бросается въ прудъ. Вотъ и все. Исторія слишкомъ обыкновенная для нашего времени. Выбравъ такой сюжетъ, автору нечего было заботиться о характерахъ: читатели довольствовались и дѣйствующими лицами.

Въ пользу «Бѣдной Лизы» можно сказать, что эта повѣсть написана легкимъ и пріятнымъ языкомъ, что́, однакожъ, не мѣшаетъ старушкѣ-крестьянкѣ разсуждать о красотахъ природы и говорить языкомъ Бонне и Лафатера.

Успѣхъ «Бѣдной Лизы» былъ необычайный. И могли ль не восхищаться «Бѣдною Лизой» въ то блаженное время, когда мужчины мечтали о нѣжныхъ, милыхъ пастушкахъ, а дамы, въ пудрѣ и фижмахъ, помѣшались на любви къ буколическимъ Дафнисамъ и Тирсисамъ. Лиза, бѣдная крестьянка, была если не пастушкой, то, по крайней мѣрѣ, цвѣточницею, что́ по понятіямъ аркадской академіи, почти одно и то же. Нѣжныя и мягкія сердца сострадали къ несчастной Лизѣ, оплакивали ея обманутую любовь, проклинали жестокаго соблазнителя и проч. Впрочемъ, «Бѣдная Лиза» до-сихъ-поръ пользуется успѣхомъ у губернскихъ барышенъ, отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ, включительно; еще и теперь слезы участія не разъ падаютъ на ея страницы.

Безусловно покоряясь вліянію французской литературы, Карамзинъ помышлялъ о созданіи самобытной русской повѣсти. Читая Мармонтеля, онъ въ то же время искалъ себѣ

сюжета въ русскомъ быту. «Бѣдная Лиза» была первою его попыткой.

Сравнивая это произведеніе съ современными произведеніями тогдашней французской литературы въ этомъ родѣ, написанными съ тою же цѣлью, мы видимъ, что оно ни въ чемъ имъ не уступаетъ. Современники хорошо это знали, и вотъ причина, отчего они такъ высоко цѣнили талантъ Карамзина за его «Бѣдную Лизу».

Сюжетъ для этой повѣсти доставило Карамзину слѣдующее обстоятельство. Живя въ Парижѣ, русскій путешественникъ любилъ посѣщать его окрестности. Однажды, вышедъ изъ города, онъ долго бродилъ безъ цѣли, и наконецъ попалъ въ Булонскій Лѣсъ, гдѣ находится готическій зáмокъ «Мадритъ», построенный въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Въ этомъ зáмкѣ Фран́искъ-Первый предавался удовольствіямъ любви и роскоши. Солнце склонялось къ западу; Карамзинъ пошелъ осмотрѣть зáмокъ; прошелъ нѣсколько пустыхъ и мрачныхъ залъ, и въ одной изъ нихъ, четвертой, украшенной рѣзьбою и живописью, онъ услышалъ тяжелый вздохъ, взглянулъ кругомъ себя, и въ углу огромной залы увидѣлъ возлѣ камина, сидѣвшую въ креслахъ, блѣдную, худощавую старушку, лѣтъ шестидесяти, въ изношенномъ платьѣ. Она взглянула на посѣтителя, кивнула головой и тихо сказала: «добрый вечеръ!»

Карамзинъ подошелъ къ старушкѣ, вступилъ въ разговоръ съ нею, и узналъ, что она собираетъ милостыню въ Парижѣ и его окрестностяхъ, и уже два года какъ живетъ въ покинутомъ зáмкѣ. — «Никто не тревожитъ тебя здѣсь?» спросилъ Карамзинъ. — «Нѣтъ, отвѣчала старушка: одинъ разъ пришелъ сюда смотритель и увидѣлъ меня лежащею на соломѣ въ передней. Я разсказала ему свое житье-бытье, приключенія моей дочери: онъ заплакалъ, далъ мнѣ три ливра,

и велѣлъ жить въ этой залѣ, потому что въ ней цѣлы окончины и не дуетъ вѣтеръ. Добрый человѣкъ!» — «Есть у тебя дочь!» спросилъ Карамзинъ. — «Была, отвѣчала старушка, была; теперь она тамъ, выше Мадрита. Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю; жили въ низенькой комнатѣ, спокойно и счастливо. Тогда и свѣтъ былъ лучше, тогда и люди были добрѣе. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ, или ходя въ рощу за цвѣтами; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили. Луиза попроситъ, и всякій готовъ ждать. Луиза умерла и меня выгнали изъ хижины, съ клюкою и котомкою. Ходи по міру и лей слезы».

Воображеніе Карамзина дополнило эту картину: нашло Эраста, причину смерти Луизы, перенесло происшествіе на Русь, въ окрестности Москвы и явилась «Бѣдная Лиза». Написавъ сказку въ часы досуга, онъ обратилъ всю столицу къ окрестностямъ Симонова Монастыря. Всѣ тогдашніе свѣтскіе люди стали искать Лизиной могилы, какъ нѣкогда Французы, Нѣмцы и Англичане толпились около Веве-Кларанса, и, не слушая признаній самого Руссо, искали слѣдовъ Юліи.

Послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзинъ не искалъ болѣе сюжета для повѣсти въ современномъ русскомъ быту, этомъ богатомъ источникѣ народной литературы. Думая, однакожъ, о повѣсти чистой русской, онъ обратился къ другому источнику; принялся искать матеріалы для русской повѣсти въ нашихъ народныхъ преданіяхъ, или сказкахъ, — и написалъ повѣсть «Прекрасная царевна и счастливый карла». Но эта попытка была тоже не совсѣмъ удачна.

Содержаніе сказки состоитъ въ томъ, что прекрасная и единственная дочь царя «*добраго человѣка*» влюбляется въ чрезвычайно уродливаго карлу и отдаетъ ему свою руку, за которою карликъ получаетъ и самую корону.

Чтобы оправдать въ глазахъ народа необыкновенное влеченіе царевны къ карлѣ, Карамзинъ доказываетъ, что этотъ карла былъ умнѣйшій изъ уродовъ и самый искусный музыкантъ. Избравъ такой сюжетъ, Карамзинъ не могъ, какъ говорятъ, развернуться; по этому, вы напрасно станете искать здѣсь характеровъ, дѣйствій, картинъ и т. д. Сказка очень проста, не затѣйлива, и начинается, какъ всѣ русскія народныя сказки: «Въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ царь *добрый человѣкъ*», и т. д. Многимъ покажется странно, какъ царь согласился выдать свою дочь за карлу; но по этому-то онъ и названъ *добрымъ человѣкомъ*; при томъ же, онъ согласился на этотъ бракъ тогда только, когда всѣ его подданные рѣшили, что царевнѣ можно выйти за карлу, если онъ ей нравится. Слогъ повѣсти соотвѣтствуетъ предмету, но встрѣчаются и мѣста, нѣсколько натянутыя. Въ началѣ повѣсти попадаются двѣ, три свѣтскія фразы, которыя можно назвать литературною *прелюдіей*.

По нашему мнѣнію, эта сказка ниже «Бѣдной Лизы», и теперь «Прекрасная Царевна» можетъ имѣть для насъ только историческое значеніе.

Карамзинъ, какъ писатель съ большимъ вкусомъ, вскорѣ и самъ убѣдился, что русскія народныя преданія и сказки могутъ получить занимательность, только съ помощью необыкновенныхъ усилій. Онъ оставилъ народныя преданія въ покоѣ, и обратился къ другому роду повѣствованія, именно къ повѣсти исторической.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія наша историческая литература была чрезвычайно бѣдна. Всѣ памятники отечественной исторіи хранились въ архивахъ и были доступны только очень немногимъ. Но Карамзину предстояло еще боль-

шое затрудненіе: ему нужны были тѣ историческіе памятники, изъ которыхъ онъ могъ бы изучить семейный бытъ нашихъ предковъ, а такихъ памятниковъ вообще весьма не много. Да и можно ли, притомъ, когда-нибудь возстановить въ яркой картинѣ семейный бытъ нашихъ предковъ? Древняя частная жизнь русскаго народа разбита въ дребезги; только нѣкоторые осколки ея сохранились въ преданіяхъ и народныхъ пѣсняхъ. Впрочемъ, судя по нашей древней общественной жизни, мы можемъ сдѣлать вѣрное заключеніе и о тогдашнемъ семейномъ бытѣ. Конечно однообразіе, отсутствіе энергіи, дѣятельности, застой въ понятіяхъ, недостатокъ эстетическаго вкуса служатъ характерическими чертами до-петровской Руси.

Обратившись къ исторіи, Карамзинъ нашелъ нѣсколько фактовъ полныхъ жизни, которые и положилъ въ основаніе своей первой русской исторической повѣсти. Фантазія автора оживила эти факты картинами увлекательными, но безотчетными. Однакожъ вскорѣ Карамзинъ постигъ всю бѣдность новооткрытаго источника. Здѣсь не только не доставало вводныхъ дѣйствующихъ лицъ, но и всей обстановки произшестій. Молодому писателю пришелъ на мысль второй бракъ Царя Алексѣя Михайловича съ Натальею Кириловной Нарышкиной, воспитанницей Боярина Матвѣева. Карамзинъ былъ восхищенъ этимъ событіемъ. Но какъ употребить его въ дѣло? Главное дѣйствующее лицо былъ самъ царь. Нечего дѣлать, Карамзинъ далъ другой оборотъ дѣлу и историческая истина была нѣсколько измѣнена.

Бояринъ Матвѣевъ, любимецъ Царя, сдѣланъ бояриномъ Матвѣемъ Андреевичемъ, Наталья Кириловна названа единственною его дочерью, необыкновенною красавицей, скромною, по старинному обычаю. Но скромность и затворническая жизнь не мѣшали ей влюбиться въ перваго краси-

ваго мущину, котораго она увидѣла въ церкви. Сначала, этотъ молодой человѣкъ извѣстенъ подъ именемъ какого-то непостижимаго Алексѣя, потомъ, авторъ дѣлаетъ его Алексѣемъ Любославскимъ, сыномъ извѣстнаго боярина Любославскаго, несправедливо оклеветаннаго предъ Царемъ и принужденнаго искать спасенія въ бѣгствѣ. Алексѣй также долженъ былъ скрываться и пріѣзжалъ въ Москву тайкомъ. Здѣсь онъ увидѣлъ прекрасную Наталью, влюбился и рѣшился, во что́ бы ни стало, увезти ее, и, какъ нельзя лучше, успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Алексѣй увезъ Наталью, обвѣнчался съ нею подъ Москвою и отправился въ мѣсто своего убѣжища, находившееся среди непроходимыхъ и дремучихъ лѣсовъ. Но такъ какъ подобная жизнь не могла продолжаться всегда, и рано или поздно, онъ могъ быть открытъ и подвергнуться наказанію, то Алексѣй сталъ искать случая оправдать отца и себя передъ Царемъ, получить прощеніе и возвращеніе отцовскихъ имѣній, взятыхъ въ казну. Случай вскорѣ представился: Литовцы объявили Москвѣ войну. Узнавъ объ этомъ, Алексѣй говоритъ женѣ, что онъ намѣренъ отпустить ее къ отцу, по которомъ она очень грустила, а самъ отправится защищать отечество отъ враговъ. Наталья, сначала сопротивлялась такому намѣренію мужа, а потомъ объявила, что она не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ и, переодѣвшись въ мужское платье, сама отправится раздѣлять съ нимъ опасности войны. Сказано— сдѣлано. Алексѣй и Наталья отличились на войнѣ и оказали услугу отечеству. Послѣ побѣды, одержанной надъ непріятелемъ, Царь пожелалъ видѣть юношей, которые болѣе всего содѣйствовали ея успѣху, и узналъ, что первый изъ нихъ Алексѣй Любославскій, а второй — Наталья, дочь боярина Матвѣя Андреевича, жена Любославскаго. Алексѣй получилъ прощеніе и царскую милость.

Повѣсть эта весьма нравилась современникамъ, но, по нашему мнѣнію, она очень мало имѣетъ литературныхъ достоинствъ; дѣйствующія лица въ ней — безъ характеровъ; о бояринѣ говорится, что онъ добрый человѣкъ, но на дѣлѣ и этого не видно. Только портретъ старушки, няни, простодушной до глупости, нарисованъ очень вѣрно. Прослуживъ у боярина слишкомъ двадцать лѣтъ, она рѣшается доставить неизвѣстному молодому человѣку свиданіе съ своей боярышней, въ теремѣ и ночью. Она даже содѣйствуетъ побѣгу Наталіи; и все это дѣлаетъ женщина, которая отъ всей души предана своему барину и считаетъ его добрѣе всѣхъ.

Встрѣтивъ много препятствій при сочиненіи исторической повѣсти, Карамзинъ оставилъ свое любимое намѣреніе писать повѣсти въ народномъ духѣ. При всемъ томъ въ «Лизѣ» и «Натальи, боярской дочери» въ этихъ игрушкахъ молодой фантазіи, Русскіе увидѣли у себя первые опыты романическаго слога.

«Бѣдная Лиза» и «Наталья боярская дочь» были переведены на нѣмецкій языкъ. Французскій литераторъ Коафье перевелъ ихъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, и повѣсти Карамзина явились въ журналѣ, издаваемомъ тогда г-жею Жанлисъ. Коафье отозвался о нихъ съ похвалою, хотя должно замѣтить, что нѣкоторыя мѣста переведены довольно плохо, и не мудрено: сначала эти повѣсти переодѣли въ нѣмецкое платье, а потомъ съ нѣмецкаго во французское. Но всего забавнѣе, что Коафье находитъ въ «Натальѣ» *мармонтелевскій разсказъ*, и что онъ счелъ описаніе добрыхъ дѣлъ Фрола Силина, тоже *за повѣсть* (conte), замѣтивъ, впрочемъ, что повѣсть эта не имѣетъ такого достоинства, какъ «Наталья»!

Карамзинъ занимался въ это время и переводами. Изъ переводовъ его, помѣщенныхъ имъ въ Московскомъ Журналѣ укажемъ только на Мармонтелевы повѣсти.

Не углубляясь въ содержаніе, и не оцѣнивая достоинства повѣстей Мармонтеля, которыя такъ нравились въ то время, скажемъ только о достоинствѣ переводовъ его вообще. Переводы Карамзина съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго отличаются въ особенности тѣмъ, что онъ тщательно придерживался подлинника, углублялся въ идіотизмы и старался передать ихъ какъ можно вѣрнѣе, сохраняя ихъ силу на русскомъ языкѣ. Поэтому языкъ переводныхъ пьесъ Карамзина нѣсколько отличается отъ языка оригинальныхъ его произведеній. Онъ уже не такъ легокъ, не такъ плавенъ и свободенъ: сейчасъ видно, что переводчикъ былъ стѣсненъ чуждыми формами. Иногда Карамзинъ дѣлается даже высокопарнымъ и неестественнымъ, на примѣръ въ переводѣ Макферсонова Оссіана, гдѣ главную роль должна играть простота.

Но этими статьями еще не ограничивалась дѣятельность Карамзина по журналу. Не надобно забывать, что онъ издавалъ «Московскій Журналъ» одинъ; ему помогали весьма не многіе сотрудники. Онъ долженъ былъ писать обозрѣнія піесъ, игранныхъ на московскомъ театрѣ и разбирать явившіяся новыя книги. Карамзинъ первый внесъ въ журналъ эти два важные отдѣла, придавшіе его изданію особенный интересъ.

ГЛАВА V.

Карамзинъ въ особенности отличался даромъ разсказа; достаточно было дать ему только идею, и онъ развивалъ ее какъ нельзя лучше.

Чтобъ оцѣнить его разборы театральныхъ пьесъ, надобно прежде узнать, какое понятіе имѣлъ Карамзинъ *о драмѣ* и драматическомъ искусствѣ вообще. Что Карамзинъ изучалъ и глубоко постигалъ произведенія Шекспира и французскихъ драматическихъ писателей, что онъ понималъ преимущества англійской школы предъ французскою; доказательства тому мы находимъ въ его «Письмахъ Русскаго Путешественника». Карамзинъ понималъ, что драматическій писатель долженъ глубоко знать человѣка, что драма состоитъ въ дѣйствіи, и т. д. Онъ, съ удивительною легкостію, разсказываетъ содержаніе пьесъ, видѣнныхъ имъ на театрѣ; дѣлаетъ замѣчанія на игру актеровъ, разсуждаетъ о томъ, понимаютъ ли они свои роли, чувствуютъ ли силу и красоты пьесы.

Взглядъ Карамзина на драматическую поэзію и на выполненіе драматическихъ пьесъ, лучше всего видѣнъ изъ его разсказа о представленіи драмы Коцебу на берлинскомъ театрѣ, помѣщеннаго въ «Путевыхъ Запискахъ».

«Давно уже, пишетъ Карамзинъ, не былъ я такъ пріят-

но растроганъ, какъ нынѣ въ театрѣ. Представляли драму «Menschenhass und Reue» (Ненависть къ человѣчеству и раскаяніе), сочиненную г. Коцебу, ревельскимъ жителемъ. Карамзинъ разсказываетъ содержаніе драмы: «Баронъ Мейнау, человѣкъ лѣтъ тридцати, женится на пятнадцатилѣтней Эйлаліи. Нѣсколько лѣтъ живутъ они счастливо. Эйлалія почитаетъ въ своемъ супругѣ опытнаго и благоразумнаго человѣка; а супругъ старается всѣмъ утѣшать ее. Но вдругъ, по нѣкоторому несчастному случаю, лишается онъ половины своего имѣнія. Надлежало ограничить расходы; а такая новая экономія не могла быть пріятна молодой Эйлаліи. Въ сіе время одинъ молодой человѣкъ, обязанный Барону всѣмъ своимъ счастіемъ, вкрадывается мало по малу къ ней въ сердце, и чѣмъ же? Не красотою, не разумомъ, не добродѣтелью; но угождая всѣмъ женскимъ прихотямъ, угадывая желанія ея при самомъ ихъ зарожденіи, льстя ей, забавляя ее. Нѣтъ умѣренности въ склонностяхъ юнаго женскаго сердца. Любовь къ сему молодому человѣку уменьшаетъ въ Эйлаліи любовь къ супругу, и наконецъ такъ ослѣпляетъ ее, что она забывъ добродѣтель, а съ нею забывъ супруга и дѣтей своихъ — уходитъ съ своимъ развратителемъ. Сей ударъ былъ совсѣмъ нечаянный для Мейнау. Изъ отчаянія оставляетъ онъ свой домъ, клянетъ людей, бѣжитъ отъ нихъ и безъ всякаго намѣренія странствуетъ изъ земли въ землю. Между тѣмъ вѣтренный молодой человѣкъ удовлетворивъ страсти своей, оставляетъ Эйлалію. Тутъ открываются глаза ея — она чувствуетъ всю ужасность своего состоянія, весь стыдъ и несчастіе порочной женщины. Наконецъ, подъ именемъ г-жи Миллеръ, идетъ въ управительницы въ домъ къ графинѣ Винтерзее, и живетъ у нее въ деревнѣ, во всегдашнемъ уединеніи и горести. Едва осмѣливается она искать нѣкотораго утѣшенія въ тайныхъ

благодѣяніяхъ. Случай приводитъ барона Мейнау въ сію деревню. Онъ остается тутъ на нѣкоторое время, живетъ въ маленькомъ домикѣ въ концѣ звѣринца, ходитъ по лѣсамъ, читаетъ Циммерманову книгу *объ уединеніи*, и клянетъ природу человѣческую. Отсюда начинается драма. — Графъ и графиня Винтерзее пріѣзжаютъ въ деревню. Баронъ фонъ-деръ-Горстъ, братъ графининъ, влюбляется въ Г-жу Миллеръ, и открывается въ томъ сестрѣ своей. Графиня любитъ свою управительницу, и будучи увѣрена, что она не подлаго (низкаго) рода, не противится намѣренію брата своего жениться на ней, и сама еще беретъ на себя говорить о томъ съ нею. Тутъ Эйлалія рѣшается, въ собственное свое наказаніе, разсказать графинѣ свою исторію. «Величайшая жертва, говоритъ она, какую истинное раскаяніе принести можетъ, состоитъ въ томъ, чтобы добровольно отказаться отъ почтенія любимыхъ людей». Но графиня обнимаетъ ее и увѣряетъ въ своей дружбѣ. Между тѣмъ Мейнау имѣлъ случай оказать графу услугу. Сей послѣдній упалъ съ мосту въ рѣку, и конечно бы утонулъ, если бы Мейнау не бросился и не вытащилъ его. Графъ посылаетъ своего шурина звать его къ себѣ въ гости. Баронъ фонъ-деръ-Горстъ находитъ въ путешественникѣ стариннаго друга своего, принуждаетъ его разсказать свою исторію со времени ихъ разлуки, и, не смотря на отговорки, беретъ съ него слово придти къ графу. Мейнау приходитъ, видитъ Эйлалію, и въ тотъ же мигъ бросается назадъ въ двери. Эйлалія падаетъ въ обморокъ, и тѣмъ кончается четвертое дѣйствіе. Баронъ фонъ-деръ Горстъ, узнавъ что Эйлалія жена друга его, почитаетъ за долгъ стараться о ихъ соединеніи. Эйлалія поручаетъ ему просить супруга своего, чтобы онъ позволилъ ей притти къ нему и видѣть дѣтей своихъ. Мейнау не хочетъ сперва и слышать о томъ, чтобы опять жить съ

нею вмѣстѣ. «Женщина, говоритъ онъ, которая одинъ разъ могла измѣнить мужу, можетъ измѣнить и въ другой разъ. И что скажутъ обо мнѣ въ свѣтѣ, когда покажусь я съ моею бѣглою женою? Не станутъ ли указывать на меня пальцами?» Наконецъ рѣшается онъ въ послѣдній разъ видѣть Эйлалію, а потомъ хочетъ съ дѣтьми своими (которыхъ посылаетъ привести изъ города) удалиться въ такое мѣсто, гдѣ бы никогда уже не могъ встрѣтиться съ своею не вѣрною, но все еще любезною ему супругою. Эйлалія приходитъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе и трогательнѣе сей сцены. Мейнау размягчается. «Ты развратилъ ангела» говоритъ онъ, представляя себѣ въ мысляхъ соблазнителя своей супруги. Эйлалія не проситъ у него прощенія; она почитаетъ себя недостойною такого супруга, и въ ту минуту, какъ они хотятъ сказать другъ другу: *прости на вѣки!* вбѣгаютъ дѣти, бросаются цѣловать своихъ родителей, и Мейнау, тронутый до глубины сердца, прощаетъ Эйлалію; съ рыданіемъ бросается она въ объятія своего супруга, и занавѣсъ закрывается. — Ни какая драма не оставляла во мнѣ такихъ сладкихъ впечатлѣній, какъ сія. Не скажу, чтобы въ ней нельзя было ничего критиковать, однако жъ, въ ней такъ много трогательнаго и прекраснаго, что зритель забываетъ критику.» Какой легкій, и увлекательный разсказъ! Говоря потомъ объ игрѣ актеровъ, Карамзинъ замѣчаетъ: «Я думаю, что у Нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гёте, Шиллера и другихъ драматическихъ авторовъ, которые съ такою живостію представляютъ въ драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, изображая, такъ сказать, всѣ оттѣнки его натуры.»

Разсказывая содержаніе трагедіи Шенье «Карлъ IX», которую Карамзинъ видѣлъ на ліонскомъ театрѣ, онъ при-

бавляетъ: «Дѣйствіе ужасно; но не всякій ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для французскихъ поэтовъ.» Изъ этого одного мѣста мы не только видимъ, что Карамзинъ понималъ Шекспира *, но замѣтимъ, что онъ зналъ и его недостатки, чему мы имѣемъ доказательства.

Въ началѣ своего пребыванія въ Парижѣ, Карамзинъ почти ежедневно посѣщалъ театры и высказалъ въ «Путевыхъ Запискахъ» свое мнѣніе о французской драмѣ.

«Я и теперь, пишетъ онъ, не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда немногихъ) Нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ, и *въ искусствѣ* писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изображенія, жара, и глубокаго *чувства натуры*, простите мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! Онѣ должны уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большой части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ Греки и Римляне á la françaíse, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать **. Коротко

* Онъ зналъ его почти наизусть, какъ самъ говоритъ въ «П. Р. П.» (Изд. 1801-го. Ч. VI, стр. 161).

** Я прошу знатоковъ французскаго театра, говоритъ Карамзинъ, найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что нибудь подобное—напримѣръ симъ

сказать, творенія французской Мельпомены славны, и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или услаждать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть ни двухъ истинныхъ трагедій, и д'Аламбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.»

Теперь приведемъ мнѣніе Карамзина о французской комедіи. «Талія британская и талія германская, говоритъ онъ, должна уступить преимущество французской. Англійскія комедіи по большой части или скучны или грубы, не благопристойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ недостойны вниманія». *

шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе—скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ:

Blow winds.... rage blow!
You sulph'rous and thonght-executing fires,
Avant-couriers of oak-cleaving thunder-bolts!
Singe my white head! And thou allshaking thunder,
Strike flat the thick rotundity of th'world!
Crack nature's mould, all germins spill at once;
That make ingrateful man!...
I take not you elements, with unkindness;
I never gave you kingdom, call'd you children;
. Then let fall
Your horrible pleasure!... here I stand, your slave,
A poor, infirm, weak and despis'd old man!

«Шумите вѣтры, свирѣпствуй буря! Сѣрные, быстрые огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ! Лейте пламя на бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушите зданіе міра; сокрушите образъ натуры и человѣка, неблагодарнаго человѣка! .. Не жалуйтесь на вашу свирѣпость разъяренныя стихіи! Я не отдавалъ вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми моими! И такъ свирѣпствуйте по волѣ! Разите—и я, рабъ вашъ, бѣдный, изнуренный старецъ, отверженный отъ человѣчества!»

* П. Р. П. — Парижъ, Апрѣля 29-го 1790 г.

Говоря объ англійской литературѣ, Карамзинъ не пропустилъ и драматической поэзіи. «Въ драматической поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ *Шекспиръ*, и Англичане богаты! Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеромъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ. Кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчишекъ.»

«Всякій авторъ, продолжаетъ Карамзинъ, ознаменованъ печатью своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній *не можетъ взять мѣръ своихъ*. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; временныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровенія* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ.»

«Еще повторяю, пишетъ Карамзинъ: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть шекспировскій *бомбастъ*, а нѣтъ шекспировскаго генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлъ истины и натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегма-

тическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзня и погребеніе, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ лондонскомъ партерѣ. Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и карикатурами, въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ» *.

Этихъ выписокъ очень достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о взглядѣ Карамзина на драматическое искусство и о глубокомъ его изученіи всѣхъ произведеній Шекспира, котораго Карамзинъ постигалъ вполнѣ.

Обратимся теперь къ разборамъ пьесъ, игранныхъ на московскомъ театрѣ. Первый такой разборъ Карамзина — разборъ Лессинговой трагедіи «Эмилія Галотти».

Послушайте, какъ увлекательно Карамзинъ разсказываетъ содержаніе этой трагедіи: «Главное дѣйствіе ея возмутительно, но не менѣе того естественно. Римская исторія представляетъ намъ примѣръ такого ужаснаго дѣла. Одоардо былъ въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и несчастный Римлянинъ; имѣлъ такой же великій духъ, гордую чувствительность и высокое понятіе о чести. Разсмотримъ только по ближе его положеніе, чувства и мысли, которыя занимали душу его передъ свершеніемъ убійства:

«Умертвили жениха его дочери, столько любезнаго ему и ей—умертвили для того, что принцу угодно было избрать невѣсту въ предметъ сладострасныхъ своихъ желаній; обманомъ привели дочь его къ принцу, и не хотѣли отдать отцу подъ предлогомъ, будто бы надлежало ее допросить въ судѣ, не знаетъ ли она убійцы жениха своего. Сей вымыселъ, достойный ада и камергера Маринелли — вымыселъ, кото-

* И Р. П., изд. 1801 г. Ч. VI, стр. 279—280.

рый былъ еще злобнѣе вымысла римскаго децемвира — долженъ былъ привести въ бѣшенство пламеннаго Одоардо. Въ первомъ движенiи праведнаго гнѣва своего, хотѣлъ было онъ заколоть и сладострастнаго принца и злобнаго помощника его; но мысль: мнѣ ли убивать, какъ бандиты убиваютъ? остановила его руку. Надлежало на что нибудь рѣшиться, и на что нибудь великое, достойное такого мужа, каковымъ представленъ намъ Одоардо. Не ужели онъ такъ покорится обстоятельствамъ, такъ вдругъ унизится въ чувствахъ, чтобы отдать Эмилiю въ наложницы принцу—тотъ, кто почиталъ себя выше всѣхъ обстоятельствъ, кто страхъ почиталъ за низость? Одоарду быть отцемъ обезчещенной женщины! Одоарду снести, чтобы на него указывали пальцами, и говорили съ злобною усмѣшкою: «Вотъ тотъ кто никогда не хотѣлъ унижаться предъ нашимъ принцомъ, кто почиталъ себя выше всѣхъ обидъ со стороны его, но кто съ низкимъ поклономъ отдалъ ему дочь свою, и принесъ покорнѣйшую благодарность за то, что ему, или его помощнику, угодно было отправить на тотъ свѣтъ жениха нѣжной Эмилiи»! Какiя же средства оставались ему спасти ее? къ законамъ ли прибѣгнуть, тамъ гдѣ законы говорили устами того, на кого бы ему просить надлежало? Увезти ли ее силою оттуда, гдѣ гвардiя хранила входъ и выходъ? Обратимъ теперь глаза на Одоарда.»

«Онъ утихаетъ и задумывается. Наконецъ, какъ отъ сна пробудившись, говоритъ: «Хорошо! Дайте мнѣ только видѣться, одинъ разъ видѣться съ моею дочерью! Тутъ, будучи оставленъ самому себѣ, борется онъ съ ужасною для него мыслiю: Если она сама съ нимъ согласилась! Если она не достойна того, что я для нее сдѣлать хочу? И такъ онъ уже рѣшился; но на что, зритель еще не знаетъ. — «Что же хочу я для нее сдѣлать? продолжаетъ Одоардо. Осмѣ-

люсь ли сказать самому себѣ? Ужасная мысль.» — Здѣсь зритель готовъ къ чему-нибудь страшному. — «Нѣтъ, нѣтъ! не буду ее дожидаться! (Смотря на небо) Кто безвинно ввергнулъ ее въ эту бездну, пусть тотъ и спасаетъ ее! На что *ему* рука моя?» — «*Вотъ черта*, говоритъ Карамзинъ, *которая показываетъ, сколь хорошо зналъ авторъ сердце человѣческое!* Когда человѣкъ въ крайности рѣшится на что-нибудь ужасное, рѣшеніе его, пока еще не приступилъ онъ къ исполненію, бываетъ всегда, такъ сказать, *не полное*. Все еще ищетъ онъ кратчайшихъ средствъ—не находитъ, но все ищетъ, какъ будто бы не вѣря глазамъ или разсудку своему. Обратимся къ Одоарду. Въ самую ту минуту, какъ онъ воображаетъ себѣ весь ужасъ своего намѣренія и содрогается, предстаетъ душѣ его мысль о Провидѣніи, которому онъ вѣрилъ въ жизни своей. «Какъ! не ужели оно попуститъ торжествовать пороку? Не ужели оно не спасетъ невинности? Почему знать, какими средствами?» Съ сею мыслію хочетъ онъ итти: но тутъ является Эмилія. Поздно! восклицаетъ онъ — и мысль, что Провидѣніе посылаетъ къ нему дочь его, съ тѣмъ, чтобы онъ рѣшилъ судьбу ея, какъ молнія проницаетъ его душу. Такія скорыя перемѣны въ намѣреніяхъ мечущейся души весьма естественны. Она бываетъ внимательна къ самому вѣтерку, и слушаетъ, не шепчетъ ли какой гласъ съ неба. Эмилія представляется глазамъ его въ самое то время, какъ онъ хочетъ отъ нее удалиться — это значило для него: *не удаляйся*».

«Теперь остается ему только увѣриться въ добродѣтели своей Эмиліи—и увѣряется—и находитъ въ дочери своей героиню, которая языкомъ Катона говоритъ о свободѣ души. — «Гдѣ тотъ человѣкъ, восклицаетъ она, который другаго человѣка къ чему нибудь приневолить можетъ? Я боюсь не принужденія, а соблазна; я женщина». Тутъ въ душѣ

Одоардовой должны были возбудиться всѣ прежнія ужасныя для него мысли о дочери обезчещенной. Тутъ Эмилія требуетъ кинжала, почитая въ фанатизмѣ своемъ такое самоубійство за дѣло святое». — «Для избѣжанія соблазна, говоритъ она, тысячи бросались въ воду и становились святыми». Одоардо, желая увѣриться въ ея рѣшимости, даетъ ей кинжалъ: она хочетъ заколоться, но онъ вырываетъ его говоря: —«Это не для твоей руки». При сихъ словахъ онъ долженъ былъ думать: — «У тебя есть отецъ; такъ или иначе, но ему надлежитъ спасти тебя.» Эмилія, срывая у себя съ головы розу, хочетъ его еще болѣе тронуть. — «Ты не должна украшать волосы такой женщины, какою отецъ мой хочетъ меня видѣть!» Одоардо только отвѣчаетъ повтореніемъ ея имени — произносилъ ли онъ его когда нибудь въ жизни своей такимъ голосомъ и съ такимъ чувствомъ! Душа его обнаружилась предъ проницательною Эмиліею». О! если угадываю ваши мысли! говоритъ она, пристально смотря ему въ глаза. Но нѣтъ, вы и этого не хотите. Для чего же бы медлить? (*Печальнымъ голосомъ, разрывая розу*). Нѣкогда былъ такой отецъ, который, избавляя дочь свою отъ стыда, пронзилъ кинжаломъ грудь ея, и — вторично даровалъ ей жизнь! Нѣтъ уже такихъ отцовъ!» Мнѣ кажется, что я въ сію минуту вижу всю душу Одоардову. «И такъ дочь моя думаетъ сама, что я могу умертвить ее—что я не имѣю инаго способа избавить ее отъ безчестія, и потому долженъ умертвить ее? И такъ былъ примѣръ дочеубійства? Былъ дочеубійца, которому удивляется потомство? Кажется, что я уже слышу тирана, идущаго похитить у меня дочь мою. Нѣтъ, нѣтъ! онъ не похититъ—не обезчеститъ ее! Есть еще другой Виргиній въ свѣтѣ, дочь моя, есть!»—И хладное желѣзо пронзаетъ Эмильину грудь, и Эмилія издыхаетъ въ объятіяхъ убійцы, отца своего, и зритель чувствуетъ, что

Одоардо могъ заколоть Эмилію, какъ Виргиній закололь Виргинію, и Эмилія Галотти пребудетъ вѣнцемъ Лессинговыхъ драматическихъ твореній.»

«И сколь естественно было Одоарду заколоть дочь свою, столь же естественно было ему и раскаяться въ первый мигъ по совершеніи дѣла, и, видя падающую Эмилію, воскликнуть: «Боже! что я сдѣлалъ!» Онъ почувствовалъ себя отцемъ, убившимъ дочь свою. — Все, что несчастный говоритъ потомъ принцу, раздираетъ душу чувствительнаго зрителя. Онъ не хочетъ убить себя. — «Вотъ окровавленный знакъ моего преступленія! говоритъ онъ, бросая кинжалъ: я самъ пойду въ темницу». Гордость замерла въ сердцѣ его; чувство *своего дѣла* заглушаетъ въ немъ всѣ иныя чувства».

Разсказавъ содержаніе піесы, Карамзинъ дѣлаетъ замѣчанія о характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Замѣчанія его хотя и кратки, но довольно интересны.

«Что принадлежитъ до характеровъ, говоритъ онъ, то не знаю, въ какомъ наиболѣе удивляться искуству автора. Гордый, благородный Одоардо; чувствительная, пылкая Эмилія; сладострастный, слабый, но притомъ добродушный принцъ, могущій согласиться на великое злодѣяніе, когда то способствуетъ удовлетворенію его страсти, но всегда достойный нашего сожалѣнія; Маринелли, злодѣй по воспитанію и привычкѣ; Орсина, отъ ревности съ ума сошедшая, но умная въ самомъ своемъ сумасшествіи; Клавдія слабая женщина, но нѣжная мать; графъ Аппіани, котораго зритель любитъ еще прежде нежели онъ на сцену выходитъ, и который обнаруживаетъ въ себѣ столько чувствительности и любви въ разговорѣ съ Эмиліею, и столько благородства въ ссорѣ съ Маринелли; совѣтникъ Камилло Рота, который сказавъ только нѣсколько словъ, заставляетъ насъ почитать въ себѣ мужа рѣдкой добродѣтели; ученый живопи-

сецъ съ своею пластическою натурою и съ Рафаэлемъ безъ рукъ; честный разбойникъ и убійца, и наконецъ всякій слуга, который выходитъ на сцену — все, все показываетъ, что авторъ наблюдалъ человѣчество не два дни, и наблюдалъ такъ, какъ не многіе наблюдать способны; что натура дала ему живое чувство истины, которое и автора и человѣка дѣлаетъ великимъ». За тѣмъ, Карамзинъ дѣлаетъ замѣчанія объ игрѣ каждаго актера, говоритъ понялъ ли онъ свою роль, какъ выполнилъ ее, и т. д.; но болѣе всего восхищается игрою Померанцова и называетъ его вторымъ Гаррикомъ.

Трудно вѣрить, что эти разборы писаны авторомъ «Бѣдной Лизы» и «Натальи боярской дочери». Если бы Карамзинъ не оставилъ по себѣ ни чего кромѣ своихъ театральныхъ статей, то ихъ однѣхъ уже довольно для доказательства его литературнаго таланта.

Разбирая комедію «Оптимистъ» *, Карамзинъ между прочимъ замѣчаетъ: «Драма должна быть вѣрнымъ представленіемъ *общежитія* (по нашему общества); надобно, чтобы въ ней люди не только поступали, но и назывались такъ же, какъ они въ *общежитіи* называются; но называются ли у насъ мужчины *Зланетами, Буремыслами, Милоумами* а женщины *Извѣдами, Премилами* и проч.? Одно такое имя напоминаетъ зрителю, что онъ въ театрѣ, и что все видѣнное имъ есть небылица; а надобно, чтобы онъ забывался. Сперва, можетъ быть, иному смѣшно бы показалось, когда бы театральные герои стали другъ друга называть по именамъ и по отчествамъ; но наконецъ мы бы къ этому привыкли».

Въ этомъ отрывкѣ разбора уже обнаруживается первое

* М. Ж. Кн. 2.

предчувствіе народной драмы, предчувствіе юнаго таланта, которому не суждено было уяснить его.

Благодѣтельный и совершенно неожиданный случай навелъ насъ на исходный пунктъ знаменитой исторіи судебъ *сего* и *онаго*, которые потерпѣли такое страшное пораженіе въ послѣднее время. Уже Карамзинъ чувствовалъ отвращеніе къ этимъ двумъ близнецамъ, и высказалъ его въ разборѣ комедіи «Графъ Ольсбахъ». «Переводъ достоинъ «похвалы, замѣчаетъ Карамзинъ, только жаль, что г. пере«водчикъ употребляетъ *сей* и *оный*, что на театрѣ бываетъ «всегда противно слуху. Употребляемъ ли мы *сіи* слова въ «разговорахъ? Если нѣтъ, то и въ комедіи, которая есть «представленіе общежитія, употреблять ихъ не должно. «Чѣмъ слогъ театральной піесы простѣе, тѣмъ лучше *». И критикъ былъ правъ, вооружившись противъ *сего* и *онаго*; жаль только, что онъ ратовалъ одинъ, что его не поняли, и не сочувствовали его благородному вкусу, до самаго новѣйшаго времени.

Въ разборѣ трагедіи «*Сидъ*» Карамзинъ опять высказываетъ свое мнѣніе о драматическомъ искуствѣ. — Излагая содержаніе каждой пьесы и приключенія дѣйствующихъ лицъ, онъ замѣчаетъ, «что есть приключенія, которыя хороши для историка, а не для драматическаго поэта. Историкъ долженъ описывать все, какъ было, не думая о впечатлѣніи, которое сдѣлаетъ въ читателѣ описываемое имъ происшествіе; но драматическій поэтъ долженъ имѣть въ виду извѣстное дѣйствіе, т. е. онъ долженъ производить въ зрителѣ или радость, или горесть. Иногда, въ теченіи драмы, можетъ онъ манить его радостными видами, для того, чтобы наконецъ заставить его тѣмъ сильнѣе чувствовать горесть....»

«Иногда поэтъ представляетъ героевъ своихъ на краю

* М. Ж. Изд. 2-е. Ч. 1. Стр. 361.

погибели, т. е. производитъ въ насъ печальныя чувства для того, чтобы послѣ, спасши ихъ, заставить насъ тѣмъ больше радоваться. Такъ напр. въ Расиновой Ифигеніи до послѣдней сцены все печально; но наконецъ Ифигенія спасена, и зритель вдругъ развеселяется въ душѣ своей. Коротко сказать, развязка драмы непремѣнно должна быть или печальна или радостна для зрителя и оставлять въ немъ чистыя не смѣшанныя чувства». — Далѣе Карамзинъ говоритъ объ *ужасѣ* въ трагедіи. «Сей *ужасъ*, сію *жалость*, которые д'Аламбертъ весьма справедливо называетъ душею трагедіи, найдемъ мы въ Шекспирѣ и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ драматическихъ сочиненіяхъ. Шекспировы произведенія уподобляю я произведеніямъ натуры, которыя прельщаютъ насъ въ самой своей нерегулярности, которыя съ неописанною силою дѣйствуютъ на душу, и оставляютъ въ ней неизгладимое впечатлѣніе». *

Переводя лучшія иностранныя критики театральныхъ піесъ, Карамзинъ учился, какъ надобно смотрѣть на драму, и, подкрѣпляемый правилами Блера, первый у насъ сталъ обработывать эту отрасль литературы. Въ разборахъ Карамзина, сквозь вліяніе иностранныхъ началъ, проблескиваютъ и его собственныя понятія. Не споримъ, что критическіе разборы Карамзина иногда поверхностны, но это былъ общій недостатокъ всѣхъ тогдашнихъ учено-литературныхъ произведеній, и мы не станемъ упрекать Карамзина въ томъ, что онъ смотрѣлъ на искусство глазами своего времени.

Подобно театральной критикѣ, и библіографія въ первый разъ явилась въ русской литературѣ въ «Московскомъ Журналѣ» Карамзина; мы говоримъ, въ первый разъ, потому-что всѣ статьи по этому предмету, помѣщенныя въ Мил-

* М. Ж, ч. III, мѣсяцъ Іюль.

леровыхъ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» не заслуживаютъ названія библіографіи.

Почти въ каждой книжкѣ Московскаго Журнала редакторъ помѣщалъ рецензіи новыхъ русскихъ, и переводные разборы замѣчательныхъ иностранныхъ книгъ. Карамзинъ выступилъ на поприще критики разборомъ «Кадма и Гармоніи».

«Почтенный авторъ, пишетъ онъ, въ предисловіи своемъ говоритъ, что его Кадмъ есть не *поэма,* а *простая повѣсть*; но когда повѣсть есть не исторія, а вымыселъ, то она, кажется, есть поэма—эпическая или нѣтъ, но все поэма —стихами или прозою писанная, но все поэма. Такимъ образомъ комедія, романъ, есть поэма.» Потомъ, изложивъ содержаніе книги, онъ замѣчаетъ: «Въ семъ сочиненіи найдетъ читатель, кромѣ разсужденій, прекрасныя піитическія описанія, любопытныя завязки, интересныя положенія, чувства возвышенныя; слогъ же всегда пріятенъ и высокопаренъ безъ надутости». И въ подкрѣпленіе своихъ словъ выписываетъ нѣкоторыя мѣста изъ самаго сочиненія.

До-сихъ-поръ замѣчанія Карамзина могли быть отголоскомъ Блера. Посмотримъ, какъ подчиняется онъ авторитету такъ называемыхъ русскихъ писателей, почитавшихся въ его время классическими.

Намъ не понятно, какъ человѣкъ, постигавшій вполнѣ въ чемъ состоитъ достоинство произведеній изящной словесности, могъ считать красотами такія мѣста «Кадма и Гармоніи», которыя, кромѣ напыщенности, не представляютъ ничего замѣчательнаго вѣрному вкусу. Карамзинъ приводитъ эти мѣста, восхищается ими и наконецъ восклицаетъ: «Прекрасная картина! истинная поэзія!», между тѣмъ, какъ эти выписки не лучше самой посредственной прозы.

Такой благопріятный для автора отзывъ объясняется

развѣ только тѣмъ, что содержаніе «Кадма и Гармоніи» взято изъ древняго греческаго міра, такъ пріятно, обаятельно дѣйствовавшаго на воображеніе Карамзина. Встрѣтивъ въ разбираемой повѣсти нѣсколько древнихъ именъ, онъ перенесся мыслью въ поэтическую Элладу, забылся, и не давъ себѣ отчета въ своемъ увлеченіи, съ благодарностью приписалъ причину увлеченія дѣйствію велерѣчивыхъ страницъ «Кадма». «Какія сильныя черты! восклицаетъ снисходительный критикъ: — Я вижу предъ собою угрюмыхъ Медіамлянъ и дикихъ, свирѣпыхъ Мамелюковъ—вижу, зажимаю глаза и хвалю описателя», и оканчиваетъ разборъ словами: «Довольно. Изъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что Кадмъ есть твореніе, достойное всего вниманія читателей».

Надобно замѣтить, что критикъ вполнѣ чувствовалъ всѣ недостатки такъ - называемыхъ нашихъ классиковъ; но какъ было ему возставать на нихъ? Онъ понималъ, что вооружиться противъ этихъ кумировъ тогдашней литературы значило - бы уронить себя въ общемъ мнѣніи и испортить все дѣло при самомъ началѣ. Кромѣ - того, при всемъ своемъ душевномъ отрѣшеніи отъ стараго, Карамзинъ по привычкѣ уважалъ предметы, къ которымъ почтеніе было внушено ему съ самаго дѣтства. Въ высокопарныхъ фразахъ, славянскихъ словахъ и формахъ рѣчи, онъ видѣлъ величіе, краснорѣчіе; однако жъ, когда подобная роскошь выходила изъ предѣловъ, Карамзинъ явно, но чрезвычайно осторожно вооружался противъ ложнаго направленія корифеевъ тогдашней литературы. Такъ напримѣръ и въ настоящемъ случаѣ, не желая возставать противъ Хераскова, писателя-ветерана, пользовавшагося уваженіемъ публики и любившаго Карамзина, критикъ сначала хвалитъ его и приводитъ мнимыя красоты для того только, чтобы въ послѣдствіи имѣть полное право дѣлать ему упреки. При всемъ томъ

упреки эти весьма осторожны. «Но говорятъ, пишетъ Карамзинъ, что нѣтъ сочиненія во всемъ совершеннаго. Если такъ, то и въ Кадмѣ должны быть несовершенства, или ошибки, или неисправности. Рецензентъ, читая Кадма, при многихъ мѣстахъ, думалъ: *это слишкомъ отзывается новизною; это противно духу тѣхъ временъ, изъ которыхъ взята басня*. Однако жъ, вообразивъ себѣ всю трудность писать нынѣ такъ, какъ писывали древніе, согласился онъ не почитать сихъ *знаковъ новизны* за несовершенство сочиненія, имѣющаго цѣль моральную». Послѣ этого Карамзинъ нападаетъ на выраженія и слова. «Выраженіе, *начертавать источникъ*, останавливаетъ читателя. Найдешь еще нѣсколько словъ, къ которымъ наше ухо не привыкло; напр. *умоключенія*, вмѣсто мыслей и разсужденій, *понурность*, вмѣсто ската или свѣса, и нѣкоторыя слова во множественномъ, которыя мы обыкновенно употребляемъ только въ единственномъ, какъ-то: *поведенія*, *роскоши*, и проч. Но не будемъ искать бездѣльныхъ ошибокъ, если это и подлинно ошибки, въ такомъ сочиненіи, которое наполнено красотами разнаго рода....»

«Кадмъ, оканчиваетъ Карамзинъ, будетъ жить съ Россіядою и Владиміромъ». И критикъ не ошибся: всѣ эти три произведенія не пережили другъ друга, и давно уже забыты.

Такова первая рецензія Карамзина, конечно, очень поверхностная, но развѣ мы въ правѣ требовать отъ Карамзина, чтобы онъ смотрѣлъ на литературныя произведенія съ той точки зрѣнія, до которой дошла новѣйшая европейская критика путемъ долголѣтняго опыта.

Во всѣхъ своихъ рецензіяхъ, Карамзинъ вооружался, въ особенности, противъ тогдашняго книжнаго языка, иногда прямо, иногда же намеками и весьма осторожно, смотря по

тому, кто былъ авторъ или переводчикъ разбираемой книги; говоримъ переводчикъ, потому-что, въ теченіе двухъ лѣтъ, Карамзину не пришлось разобрать ни одного оригинальнаго русскаго сочиненія.

Вотъ слова Карамзина о переводѣ «Генріады». Генріада, пишетъ онъ, есть одна изъ тѣхъ поэмъ, которыхъ главное достоинство состоитъ не въ великихъ новыхъ мысляхъ, —не въ живыхъ, съ самой натуры взятыхъ образахъ,—но въ красотѣ стиховъ. Тѣмъ труднѣе переводить ее. Здѣсь надобно не только выразить мысли поэта, но и выразить ихъ съ такою же точностію, и съ такою же чистотою, и пріятностію, какъ въ подлинникѣ; иначе поэма потеряетъ почти всю свою цѣну. Но какія препятствія встрѣтятся переводчику! Кромѣ нѣкоторой негибкости нашего языка, мѣра и риѳма составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, переродясь въ Русскаго, преодолѣть могъ. Однимъ словомъ, легче (по моему мнѣнію) сочинить на русскомъ языкѣ эпическую поэму въ двадцать пѣсней, нежели перевести хорошо десять пѣсней Генріады» *. Карамзинъ судилъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно вѣрно.

Вообще, помѣщая въ своемъ журналѣ разборы выходившихъ вновь русскихъ и иностранныхъ книгъ, Карамзинъ знакомилъ своихъ читателей не только съ ихъ собственною, но и съ иностранными литературами, о которыхъ до него Русскіе не имѣли основательныхъ понятій. Переводя изъ иностранныхъ журналовъ рецензіи лучшихъ иностранныхъ сочиненій, писанныя европейскими литераторами, онъ самъ учился смотрѣть на вещи и не всегла полагался на вкусъ Блера, бывшаго прежде его оракуломъ.

Такимъ образомъ иностранная литература, въ лицѣ Блера, имѣла вліяніе на Карамзина, представителя нашей воз-

* М. Ж. Ч. II. стр. 215—216.

рождавшейся литературы. Русскіе учились, изъ «Московскаго Журнала» какъ оцѣнять литературныя произведенія, находить въ нихъ достоинства и недостатки, хвалить и осуждать.

Московскій Журналъ, издаваемый Карамзинымъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1791 и 1792 г.), положилъ начало новѣйшей русской литературѣ, распространяя полезныя свѣденія, ратуя за чистоту роднаго слова, и представляя самъ собою образецъ чистаго и легкаго русскаго языка, не извѣстнаго до-тѣхъ-поръ на Руси. Посредствомъ своего журнала, Карамзинъ вводилъ въ наше общество образованный вкусъ, и своимъ пріятнымъ слогомъ пріохотилъ къ чтенію даже прекрасный полъ. Всѣ съ удовольствіемъ читали прозу Карамзина, а молодые писатели—съ восторгомъ; только приверженцы старины — съ досадою. Если сравнимъ Московскій Журналъ со всѣми періодическими изданіями, выходившими въ первой четверти XVIII ст., то, по справедливости, должны будемъ отдать преимущество первому.—Прочіе русскіе журналы, издававшіеся въ одно время съ «Московскимъ Журналомъ» были: 1) «Магазинъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ модъ», съ картинками: издавался въ Москвѣ (1791) и выходилъ одинъ годъ. 2) «Зритель», подражаніе «Живописцу», Новикова, издавался И. А. Крыловымъ въ Спб. (1792). 3) «Россійскій Магазинъ», издаваемый В. Туманскимъ въ Спб. — Весьма неудачное подражаніе Миллеру. 4) «Дѣло отъ бездѣлья, или пріятная забава, раждающая улыбку на челѣ угрюмыхъ», изданіе типографщика Рѣшетникова, гдѣ помѣщались труды университетскихъ студентовъ (въ Москвѣ). 5) «Еженедѣльникъ или собраніе разныхъ философическихъ, историческихъ, физическихъ и нравоучительныхъ разсужденій». Изданіе, начатое въ Москвѣ, не продолжавшееся и году.

Всѣ эти періодическія изданія какъ по языку, такъ по вкусу и выбору статей и проч. ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравниваемы съ «Московскимъ Журналомъ» Карамзина.

Другъ Карамзина Петровъ жилъ въ то время въ С. Петербургѣ, и получалъ Московскій Журналъ. Вотъ письмо его, въ которомъ есть кое-что о нѣкоторыхъ статьяхъ этого журнала.

«Благодарю тебя, любезный другъ, за письмо твое отъ 2-го Іюля, и за присылку послѣдняго мѣсяца журнала. Я получилъ и письмо и книжку почти въ одно время.

«И такъ Іоганнъ Іакобъ Ленцъ отошелъ уже въ землю отцевъ нашихъ. Миръ праху его на кладбищѣ, а душѣ его въ странахъ высшихъ! Мутенъ здѣсь былъ потокъ его жизни, но добрался наконецъ до общей цѣли всего текущаго.

«А мы, оставшіеся здѣсь съ наслѣдіемъ покойнаго, съ исторіею торговли, примемся каждый за свой томъ, будемъ читать, твердить, дѣлать выписки, пока и мы не отправимся туда, гдѣ русскіе купцы не торгуютъ, и гдѣ указы, касающіеся до коммерціи, не нужны.

«Ты намѣренъ ѣхать въ деревню, и, какъ я надѣюсь, теперь живешь уже въ деревнѣ. Удѣли и мнѣ частицу своего блаженства; увѣдомь, во всемъ ли тебѣ тамъ живется, какъ ты думалъ.

«Бѣдная Лиза твоя, для меня прекрасна, а какъ нравится другимъ, ни отъ кого не удалось еще слышать.—Сказываютъ, N. N. превесьма доволенъ твоими примѣчаніями на его стихи. Кстати! не можешь ли ты увѣдомить меня, въ какихъ нынѣ обстоятельствахъ сочинитель «Гимна ходящему на крыльяхъ», напечатаннаго у тебя въ Іюнѣ? Мнѣ очень хочется знать о его участи.—Письма, твое къ Боннету, и Бон-

нетово къ тебѣ, я почитаю за предъявленія объ изданіи русскаго перевода «Созерцанія Природы». Скоро ли намѣренъ ты сдѣлать это доброе и общеполезное дѣло?

«Ліодоръ твой не похожъ на другихъ романическихъ героевъ; по крайней мѣрѣ безсонницею не страждетъ, кинувшись на постелю. Онъ спитъ сномъ болѣе нежели богатырскимъ. Не пора ли разбудить его? Также не сыщется ль у тебя какого-нибудь добродушнаго помощника для перевода послѣдней Мармонтелевой сказочки, когда самъ ты по сію пору перевести ее не можешь?

«Коцебу скоро будетъ въ Петербургѣ: онъ переводитъ сочиненія Гаврила Ром. *; но кто будетъ жить у Гавр. Ром. въ домѣ? этова я не слыхалъ; напротивъ того, я слышалъ, что П.-А.-З. беретъ его къ себѣ въ секретари. — Онъ сочинилъ книгу: «О преимуществахъ дворянства», о которой не могу еще сказать болѣе ничего, какъ только то, что она напечатана прекрасно, съ фронтисписомъ и виньетами.

«Надпись: Покойся милый прахъ, до радостнаго утра! нравится мнѣ, какъ въ сравненіи съ прочими, такъ и сама по себѣ. Я поцѣловалъ бы за нее сочинителя, хотя весьма не весьма охотникъ цѣловаться. Она проста, нѣжна, коротка и учтива къ прохожему, потому-что не допускаетъ его до труда – думать, чтобы сказать, узнавши, кто погребенъ подъ монументомъ. И. И. Д—ву нравится она также больше прочихъ. Однако жъ, мнѣ кажется, критическаго мнѣнія даромъ сказывать не можно: и потому ты необходимо долженъ сообщить намъ подробное и обстоятельное описаніе монумента, къ которому она сдѣлана.

«Я сплю безъ просыпу, и во снѣ снится мнѣ, будто играю ролю человѣка что-то дѣлающаго; а зрители, смотря на меня

* Державина.

зѣваютъ. Можетъ быть, это покажется тебѣ вздоромъ; но справедливѣе ничего сказать не могу».

Однако жъ срочная работа наскучила Карамзину, тѣмъ болѣе, что онъ издавалъ свой журналъ почти безъ сотрудниковъ. На второмъ году онъ рѣшился прекратить это изданіе, такъ лестно принятое публикою. Вотъ собственныя слова Карамзина о причинѣ прекращенія «Московскаго Журнала». — «Сею книжкою, говоритъ онъ въ послѣднемъ номерѣ втораго года, Московскій Журналъ заключается Теперь обязательство мое кончилось — я свободенъ. Но сія свобода не будетъ и не должна быть праздностію. Въ тишинѣ уединенія я стану разбирать архивы древнихъ литературъ, которыя (въ чемъ признаюсь охотно) не такъ мнѣ извѣстны, какъ новыя; буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства (о чемъ я думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей» *.

«Между тѣмъ у меня будутъ свободные часы, часы отдохновенія; можетъ быть вздумается мнѣ написать какую-нибудь бездѣлку; можетъ быть пріятели мои также что-нибудь напишутъ; сіи отрывки или цѣлыя піесы намѣренъ я издавать въ маленькихъ тетрадкахъ, подъ именемъ напримѣръ *Аглаи*, одной изъ любезныхъ Грацій. Ни времени, не числа листовъ не назначаю; не вхожу въ обязательство и ни хочу подписки; выдетъ книжка, публикуется въ газетахъ, и кому угодно, тотъ купитъ ее».

«Такимъ образомъ *Аглая* заступитъ мѣсто Московскаго Журнала. Впрочемъ она должна отличаться отъ сего послѣд-

* Значитъ Карамзинъ и тогда уже помышлялъ о важномъ предпріятіи, не желая оставаться только подражателемъ иностранныхъ писателей и дробить свои способности на мелкія журнальныя статьи.

няго строжайшимъ выборомъ піесъ и вообще чистѣйшимъ, т. е. болѣе *выработаннымъ* слогомъ; ибо я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ».

Карамзинъ надѣялся издать первую книжку *Аглаи* въ началѣ слѣдующаго года (1793) и сверхъ того объявилъ, что *Письма Русскаго Путешественника*, исправленныя въ слогѣ будутъ изданы отдѣльно, въ двухъ частяхъ; изъ которыхъ первая будетъ оканчиваться отъѣздомъ изъ Женевы, а вторая возвращеніемъ въ Россію.

«Драма кончилась, и занавѣсъ опускается» говоритъ онъ въ концѣ своего *заключенія*.

Лучшимъ доказательствомъ достоинства Московскаго Журнала можетъ служить слѣдующее: въ 1794 г. Карамзинъ извлекъ изъ него всѣ свои произведенія въ стихахъ и прозѣ и издалъ отдѣльно въ двухъ частяхъ, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки,* которыя были перепечатаны и въ другой разъ (въ 1797 г.). * Мармонтелевы повѣсти, помѣщенныя въ Московскомъ Журналѣ, были также изданы отдѣльно съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ повѣстей того же писателя (напеч. въ 2-хъ частяхъ) подъ заглавіемъ: *Мармонтелевы новыя повѣсти*. ** Не смотря на то, что даже и *Бѣдная Лиза* была издана отдѣльно въ 1797 г., и что «Письма Русскаго Путешественника» напечатаны два раза ***, Московскій Журналъ былъ весь перепечатанъ съ 1801—1803 г. въ Москвѣ.

Вотъ очеркъ двухъ-лѣтней дѣятельности Карамзина. Редакторъ никогда не воображалъ, что издаваемый имъ журналъ по мѣрѣ своего появленія въ свѣтъ поспѣшно и

* Эти «Бездѣлки» подали поводъ къ другимъ бездѣлкамъ подъ заглавіемъ: «И мои бездѣлки,» Дмитріева (1795).

** Часть первая въ 1794 г., а вторая въ 1798 г.

*** Первый разъ въ 1797 г. съ продолженіемъ ихъ до возвращенія въ Россію, въ 5-ти частяхъ. Второй разъ въ 1801 году, въ 6-ти частяхъ.

быстро содѣйствовалъ къ совершенной реформѣ русскаго слова. Преобразованіе это совершилось почти не замѣтно, безъ насилія — не замѣтно, ни для самаго преобразователя ни для его читателей. — Такая перемѣна тѣмъ существеннѣе, что проникла прямо въ душу русскаго общества, слилась съ нею, и останется въ русскомъ человѣкѣ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ говорить тою звучною и благородною рѣчью, которою первый заговорилъ въ нашемъ отечествѣ Карамзинъ — двадцати-шести-лѣтній юноша!

═

ГЛАВА VI.

—

Хотя Карамзинъ и обѣщалъ выдать первую книжку «Аглаи» въ началѣ слѣдующаго (1793) года, но какъ почти вся она состоитъ изъ статей самого издателя, то и вышла въ свѣтъ не прежде 1794 года. Можно предполагать, что въ теченіе всего 1793 года Карамзинъ приготовлялъ матеріалы для «Аглаи».

Онъ объявилъ, что «Аглая» будетъ продолженіемъ Московскаго Журнала; но, по нашему мнѣнію, она ничто иное, какъ альманахъ или литературный сборникъ, составленный безъ всякаго плана.

Въ «Аглаѣ» напечатаны стихотворенія и литературныя статьи, между прочимъ, продолженіе «Писемъ Русскаго Путешественника», помѣщенное въ обѣихъ книжкахъ. Въ первой книжкѣ «Аглаи» двѣ статьи—«Островъ Борнгольмъ», отрывокъ изъ путевыхъ записокъ, веденныхъ Карамзинымъ во время плаванія изъ Лондона въ Кронштадтъ, и «Пріѣздъ его въ Лондонъ». Во второй — отрывокъ изъ «Писемъ Русскаго Путешественника» о первомъ времени его пребыванія въ Парижѣ. Всѣ стихотворенія, обѣихъ частей Аглаи (кромѣ двухъ, трехъ) принадлежатъ исключительно Карамзину. Впрочемъ это — опыты не представляющіе ни-

чего особенно замѣчательнаго. Лучшимъ изъ его стихотвореній мы считаемъ «Посланіе къ Дмитріеву». Вотъ оно:

ПОСЛАНІЕ КЪ Д***

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО СТИХИ, ВЪ КОТОРЫХЪ ОНЪ ЖАЛУЕТСЯ НА СКОРОТЕЧНОСТЬ СЧАСТЛИВОЙ МОЛОДОСТИ.

Конечно такъ—ты правъ, мой другъ!
Цвѣтъ счастья скоро увядаетъ,
И юность наша есть тотъ лугъ,
Гдѣ сей красавецъ разцвѣтаетъ.
Тогда въ эѳирѣ мы живемъ,
И нектаръ сладостный піемъ
Изъ полной олимпійской чаши.
Но жизни алая весна
Есть мигъ—увы! пройдетъ она,
И съ нею мысли, чувства наши
Лишатся свѣжести своей.
Что прежде душу веселило,
Къ себѣ съ улыбкою манило,
Не мило, скучно будетъ ей.
Надежды и мечты златыя
Какъ птички быстро улетятъ,
И тѣни хладныя, густыя
Надъ нами солнце затемнятъ.
Тогда подобно Иксіону,
Не милую свою Юнону,
Но дымъ увидимъ предъ собой!
И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братій и друзей;
Желалъ добра имъ всей душею;
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвовать для счастья ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился
Не безполезно жить для нихъ—
Мой духъ сей мыслію гордился!
Источникъ радостей и благъ
Отрыть въ чувствительныхъ душахъ;

Плѣнить ихъ истиной святою,
Ея нетлѣнной красотою;
Орудіемъ небеснымъ быть,
И въ памяти потомства жить,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребій свой благословлялъ,
Любуясь прелестью награды—
И тихій свѣтъ моей лампады
Съ звѣздою утра угасалъ.
Златое, дневное свѣтило
Примѣромъ, образцомъ мнѣ было....
Почто, почто, мой другъ не вѣкъ
Обманомъ счастливъ человѣкъ!
Но время, опытъ, разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
Красы волшебства исчезаютъ....
Теперь иной я вижу свѣтъ,—
И вижу ясно, что съ Платономъ
Республикъ намъ не учредить,—
Съ Питтакомъ, Ѳалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ—люди вѣчно.
Когда несчастныхъ Данаидъ
Сосудъ наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Нашъ шаръ пріиметъ лучшій видъ;
Сатурнъ на землю возвратится,
И тигра съ агнцемъ помиритъ;
Богатый съ бѣднымъ подружится,
И нѣгу презритъ сибаритъ.
До толѣ истина опасна,
Однимъ скучна, другимъ ужасна;
Никто не хочетъ ей внимать —
И часто ядъ тому награда,
Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья—
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ!
Но что же намъ, о другъ любезный!

Осталось дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнить людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творятъ что имъ угодно!
А мы любя дышать свободно
Себѣ построимъ тихій кровъ,
За мрачной сѣнію лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Во вѣкъ дороги не нашли,
И гдѣ бъ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушаться *издали* порокомъ,
И яснымъ терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ,
Отъ грома бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,
Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.
Хотя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весеннихъ
У насъ на лицахъ, на устахъ,
И юный огнь погасъ въ глазахъ;
Хотя красавицы престали
Меня любезнымъ называть—
(Зефиры съ нами отыграли!)
Но мы не должны унывать,
Живя по общему закону.
Отелло въ старости своей
Плѣнилъ младую Дездемону,
И вкрался тихо въ сердце къ ней
Пріятнымъ аонидскимъ даромъ *.
Онъ съ нѣжнымъ трогательнымъ жаромъ
Въ картинахъ ей изображалъ,
Какъ случай въ жизни имъ игралъ;
Какъ онъ за дальными морями,
Не обозримыми степями,
Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
Среди лѣсовъ, густыхъ, дремучихъ,
Песковъ горячихъ и сыпучихъ,

* Т. е. краснорѣчіемъ.

Гдѣ люди не бывали ввѣкъ,
Безстрашно въ юности скитался,
Со львами, тиграми сражался,
Терпѣлъ палящій зной и хладъ,
Терпѣлъ усталость, жажду, гладъ.
Она внимала, удивлялась;
Брала участіе во всемъ;
Въ опасность вмѣстѣ съ нимъ вдавалась,
И въ нѣжномъ пламени своемъ,
Съ блестящею въ очахъ слезою,
Сказала: *я люблю тебя!*
И мы, любезный другъ, съ тобою
Найдемъ подругу для себя,
Подругу съ милою душею.
Она пріятностью своею
Украситъ западъ нашихъ дней
Бесѣда опытныхъ людей,
Ихъ басни, повѣсти и были
(Насъ лѣта сказкамъ научили!)
Ея вниманіе займутъ,
Ея любовь пріобрѣтутъ.
Любовь и дружба—вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать.
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно—менѣе страдать;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, свято чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.
Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной.
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали;
У насъ не черныя сердца!
И такъ безъ трепета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Убійцамъ, кровью обагреннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,

Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу,
И ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ—тамъ—за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зритъ.... Но мы еще не зримъ.

Стихотвореніе это, какъ поэтическое произведеніе, представляетъ много характеристическаго; оно потому особенно для насъ важно, что заключаетъ въ себѣ всю философію Карамзина, и есть не подложное доказательство его разочарованія, и обманутыхъ надеждъ. Однимъ словомъ, оно показываетъ, что Карамзинъ наконецъ прозрѣлъ, и постигъ истинное значеніе свѣта. Мысли, заключающіяся въ этомъ посланіи, довольно замѣчательны какъ психологическій фактъ. Подобной поэзіи сердечной, философической, внутренней, до Карамзина у насъ не было.

Вообще на обѣ книжки «Аглаи» надобно смотрѣть, какъ на матеріалъ для опредѣленія постепеннаго развитія литературнаго таланта Карамзина.

Въ первой книгѣ, въ статьѣ «Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона», онъ оплакиваетъ смерть своего нѣжнаго друга Петрова, съ которымъ онъ посѣщалъ московскій университетъ, вмѣстѣ росъ, думалъ, мечталъ, радовался и грустилъ. Карамзинъ имѣлъ истинныхъ друзей, потому-что умѣлъ ихъ цѣнить. Судя по панегирику, Петровъ былъ юноша съ твердымъ характеромъ, здравымъ умомъ и вѣрнымъ вкусомъ. Все что писалъ Карамзинъ подвергалось прежде разсмотрѣнію Петрова, а потомъ уже пускалось въ свѣтъ. Самъ Петровъ писалъ очень мало, и то осталось для насъ неизвѣстнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ переводовъ, напечатанныхъ частью въ «Дѣтскомъ Чтеніи», частью въ «Московскомъ Журналѣ». Такимъ образомъ Карамзинъ жилъ съ

Петровымъ до самаго 1793 года, когда долженъ былъ съ нимъ разстаться; вскорѣ послѣ разлуки Петровъ заболѣлъ и умеръ. Потерявъ друга, Карамзинъ долго его оплакивалъ.

«Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей, пишетъ онъ о Петровѣ, мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агатонѣ (такъ онъ называетъ Петрова) мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями человѣчества (!), котораго сердце образовано было нѣжною рукою музъ и грацій..... Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія—человѣка, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія, который могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; и время нашего знакомства, нашего дружества будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ моей жизни».

«Если когда-нибудь осмѣлюсь я слабымъ перомъ своимъ начертать *исторію* моихъ *мыслей*, тогда опишу можетъ быть и нѣкоторыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія; печать молчанія хранитъ ихъ въ груди моей.

«Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ пріобрѣлъ я и нѣкоторое *эстетическое чувство*, нужное для любителей литературы. Вѣрный вкусъ друга моего былъ для меня свѣтильникомъ въ искусствѣ и поэзіи».

Вторая не большая статья подъ заглавіемъ «Что нужно автору» тоже весьма для насъ важна, потому-что изъ нея мы видимъ чего требовалъ Карамзинъ отъ самого себя, какъ писателя. «Говорятъ, пишетъ онъ, что автору нужны талантъ и знанія: острый, проницательный разумъ, живое воображеніе, и проч. Справедливо, но этого не довольно. Ему

надобно имѣть и доброе сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ.—Творецъ всегда изображается въ твореніи и часто противъ воли своей. Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ» *.

Такъ думалъ Карамзинъ во всю свою жизнь и дѣйствовалъ сообразно этой идеѣ.

Но гораздо важнѣе статья Карамзина, подъ заглавіемъ: «*Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи*». Это возраженіе на сочиненіе Руссо: «Discours sur la question, proposée par l'académie de Dijon, si le rétablissement des sciences et des arts a contribué á épurer les moeurs?» Статья эта свидѣтельствуетъ, что Карамзинъ почувствовалъ свои силы и считалъ возможнымъ вооружиться противъ авторитета знаменитаго Руссо. Карамзинъ начинаетъ свое возраженіе такъ: «Былъ человѣкъ, и человѣкъ великій, незабвенный въ лѣтописяхъ философіи, въ исторіи людей—былъ человѣкъ, который со всѣмъ блескомъ краснорѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе вредно, и что науки несовмѣстны съ добродѣтелью». Карамзинъ уважалъ Руссо, но не смотря на то, мечты его признавалъ мечтами, парадоксы—парадоксами.—«Вообще, говоритъ Карамзинъ, разсужденіе его о наукахъ есть такъ сказать логическій хаосъ, въ которомъ видѣнъ только обманчивый порядокъ, или призракъ порядка; въ которомъ сіяетъ только *ложное* солнце.... Оно есть собраніе противорѣчій и софизмовъ, изложенныхъ — въ чемъ надобно отдать справедливость автору — съ довольнымъ искусствомъ».

Сказавъ это, Карамзинъ предлагаетъ нѣкоторыя свои замѣчанія и мысли объ этомъ важномъ предметѣ. Мнѣніе его

* Аглая. Кн. 1, стр. 27—31.

весьма оригинально и есть плодъ глубокаго размышленія и изученія сочиненій Руссо.

Карамзинъ начинаетъ свое возраженіе тѣмъ, что Ж. Ж. Руссо писалъ о вредѣ наукъ и искусствъ, не опредѣливъ прежде, что онъ понималъ подъ тѣми и другими. «Правда, пишетъ онъ, если бы Руссо опредѣлилъ ихъ справедливо, то всѣ главныя идеи трактата его поднялись бы на воздухъ и разсѣялись въ дыму, какъ пустые фантомы, а Жанъ-Жаку непремѣнно хотѣлось бранить ученость и просвѣщеніе».

Послѣ этого Карамзинъ старается доказать пользу и необходимость наукъ и просвѣщенія. Онъ начинаетъ съ опредѣленія наукъ и искусствъ; опредѣляя поэзію, онъ между-прочимъ говоритъ: «Я думаю, что первое поэтическое твореніе было ни что иное, какъ изліяніе томногрустнаго сердца, то есть, что первая поэзія была *элегическая*. Человѣкъ веселящійся бываетъ столько занятъ предметомъ своего веселья, своей радости, что не можетъ заняться описаніемъ своихъ чувствъ; онъ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. Напротивъ того горестный другъ, горестный любовникъ, потерявъ милую половину души своей, любитъ думать и говорить о своей печали, изливать, описывать свои чувства; избираетъ всю природу въ повѣренные грусти своей; состояніе души его есть уже, такъ сказать, поэзія; онъ хочетъ облегчить свое сердце, и облегчаетъ его—слезами и пѣснію.—Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена, когда человѣкъ сталъ описывать не только свои, но и другихъ людей чувства; не только настоящее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или вѣроятное.»

Карамзинъ былъ такого мнѣнія, что если бъ какой-нибудь духъ тьмы могъ теперь въ минуту истребить всѣ плоды ума человѣческаго, жатву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: то

наши потомки снова нашли бы потерянное, и опять возродились бы искусства и науки. «Драгоцѣнное собраніе знаній, говоритъ онъ, было жертвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ теперь то, чего не знали ни Греки, ни Римляне».

Защищая всѣми силами пользу наукъ и искусствъ, Карамзинъ однако жъ говоритъ: «Если искусства и науки въ самомъ дѣлѣ зло, то онѣ *необходимое* зло,—зло, истекающее изъ самой натуры нашей; зло, для котораго природа сотворила насъ. Но сія мысль не возмущаетъ ли сердца? Согласна ли она съ благостію природы, съ благостію Творца нашего? Могъ-ли Всевышній произвести человѣка съ любопытною и разумною душою, когда плоды сего любопытства и сего разума долженствовали быть пагубны для его спокойствія и добродѣтели? Руссо! я не вѣрю твоей системѣ».

Потомъ продолжаетъ: «Руссо! Руссо! память твоя теперь любезна человѣкамъ; ты умеръ, но духъ твой живетъ въ Эмилѣ, но сердце твое живетъ въ Элоизѣ, и ты возставалъ противъ наукъ и словесности! и ты проповѣдывалъ счастіе невѣжества, славилъ безсмысліе, блаженство звѣрской жизни!»

Руссо, недостаточно вникнувъ въ причины фактовъ, не понялъ, что вредъ происходитъ не отъ самаго просвѣщенія, но отъ ложнаго направленія, которое дано ему. — Во всякомъ случаѣ, вооруженіе Карамзина противъ такого авторитета, какимъ пользовался Руссо въ концѣ прошедшаго вѣка, показываетъ уже, что Карамзинъ сознавалъ свои силы.

Изъ статей, помѣщенныхъ во второй книгѣ «Аглаи», замѣчательнѣе другихъ «Аѳинская жизнь». Прекращая изданіе Московскаго Журнала, Карамзинъ обѣщалъ заняться изученіемъ древней словесности. Но, увлеченный духомъ эпохи, началъ изученіе классическаго міра — чтеніемъ «Ана-

харсиса», романа, передъ которымъ, какъ передъ свѣтиломъ, преклонялись почитатели классицизма.

Восхищенный художественными картинами греческаго міра, Карамзинъ старался передать, въ небольшомъ очеркѣ, аттическую жизнь со всѣми ея оттѣнками; однакожъ объемъ статьи не позволилъ ему представить нашей публикѣ полный отчетъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него чтеніемъ Анахарсиса. Говоря объ играхъ Грековъ и въ особенности о пляскахъ, Карамзинъ восклицаетъ: «О чудо! Я вижу суроваго Діогена, вертящагося съ рѣзвою Дафною, и важнаго Ликоса, энтузіаста строгихъ Ликурговыхъ законовъ, вижу у ногъ смѣющейся Өеаны»! Наши дѣды и отцы могли восхищаться такими картинами и вѣрить словамъ автора, но мы, сыны девятнадцатаго столѣтія никакъ не можемъ себѣ представить Діогена, вальсирующаго съ Дафною, и не видимъ здѣсь ничего классическаго.

Нельзя также умолчать о богатырской сказкѣ «Илья Муромецъ», написанной на ладъ нашихъ древнихъ народныхъ стихотвореній. Стихотвореніе это — очень удачная попытка Карамзина *. Вотъ все помѣщенное въ двухъ книжкахъ «Аглаи», напечатанныхъ въ 1793 и 1794 годахъ; и все это принадлежитъ Карамзину за исключеніемъ стихотворенія Дмитріева, и двухъ стихотвореній М. Хераскова.

Въ это же время Карамзинъ издалъ «Мои бездѣлки», «Мармонтелевы повѣсти», помѣщенныя въ Московскомъ Журналѣ, прибавивъ къ нимъ нѣсколько новыхъ, и написалъ (1794) повѣсть «Юлію», которой сюжетъ заимствованъ изъ

* «Илья Муромецъ» имѣлъ своихъ подражателей. Одинъ современный провинціальный (казанскій) литераторъ *Каменевъ* написалъ размѣромъ «Ильи Муромца» повѣсть *«Графъ Глейхенъ»*, которой содержаніе взято, кажется, изъ Коцебу; мы находимъ, что эта повѣсть не уступитъ «Ильи Муромцу», судя по началу, напечатанному въ сборникѣ «Вчера и сего-дня» (стр. 38).

современнаго общества *. Содержаніе этой повѣсти слѣдующее: Юлія, какъ водится въ идеальныхъ повѣстяхъ, — чудо красоты. За величественною звѣздой слѣдуетъ безконечная вереница нѣкоторыхъ спутниковъ: но увы! гордая планета проходитъ надъ ними холодно, окруженная своимъ обожаемымъ сіяніемъ.... Между тѣмъ, облака, или если угодно, годы, начинаютъ набрасывать полупрозрачное покрывало на недоступное свѣтило.... Юлія очень благоразумно разочла, что стрѣлы ея красоты могутъ заржавѣть въ колчанѣ гордаго равнодушія, и бросила благосклонные взоры на скромнаго Ариса.... Но въ то время, какъ робкій новичекъ въ дѣлахъ любви ищетъ словъ, чтобы отвѣтить на вниманіе красавицы, въ салонѣ является смѣлый, опытный, неотразимый соперникъ, окруженный блескомъ своего дѣдовскаго герба, является князь N.... Юлія забываетъ робкаго Ариса и — простите женскому непостоянству — влюбляется въ князя. Его сіятельство отвѣчаетъ за любовь любовью, — не любовью Ариса, но мимолетною любовью Донъ-Жуана. Князь дѣлаетъ приступъ къ добродѣтели Юліи; красавица ускользаетъ отъ сѣтей, раскинутыхъ ловкою рукою доморощеннаго Эпикурейца, и князь со стыдомъ отступаетъ.... Юлія въ отчаяніи, — и чтобы разсѣяться, обращается снова къ своему робкому почитателю Арису.

Такъ было искони, съ тѣхъ поръ какъ непостоянное человѣчество любило, страдало отъ невѣрности, плакало надъ прахомъ разбитыхъ надеждъ, и снова, послѣ клятвы и отреченій, старалось куда нибудь пріютить сердце....

* Повѣсть «Юлія» вошла въ полное собраніе сочиненій Карамзина, слѣдовательно мы имѣемъ право думать, что она оригинальное его произведеніе. Странно однакожъ, что въ катологѣ Смирдина мы встрѣчаемъ: «Юлія», перев. съ Фран. Николай Карамзинъ. М., въ Универ. Тип., 1796 г. т. — 16.

Арисъ ищетъ руки Юліи и получаетъ ее только съ условіемъ, тотчасъ удалиться отъ шумнаго свѣта. Вскорѣ послѣ сватьбы Арисъ увозитъ Юлію въ деревню. Первыя шесть недѣль супружеской жизни проходятъ, какъ извѣстно, въ неизъяснимомъ счастіи, но, подъ осень, Арисъ замѣчаетъ, что Юлія начинаетъ скучать. Онъ ей предлагаетъ ѣхать въ городъ: Юлія не прочь. Въ городѣ жизнь ихъ была самая разсѣянная: каждую недѣлю у нихъ бывали вечера, на которыхъ не замедлилъ явиться и князь N. Сначала Юлія была къ нему равнодушна; потомъ, вспомнивъ о прежней любви, рѣшилась ее возобновить. Однажды Арисъ, возвратившись вечеромъ домой, отправился въ садъ, въ свою любимую аллею и засталъ тамъ князя съ Юліей. Увидѣвъ ихъ, онъ бѣжитъ, оставляетъ домъ, отдавъ женѣ все свое имѣніе и пропадаетъ безъ вѣсти. Юлія тронутая такимъ поступкомъ мужа, бросаетъ свѣтъ и тоже удаляется въ деревню; тамъ она родитъ сына и живетъ какъ самая добродѣтельная жена. Арисъ узнаетъ о томъ отъ своего друга, слѣдившаго за всѣми поступками Юліи, возвращается въ деревню и прощаетъ жену, которая не успѣла еще сдѣлаться невѣрною. Послѣ этого супруги рѣшаются жить въ дали отъ свѣта. Авторъ хотѣлъ этою повѣстью доказать, что женское сердце, какъ бы вѣтрено ни было, все же можетъ быть наведено на путь добродѣтели.

Повѣсть «Юлія» написана гораздо лучшимъ языкомъ нежели прежнія повѣсти Карамзина. Странно только, что онъ прежде такъ усердно возставалъ противъ употребленія вымышленныхъ именъ, а теперь самъ назвалъ своихъ героевъ *Арисами*, *Легкоумами*, *Храбронами и Пустословами*. Какъ трудно даже необыкновенному уму, совершенно отрѣшиться отъ причудливыхъ понятій своего вѣка!

Послѣ изданія *Аглаи*, Карамзинъ хотѣлъ испытать свои

силы въ разныхъ родахъ поэзіи. Мы видѣли первые его поэтическіе опыты еще въ «Дѣтскомъ Чтеніи», потомъ въ Московскомъ Журналѣ и наконецъ въ Аглаи; однакожъ всѣ они показываютъ, что Карамзинъ не былъ рожденъ поэтомъ. Его же «Аониды» т. е. собраніе разныхъ стихотвореній, которыя онъ издавалъ съ 1796—1800 годъ (при содѣйствіи Державина и Дмитріева, производившаго въ то же время одинакую почти перемѣну въ нашей поэзіи, и стремившагося къ простотѣ и естественности, составляющимъ главную заслугу Карамзина) рѣшительно подтверждаютъ это мнѣніе.

Всѣ стихотворенія Карамзина — большею частію разсужденія о разныхъ предметахъ, облеченныя въ мѣрные и рифмованные стихи. Удивительно то, что человѣкъ, который не притворно восхищался Гомеромъ, Шекспиромъ, Гете и Шиллеромъ, могъ въ тоже время говорить, что поэзія, есть «*цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ*» или

Кто можетъ вымышлять пріятно,
Стихами, прозой — въ добрый часъ,
Лишь только бъ было вѣроятно.

Несмотря на то, стихотворенія Карамзина могли имѣть значеніе въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда у насъ было такъ мало дарованій. Еще и теперь въ альбомѣ любой провинціяльной барышни вы найдете:

Законы осуждаютъ предметъ моей любви

или

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтви ихъ сплетясь растутъ, и т. д.

И теперь еще провинціяльный Адонисъ споетъ вамъ:

Доволенъ я судьбою
И милою богатъ и т. д.

Къ лучшимъ стихотвореніямъ Карамзина, напечатаннымъ въ «Аонидахъ» принадлежатъ:

«*Опытная Соломонова мудрость или мысли, выбранныя изъ Эклезіаста;* переводъ изъ Иліады «*Гекторъ* и *Андромаха*» и «*Къ невѣрной*». Первое замѣчательно болѣе потому, что изъ него видно разочарованіе Карамзина и вліяніе на него опыта. Переводъ изъ Иліады, хотя плавенъ и легокъ, но не очень силенъ. Стихотвореніе: «Къ невѣрной», замѣчательно болѣе, какъ живая страница изъ жизни самого автора. Вотъ краткая исторія сердца поэта, разсказанная имъ самимъ:

«Ахъ! было время мнѣ мечтать и забываться:
Я прожилъ тридцать лѣтъ; съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ зефирами леталъ. Киприда свой вѣнокъ
Мнѣ часто подавала;
Какъ рѣзвый вѣтерокъ рука моя играла
Со флеромъ на груди прелестнѣйшихъ Цирцей;
Армиды Тассовы, Лаисы нашихъ дней
Улыбкою любви меня къ себѣ манили,
И сердце юноши быть вѣтреннымъ учили;
И я влюблялся не любя......

Читая стихотворенія Карамзина, вы совершенно покойны, и не ощущаете никакого восторга точно также, какъ его не ощущалъ и самъ авторъ, когда писалъ ихъ. Карамзину чуждо было то именно, что мы называемъ вдохновеніемъ, оттого и самый языкъ его не имѣетъ энергіи. При чтеніи вы чувствуете недостатокъ гармоніи и глубокаго чувства. Лиризмъ его самый блѣдный: коснется ли онъ природы, все дѣло оканчивается цвѣтистыми лугами, соловьемъ и малиновкой. Карамзинъ понималъ высокія красоты классическихъ и романическихъ поэтовъ, владѣлъ превосходно языкомъ, и не смотря на то, не могъ написать ни одного истинно поэтическаго стихотворенія. Не даромъ древніе говорили «poetae nascuntur».

Замѣчательно, какъ Карамзинъ рѣшился жертвовать сво-

имъ драгоцѣннымъ временемъ занятіямъ *по части поэзіи*?.... Это можно оправдать только духомъ эпохи, которая считала геніемъ однихъ стихотворцевъ. Испытавъ съ успѣхомъ свои силы въ прозѣ, Карамзинъ обратился къ поэзіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ, какъ человѣкъ умный и самъ понималъ свою слабую сторону, но думалъ, что упражняясь, онъ со временемъ достигнетъ своей цѣли, и продолжалъ писать стихи.

Съ прекращеніемъ *Аонидъ*, Карамзинъ не оставилъ еще поэзіи совершенно. Въ 1801 году онъ написалъ *Оду на восшествіе на престолъ Александра I*, потомъ — *Оду на его короновапіе;* въ послѣдней поэтъ говоритъ:

Монархъ! въ послѣдній разъ предъ трономъ
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ:
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалилъ, гласъ общій повторяя.
Другіе славные пѣвцы
Отъ музъ пріимутъ въ даръ вѣнцы,
Тебя безъ лести прославляя:
Я въ храмъ исторіи иду,
И тамъ дѣла твои найду.

Но въ 1802 и 1803 году, онъ написалъ еще нѣсколько весьма посредственныхъ стихотвореній; потомъ, въ 1806 году явилась въ свѣтъ его *Пѣснь воиновъ* и наконецъ, когда (въ 1814 году) Императоръ Александръ возвратился побѣдителемъ, Карамзинъ привѣтствовалъ его одою «*Освобожденіе Европы и слава Александра I.*», посвятивъ ее жителямъ Москвы. Въ свое время, ода эта произвела эффектъ, благодаря ея заглавію. Вотъ начало этого стихотворенія:

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская держава:
Сраженъ, сраженъ, Наполеонъ!

Народы и цари! ликуйте:
Воскресъ порядокъ и законъ.
Свободу міра торжествуйте!
Есть правда, Богъ: тирана нѣтъ!
Проходитъ тьма, но вѣченъ свѣтъ.
и т. д.

Въ заключеніе, приведемъ слова современниковъ о поэтическихъ произведеніяхъ Карамзина. Иванчинъ-Писаревъ въ своемъ «Похвальномъ словѣ Карамзину» говоритъ: «Многія его стихотворенія дышатъ глубокимъ чувствомъ; всѣ могутъ служить образцами вкуса: и если бы не писалъ въ одно время съ нимъ почтенный другъ его, пѣвецъ *Вѣтхаго деньми, Волги и Ермака*, пѣвецъ покорившій нашъ языкъ и нѣжнымъ отзывамъ Тибулла и свободному разсказу Лафонтена, то и сіи плоды вдохновенія могли бы назваться единственными». Гораздо безпристрастнѣе Н. Гречъ, онъ говоритъ: «Стихотворенія Карамзина суть выраженіе *мыслей* умнаго человѣка, облеченное въ форму поэзіи» (то есть въ стихи).

Прекративъ изданіе «Аглаи», Карамзинъ не занимался поэзіею исключительно, — нѣтъ; ей приносилъ онъ въ жертву только минуты своего вдохновенія, все же остальное время употреблялъ на переводы статей различнаго содержанія изъ сочиненій образцовыхъ писателей древнихъ и новыхъ, такъ-что въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1795 — 1797 годъ), успѣлъ приготовить цѣлыхъ три тома, и издалъ въ 1798 году подъ заглавіемъ: *Пантеонъ иностранной словесности.* Этотъ трудъ Карамзина имѣетъ неоспоримое значеніе въ исторіи нашей литературы. Пантеонъ есть собраніе самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Здѣсь найдете выписки изъ древнихъ классиковъ и лучшихъ тогдашнихъ иностранныхъ писателей; встрѣчаются извѣстія о литературныхъ зна-

менитостяхъ того времени, историческіе и географическіе отрывки, и т. д.; словомъ, это легкіе оттиски тогдашней иностранной литературы. Надобно замѣтить, что, въ то время, эти труды Карамзина довольно значительно содѣйствовали развитію образованности средняго класса, внося въ него современныя понятія. Подтвержденіемъ нашихъ словъ служитъ между-прочимъ и то, что «Пантеонъ иностранной словесности» былъ перепечатываемъ нѣсколько разъ. *

Но еще до появленія «Пантеона», Карамзинъ издалъ (въ 1797 г.) свой опытъ въ философическихъ разговорахъ (которые были тогда въ большой модѣ) — «Разговоръ о счастіи». Здѣсь онъ старается доказать, по методѣ Сократа, возможность счастья, но, разумѣется, условнаго. Дѣйствующія лица въ «Разговорѣ» Филалетъ и Мелодоръ. Мелодоръ сомнѣвается въ существованіи счастія и постоянно возражаетъ. Филалетъ философствуетъ, доказываетъ, что счастіе и возможно и нѣтъ, смотря по тому, какъ его понимаютъ, и наконецъ послѣ долгихъ умствованій и споровъ говоритъ: «Вотъ мое заключеніе: возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку, въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на природу, въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе также невозможно, какъ безпрестанное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувствованія новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ, есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то *быть* счастливымъ есть.... *быть добрымъ*».

Въ этихъ немногихъ словахъ выразился XVIII вѣкъ

* Первое изданіе было 1798 г., въ 3-хъ частяхъ; второе въ 8118 году.

и самъ Карамзинъ, въ лицѣ *Филалета*. Въ наше время, уже болѣе не думаютъ рѣшать вопросъ: возможно ли счастье въ сей юдоли плача, и въ чемъ именно оно состоитъ? Теперь счастье поступило на разсмотрѣніе философовъ, какъ главная цѣль ихъ ученій.

Изъ сказаннаго доселѣ видно, что въ царствованіе Императора Павла, Карамзинъ предался исключительно переводамъ, между-тѣмъ мужалъ, созрѣвалъ, думалъ, болѣе занимаясь, вѣроятно, чтеніемъ, и какъ только вступилъ на престолъ Императоръ Александръ, Карамзинъ тотчасъ возвратился къ своей прежней дѣятельности съ новыми силами, съ новымъ усердіемъ къ общему дѣлу.

Къ этому времени относится слѣдующее происшествіе: «одинъ недоброжелатель Карамзина, принадлежавшій къ партіи, старавшейся всячески вредить ему, сдѣлалъ на него доносъ, представляя его *человѣкомъ вреднымъ для правительства, безбожникомъ*. — «Знаешь-ли ты Карамзина?» — спросилъ Императоръ Павелъ дежурнаго своего генералъ-адъютанта Ростопчина, давъ ему прочесть полученную бумагу. — «Знаю» — отвѣчалъ послѣдній — «съ отличной стороны по сочиненіямъ его, и не узнаю въ семъ сочиненіи». — «Я ожидалъ этого» — продолжалъ Государь — «ибо мнѣ извѣстенъ доноситель; вотъ и рѣшеніе мое». Произнесши эти слова, великоушный Монархъ бросилъ доносъ въ каминъ» *.

Сохранились еще письма Карамзина къ брату, Василію Михайловичу, изъ которыхъ видимъ какъ онъ проводилъ время въ царствованіе Павла Петровича.

Въ началѣ 1796 г. онъ пишетъ къ брату изъ Москвы: «О себѣ скажу вамъ, что я живу по прежнему, ѣзжу изъ дома въ домъ, играю въ бостонъ и пр. Ни въ какую зиму не бы-

* Этотъ анекдотъ переданъ И. И. Дмитріеву самимъ гр. Ростопчинымъ.

вало въ Москвѣ такого множества баловъ, какъ нынѣ; всѣ жалуются на недостатокъ въ деньгахъ, но между тѣмъ вездѣ видна роскошь» (9 янв. 1796 г.).

По возшествіи на престолъ Императора Павла, Карамзинъ пишетъ: «поздравляю васъ съ Императоромъ Павломъ I. Императрица Екатерина скончалась шестаго числа. Теперь будутъ многія перемѣны въ чиновникахъ. Императоръ взялъ къ себѣ въ адъютанты Ростопчина и Шувалова; мѣсто оберъ-гофмаршала Барятинскаго заступилъ графъ Н. П. Шереметевъ. Кн. А. Б. Куракинъ будетъ важнымъ человѣкомъ.—Императоръ любитъ очень фельдмаршала Румянцова и князя Рѣпнина. Говорятъ, что Зубовъ боленъ и что его бумаги запечатаны. Нынѣшній день мы всѣ присягали.—Народъ кричитъ отъ добраго сердца: да здравствуетъ Императоръ! Дай Богъ ему счастія и славы!» (12 ноября 1796 г.).

Послѣ этого Карамзинъ цѣлый почти мѣсяцъ не писалъ ничего. Василій Михайловичъ первый прервалъ молчаніе и упрекалъ брата, зачѣмъ онъ не извѣщаетъ его, что слышно въ Москвѣ. Николай Михайловичъ отвѣчаетъ: «Вы мнѣ пеняете, что не пишу къ вамъ объ новостяхъ; но, читая русскія газеты, знаете все. Новости наши состоятъ въ пожалованныхъ, о которыхъ всегда пишутъ въ вѣдомостяхъ; о другихъ же, невѣрныхъ, писать по слуху не ловко; давно говорятъ въ Петербургѣ о Москвѣ, что она лжива. Вѣрно то, что Государь хочетъ царствовать съ правдою и милосердіемъ, и обѣщаетъ подданнымъ своимъ благополучіе; намѣренъ удаляться отъ войны и соблюдать неутралитетъ въ разсужденіи воюющихъ державъ. Трубецкіе, И. В. Лопухинъ, Новиковъ, награждены за претерпѣніе; первые пожалованы сенаторами, Лопухинъ сдѣланъ секретаремъ при Императорѣ, а Новиковъ, какъ слышно, будетъ университетскимъ

директоромъ. Вѣроятно И. П. Тургеневъ будетъ также предметомъ Государевой милости, когда пріѣдетъ въ Петербургъ» (17 дек.).

Въ началѣ 1797 Карамзинъ писалъ: «Читая ваше письмо, я мысленно представилъ себѣ заволжскіе вьюги и мятели. Хотя темно, однакожъ помню тамошнія мѣста; помню, какъ мы съ вами возвращались оттуда въ началѣ зимы. Старыя воспоминанія бываютъ пріятнѣе! Новостей у насъ не много. Съ мѣсяцъ говорили все о банкѣ» (28 янв.).

Въ мартѣ слѣдующаго года, по пріѣздѣ Императора въ Москву, Карамзинъ пишетъ: «Императоръ уже три дни въ Москвѣ, и живетъ за городомъ въ Петровскомъ дворцѣ; всякій день раза по три бываетъ въ городѣ, но не прежде какъ черезъ три недѣли торжественно въѣдетъ въ Москву. Экзерциціею здѣшнихъ полковъ былъ онъ не очень доволенъ и сдѣлалъ, какъ сказываютъ, сильный выговоръ князю Долгорукову, московскому военному начальнику. Народъ не можетъ нарадоваться Государемъ» (17 марта 1797 года).

По выходѣ въ свѣтъ второй книжки Аонидъ, Карамзинъ послалъ ее къ брату и писалъ: «Желаю чтобы въ ней многое вамъ полюбилось. Мнѣ очень пріятно будетъ знать, какія піесы найдете вы лучше другихъ» (29 іюля).

Изъ 1797 года сохранилось только одно письмо, въ которомъ онъ пишетъ: «я очень радъ, что почта учреждена теперь прямо въ Симбирскъ, и что мы скорѣе можемъ получать другъ отъ друга письма» (7 апр.).

Въ маѣ 1800 г. Н. М. писалъ: «съ того времени кахъ стало у насъ ясно и тепло, живу я въ шести верстахъ отъ города, на высокомъ берегу Москвы рѣки и вижу такія прекрасныя мѣста, какихъ не много въ Россіи» (22 мая, Кунцово).

ГЛАВА VII.

Занимаясь литературою цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, Карамзинъ все болѣе и болѣе вырабатывалъ свой языкъ и дошелъ до весьма важныхъ соображеній. Переступивъ за предѣлы тридцатилѣтняго возраста, онъ началъ думать о произведеніи чего-нибудь замѣчательнаго и оригинальнаго. Онъ почувствовалъ потребность обратиться исключительно къ какому-нибудь роду литературы, чтобы вполнѣ выказать въ немъ свои силы. До сихъ поръ Карамзинъ занимался всѣми родами словесности, желая испытать гибкость своего таланта: писалъ повѣсти, оды, пѣсни, мадригалы и т. д.; но вступивъ въ сферу совершеннаго духовнаго развитія, и, нѣсколько остынувъ, понялъ, что и талантъ не можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ пробовать себя во всемъ, а избираетъ одну какую-нибудь дорогу. Желая дать оригинальность отечественнымъ литературнымъ произведеніямъ, Карамзинъ подражалъ Французамъ на русскій ладъ. Читая французскія повѣсти, онъ мечталъ о русской современной повѣсти, обращался къ обществу и не нашедъ въ немъ данныхъ, по самому характеру нашей замкнутой семейной жизни, отказался разработывать этотъ рудникъ. Потомъ Карамзинъ обратился и къ народнымъ преданіямъ и къ русской исторической повѣсти. Испытавъ свои силы въ русской народной повѣсти, онъ не обра-

щался болѣе къ этому роду литературы, и отказался отъ чести — быть русскимъ Мармонтелемъ. Карамзина обольщала также поэзія; онъ хотѣлъ и въ ней попробовать свой талантъ и не переставалъ писать стиховъ до самого зрѣлаго возраста. Помышляя о самобытности въ литературѣ, Карамзинъ дѣлался опытнѣе, и образоралъ свой вкусъ многочисленными переводами изъ иностранныхъ писателей. Карамзинъ самъ чувствовалъ красоту своего слова, хорошо понималъ свои нравственныя силы: онъ замѣтилъ, что остался еще одинъ родъ литературы, котораго онъ не коснулся — именно *исторія*. Вникнувъ въ требованія своихъ соотечественниковъ, онъ увидѣлъ, что обработка этой науки необходима и Карамзинъ обратился къ ней.

Съ этихъ поръ мы будемъ изучать *генетически* развитіе познаній Карамзина въ русской исторіи.

Приступая къ этому, совершенно новому для него предмету, Карамзинъ понималъ, что ему предстоитъ учиться многому. Онъ началъ свое ученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, по временамъ, писалъ историческіе *опыты*.

Чрезвычайно замѣчательно то, что Карамзинъ весьма смѣло приступилъ къ обработкѣ отечественной исторіи, начавъ прямо съ современной исторіи, съ великаго царствованія Екатерины. И такъ, первымъ его трудомъ на этомъ новомъ поприщѣ была исторія царствованія этой Государыни, облеченная въ форму похвальнаго слова: лучшей формы авторъ не могъ и выбрать для современной исторіи. Это сочиненіе весьма замѣчательно. Карамзинъ уже вполнѣ созрѣлъ, когда взялся за историческое перо; здѣсь онъ является, какъ человѣкъ опытный, одушевленный своимъ предметомъ и постигающій его важность. Насъ спросятъ: отчего жъ Карамзинъ предпочелъ облечь исторію царствованія Екатерины въ форму *похвальнаго слова?* — Этому были

многія причины. Карамзинъ, какъ писатель съ талантомъ, не могъ оставаться равнодушенъ къ произведеніямъ нѣкоторыхъ современныхъ западныхъ ораторовъ, хотя въ душѣ не совсѣмъ одобрялъ ихъ начала, и удивлялся краснорѣчію, которое изливалось изъ устъ оратора, предъ собраніемъ народа и его представителей. Карамзину также хотѣлось говорить рѣчи, и къ счастью его у насъ тоже нашелся предметъ, который могъ послужить ему содержаніемъ, возвысить душу, и найти сочувствіе въ слушателяхъ. Предметъ этотъ—царствованіе Екатерины Великой. Тѣ самыя слова, за которыя Французы столько пролили крови, чтобы произносить ихъ свободно въ собраніи народа, за которыя они пожертвовали всѣмъ священнымъ и не щадили своей жизни, — тѣ самыя слова отцы наши слышали изъ устъ Карамзина. Въ «Похвальномъ словѣ» онъ истолковалъ Русскимъ истинное ихъ призваніе и цѣлыми страницами доказалъ своимъ соотечественникамъ, что все, стоившее другимъ народамъ величайшихъ жертвъ, пріобрѣтенное только въ слѣдствіе сильныхъ преобразованій и переворотовъ, у насъ мирно истекаетъ отъ Верховной Власти. Онъ доказалъ, что равенство и свобода Французовъ, купленныя потоками крови, дарованы Русскимъ ихъ мудрою Императрицей, которая сама говорила своему народу, что она старается единственно о томъ, чтобъ дѣйствія его были свободны, сколько это дозволяютъ условія существованія общества, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, она, какъ мать, изъясняетъ своимъ дѣтямъ, въ чемъ именно состоитъ разумная свобода. *

* «Монархиня, пишетъ Карамзинъ, сказавъ, что самодержавіе не есть врагъ свободы въ гражданскомъ обществѣ, опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Она есть не что иное, какъ спокойствіе духа, происходящее отъ безопасности, и право дѣлать все дозволяемое законами (Наказъ, статья 38—39), а законы не должны запрещать ничего, кромѣ вреднаго для обще-

Вторая причина, побудившая Карамзина облечь исторію царствованія Екатерины въ форму похвальнаго слова была слѣдующая. При восшествіи на престолъ Императора Александра, всеобщее желаніе Русскаго народа было — чтобы юный Монархъ царствовалъ въ духѣ своей *Бабки*. Карамзинъ былъ представитель современности, а слѣдовательно произведеніе его служило вѣрнымъ отголоскомъ современныхъ желаній и надеждъ. Онъ рѣшился высказать передъ трономъ это всеобщее желаніе, представляя систему великаго царствованія Екатерины, выказывая благодѣтельное его вліяніе на государство. Отдавая Монархинѣ безусловную похвалу, онъ возбуждалъ въ юномъ Монархѣ желаніе быть столько же любимымъ своими подданными, какъ была любима Екатерина II. Своимъ похвальнымъ словомъ Карамзинъ хотѣлъ сказать: «Государь! царствуй такъ, какъ царствовала Великая Екатерина, и сердца и уста Русскаго народа не престанутъ тебя благословлять». Но Александръ еще прежде постигъ желаніе своего народа. Вступая на престолъ онъ далъ Россіи обѣтъ — царствовать въ духѣ Екатерины, и сдержалъ свое царское слово: доказательствомъ тому—все двадцатипятилѣтнее его царствованіе.

Въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ» Карамзинъ показалъ, что изъ него могъ выйти превосходный популярный историкъ, который всего болѣе дѣйствуетъ во имя просвѣщенія

ства; они должны быть столь изящны, столь ясны, чтобы всякой могъ чувствовать ихъ необходимость для всѣхъ гражданъ: и въ семъ то единственно состоитъ возможное равенство гражданское (34 !). Законодатель сообразуется съ духомъ народа; мы всего лучше дѣлаемъ то, что дѣлаемъ свободно и слѣдуя природной нашей склонности. Когда умы для лучшихъ законовъ не готовы, то приготовьте ихъ; когда же надобно для счастія народа перемѣнить его обычаи, то дѣйствуйте однимъ примѣромъ. Одно необходимое наказаніе не есть тиранство, и законамъ подлежитъ только явное зло» (Наказъ, стат. 57 – 63).

народа и въ пользу его литературы. Самое названіе его труда говоритъ, что это не только историческое произведеніе, но и литературное. Это самый нельстивый панегирикъ Екатеринѣ, почерпнутый изъ глубины признательнаго русскаго сердца. Да и сама критико-философская исторія царствованія этой Императрицы всегда осланется колоссальнымъ похвальнымъ словомъ. Истинно великіе люди никогда не могутъ имѣть другихъ исторій и жизнеописаній кромѣ панегириковъ.

Какъ историкъ, Карамзинъ пользовался при сочиненіи своего «Похвальнаго слова» всѣми оффиціальными актами; онъ только скидывалъ съ нихъ форменное платье и надѣвалъ торжественную одежду. Здѣсь нѣтъ мелочныхъ изслѣдованій причинъ каждаго оффиціальнаго акта; Карамзинъ чувствовалъ необходимость показать причины великихъ дѣлъ Екатерины; однакожъ, онъ не идетъ за ними въ архивъ прошедшаго и не ищетъ приказной бумаги: это совершенно излишнее, когда ему была открыта великая душа этой Государыни; когда онъ искалъ причинъ въ однихъ лишь движеніяхъ и порывахъ ея великодушія, любви къ славѣ, и мысли о счастіи своего народа. Въ свое время, произведеніе Карамзина было необъяснимымъ явленіемъ въ русской литературѣ. Современники не читали еще ничего подобнаго. Ни одинъ изъ русскихъ историческихъ писателей, до Карамзина, не разсказывалъ отечественной исторіи такимъ плавнымъ, яснымъ и благороднымъ языкомъ. Похвальнымъ словомъ Карамзинъ бросилъ тѣнь на славу всѣхъ прежнихъ русскихъ писателей и историковъ, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, даже вниманіе самого Монарха, который не могъ быть равнодушенъ къ такому прекрасному дарованію и къ такому благородному историку своей Бабки. Государь замѣтилъ много красотъ въ этомъ трудѣ Карамзина, и пред-

чувствовалъ, что этотъ писатель будетъ украшеніемъ его царствованія. Если Карамзинъ могъ такъ искусно развить свитокъ современнаго царствованія, думалъ Императоръ,— то нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ состояніи начертать и полную русскую исторію, въ которой тогда нуждались всѣ классы нашего общества; тѣмъ болѣе, что, въ концѣ прошедшаго вѣка, когда въ нашей литературѣ стала развиваться *Карамзинская школа*, уже никто не могъ читать ни Татищева ни Щербатова. Въ послѣдствіи Карамзинъ самымъ блистательнымъ образомъ оправдалъ ожиданія Царя! «Похвальное слово Екатеринѣ» тѣмъ важнѣе для насъ, что оно написано современникомъ. Это самый вѣрный отпечатокъ современнаго восторга, любви и преданности къ Монархинѣ. Карамзинъ, какъ и всѣ Русскіе, видѣли въ царствованіи Екатерины—продолженіе царствованія Петра.

«Екатеррина Вторая въ силѣ творческаго духа, говоритъ Карамзинъ, и въ дѣйствительной мудрости правленія была непосредственною преемницей Великаго Петра; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума, два характера, столь между собою различные оставляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастія народа Россійскаго. Чтобы *утвердить* славу мужественнаго, смѣлаго, ученаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы *предъуготовить* славу, кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ».

Карамзинъ писалъ свое «Слово», вовсе не заботясь о системѣ. Онъ желалъ только сдѣлать его общепонятнымъ и доступнымъ для каждаго Русскаго, и читателю увлеченному разсказомъ, не приходило въ голову искать въ этомъ произведеніи какой-то системы.

Сочиненіе это раздѣляется на три части: въ первой, послѣ

вступленія, авторъ изображаетъ побѣды, одержанныя Русскими въ царствованіе Екатерины; во второй, законы ея и духъ правленія вообще; въ третьей благодѣтельныя ея учрежденія. Заключеніе составляютъ мысли о характерѣ Государыни *.

Въ «Похвальномъ словѣ», встрѣчаемъ мѣста, по которымъ можемъ судить о взглядѣ Карамзина на вещи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, и его понятіе объ идеѣ исторіи и т. д. Вотъ его мнѣніе о явленіи великихъ людей: «Сіи любимцы неба, говоритъ Карамзинъ, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшатъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; не изъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли, творятъ и разрушаютъ царства, образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ-сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть исторія народовъ.». Въ другомъ мѣстѣ: «Но кто думаетъ, что темный, неизъяснимый случай рѣшитъ судьбу государствъ, а не разумная или безразсудная система правленія: тотъ по-крайней-мѣрѣ не долженъ писать исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! феноменъ Монархини, которой всѣ войны были завоеваніями, и всѣ уставы счастіемъ Имперіи, изъясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Изъ этихъ немногихъ словъ видно, что Карамзинъ не былъ фаталистомъ.

Мы могли бы сказать еще многое въ пользу «Похвальнаго слова» Карамзина, но не въ этомъ главная цѣль нашего труда.

Второе историческое сочиненіе Карамзина было — «Пантеонъ Россійскихъ авторовъ». Изданіе это, предпринятое въ

* «Похвальное слово» было въ первый разъ издано въ 1801 году послѣ возшествія на престолъ Императора Александра.

1801 году, Карамзинымъ вмѣстѣ съ Бекетовымъ, остановилось на первой части. Бекетовъ заботился о портретахъ русскихъ писателей, а Карамзинъ составлялъ къ нимъ не большія біографіи, которыя чрезвычайно замѣчательны: онѣ показываютъ, что Карамзинъ изучалъ отечественную литературу, и старался въ краткихъ очеркахъ представлять самыя характеристическія черты описываемаго лица.

Ва первой части «Пантеона», помѣщены біографіи: Баяна, Нестора, Никона, Артамона Сергѣевича Матвѣева, царевны Софіи Алексѣевны, Симеона Петровскаго-Ситіановича-Полоцкаго, Димитрія Туптала, Ѳеоѳана Прокоповича, кн. Андрея Яковлевича Хилкова, кн. Антіоха Димитріевича Кантемира, Василія Никитича Татищева, Семена Климовскаго, Петра Буслаева, Тредіаковскаго, Кулябки, Крашенинникова, Баркова, Гедеона, Димитрія Сѣченова, Ломоносова, Сумарокова, Эмина, Майкова, Поповскаго и Попова.

Для ближайшаго знакомства съ этими неподражаемыми біографіями, приведемъ изъ нихъ отрывки.

Въ началѣ біографіи Кантемира находимъ мысль Карамзина о раздѣленіи русскаго языка на эпохи. «Кантемиръ нашъ Ювеналъ, пишетъ Карамзинъ. Сатиры его были первымъ опытомъ русскаго остроумія и слога. Онъ писалъ довольно чистымъ языкомъ, и могъ по справедливости служить образцомъ для современниковъ, такъ,-что, раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, *первую* должно начать съ Кантемира, *вторую* съ Ломоносова, *третію* съ переводовъ Славяно-русскихъ г-на Елагина и его многочисленныхъ подражаній, а *четвертую* съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога *.

Вотъ біографія незабвеннаго Василія Кириловича (Тредіаковскаго), которая въ нѣсколькихъ словахъ даетъ самое полное объ немъ понятіе.

* Здѣсь Карамзинъ разумѣлъ уже свою школу.

«Еслибъ охота и прилежаніе могли замѣнить дарованіе, кого бъ не превзошелъ Тредіаковскій въ стихотвореніи и краснорѣчіи? — Тредіаковскій учился во Франціи у славнаго Ролленя, зналъ древніе и новые языки, читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ, и написалъ множество томовъ въ доказательство что онъ.... не имѣлъ способности писать. — Однакожъ труды его были не совсѣмъ безполезны. Онъ первый изъяснилъ на русскомъ языкѣ мѣру стиховъ, и перевелъ древнюю исторію, которую по сіе время читаютъ наши провинціальные дворяне. — Имя Тредіаковскаго будетъ извѣстно самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Сохранимъ же образъ его, и почтимъ въ немъ.... трудолюбіе науки и несчастіе природы».

Спрашиваемъ, заслуживаетъ ли Тредіаковскій пространнѣйшей біографіи?

Эминъ, знаменитый своими похожденіями, также прекрасно оцѣненъ Карамзинымъ. «Самый любопытный изъ романовъ г Эмина, есть собственная жизнь его, какъ онъ расказывалъ ее своимъ пріятелямъ, а самый неудачный — Россійская его исторія. Онъ родился въ Польшѣ, былъ воспитанъ езуитомъ, странствовалъ съ нимъ по Европѣ и Азіи, неосторожно заглянулъ въ гаремъ турецкій, для спасенія жизни своей принялъ магометанскую вѣру, служилъ янычаромъ, тихонько уѣхалъ изъ Константинополя въ Лондонъ, явился тамъ къ нашему Министру, снова крестился, пріѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался русскимъ авторомъ. — Вотъ богатая матерія для шести или семи томовъ! Сочинивъ Мирамонда, *Ѳемистокла*, *Эрнеста и Доравку*, *Описаніе Турецкой Имперіи*, *Путь ко спасенію*, онъ издавалъ журналъ подъ именемъ *Адской Почты*, и наконецъ увѣнчалъ свои творенія *Россійскою Исторіею*, въ которой ссылается на *Полибіевы извѣстія о Славянахъ*, *на Ксенофонтову Скиѳскую Исторію* и множество

другихъ книгъ, никому въ мірѣ неизвѣстныхъ. Ученый и славный Шлёцеръ всего болѣе удивляется тому, что Академія напечатала ее въ своей типографіи.—Впрочемъ г. Эминъ неоспоримо имѣлъ остроуміе и плодовитое воображеніе; зналъ, по его увѣренію, болѣе десяти языковъ; хотя выучился по-русски уже въ среднихъ лѣтахъ, однакожъ въ слогѣ его рѣдко примѣтенъ иностранецъ».

При всей своей краткости, эти біограгіи, принесли пользу нашей литературѣ, послуживъ между прочимъ, матеріаломъ митрополиту Евгенію и Н. И. Гречу при составленіи ихъ историко-литературныхъ сочиненій.

Это были послѣдніе литературные труды Н. М. Карамзина въ концѣ прошедшаго столѣтія. Весьма интересно было бы знать отношеніе Карамзина въ это время ко всей прочей литературной братіи, но къ сожалѣнію весьма мало сохранилось объ этомъ свѣдѣній. Мы знаемъ только, что Карамзинъ находился въ связяхъ съ М. М. Херасковымъ: у него бывали тогда литературные собранія, въ которыхъ участвовалъ и Николай Михайловичъ, но кто изъ нашихъ тогдашнихъ литераторовъ посѣщалъ Хераскова? Вѣроятно здѣсь Карамзинъ познакомился съ Державинымъ и другими. Карамзинъ былъ принятъ также у И. В. Лопухина, жившаго тогда въ Москвѣ.

Къ счастію сохранились нѣкоторыя извѣстія въ перепискѣ современиковъ Карамзина, относящіяся именно къ двумъ послѣднимъ годамъ прошедшаго столѣтія. И такъ, мы, хотя отчасти, можемъ составить себѣ понятіе, какъ о частной жизни Карамзина, такъ и о тогдашнемъ значеніи его въ обществѣ. Извѣстія эти находятся въ письмахъ одного провинціальнаго литератора, Каменева, о которомъ мы уже говорили выше. Каменевъ любилъ литературу, пытался даже сдѣлаться писателемъ, но не успѣлъ въ этомъ. Пріѣз-

жая въ Москву, по дѣламъ торговли (онъ былъ купецъ), онъ искалъ случаевъ сблизиться съ нашими тогдашними литературными знаменитостями, а какъ въ концѣ прошедшаго столѣтія *къ таковымъ* принадлежалъ уже и Карамзинъ, то Каменевъ познакомился и съ нимъ чрезъ Тургенева, къ которому введенъ былъ извѣстнымъ въ то время своею образованностію, Иваномъ Владиміровичемъ Лопухинымъ.

Вотъ нѣсколско писемъ Каменева въ Казань, къ другу его С. А Москотильникову, тоже занимавшемуся литературою, въ которыхъ находимъ самыя живыя, самыя любопытныя извѣстія о Карамзинѣ. Изъ письма отъ 25 сентября 1799 года, узнаемъ только, что ветерана - литератора Хераскова звали старостой россійской литературы, а Карамзина «десятникомъ», разумѣется литературы же, и что Тургеневъ (Иванъ Петровичъ) препоручилъ старшему своему сыну, познакомить Каменева съ Карамзинымъ, который въ то время былъ болѣнъ и никуда не выѣзжалъ.

Третьяго октября, Каменевъ собрался къ Карамзину: «Сію минуту, пишетъ онъ къ своему другу, пришелъ я отъ г. Карамзина. Онъ и Дмитріевъ, который былъ у него, приняли меня очень хорошо. Подробности сообщу послѣ». А вотъ и онѣ изъ слѣдующаго письма (отъ 10 октября).

«Въ половинѣ 12-го часу, съ старшимъ сыномъ г. Тургенева поѣхали мы на Никольскую улицу и взошли въ нижній этажъ зелененькаго домика, гдѣ г. Карамзинъ нанимаетъ квартиру. Мы застали его, съ Дмитріевымъ, читающаго 5-ю и 6-ю части его путешествія, которыя теперь въ петербургской цensурѣ, и скоро, вмѣстѣ съ Московскимъ Журналомъ, будутъ напечатаны. Увидѣвши насъ, Карамзинъ всталъ изъ вольтеровскихъ креселъ, обитыхъ алымъ сафьяномъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и сказалъ, что Иванъ Владиміровичъ давно ему обо мнѣ говорилъ, что онъ лю-

битъ знакомиться съ молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мнѣ ни слова вымолвить, спросилъ: не я ли присылалъ ему переводъ изъ Казани, и печатанъ ли онъ? Я отвѣчалъ и на то и на другое, какъ можно короче. Послѣ сего начался разговоръ о книгахъ и оба сочинителя спрашивали меня на перерывъ: какіе языки мнѣ извѣстны? гдѣ я учился? сколько времени? что переводилъ? что читалъ? и не писалъ ли чего стихами? Я отвѣчалъ что перевелъ оду изъ Клейста.... Карамзинъ спросилъ Тургенева, перевелъ ли онъ переписку Юнга съ Фонтенеллемъ изъ «Философіи природы», и начали говорить о сей книгѣ, которой сочинителя онъ не любитъ. Вотъ слова его: «Этотъ авторъ можетъ только нравиться тому, кто имѣетъ *темную* любовь къ литературѣ. Опровергая мнѣнія другихъ, самъ не говоритъ ничего сноснаго, ожидаешь много, приготовишься — и выйдетъ вздоръ. Нѣтъ плавности въ штилѣ, нѣтъ *зернистыхъ* мыслей; многое слабо, иное *плоско*, и онъ ни чѣмъ не *брильируетъ*». Карамзинъ употребляетъ французскихъ словъ очень много; въ десяти русскихъ, есть одно французское. Imagination, sentimens, tourment, énergie, épithète, éxpression, éxceller, и прочее, повторяетъ очень часто. Стихи съ риѳмами называетъ *побѣжденною трудностію*: стихи бѣлые ему нравятся. По его мнѣнію, русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи, а особливо съ риѳмами; что окончаніе стиховъ на глаголы ослабляетъ экспрессію. Перебирая людей, имѣющихъ въ Казани свои библіотеки, о васъ упомянулъ я, и сказалъ, что вы трудитесь въ переводѣ Тасса. Да не стихами ли? спросилъ Дмитріевъ. Я отвѣчалъ, что прозою, съ перевода Лебрюнова, — и Карамзинъ призналъ этотъ переводъ за самый лучшій. Дмитріевъ хвалилъ Фонъ-Визина, Богдановича, но Карамзинъ былъ противнаго мнѣнія, и когда первый читалъ нѣсколько стиховъ изъ поэмы «На разрушеніе

Лиссабона», переведенныхъ, какъ онъ говоритъ, Богдановичемъ, то онъ критиковалъ стихи, называя ихъ слабыми и пр. – Онъ росту болѣе нежели средняго, черноглазъ, носъ довольно великъ, румянецъ неровный и бакенбартъ густой. Говоритъ скоро, съ жаромъ и перебираетъ всѣхъ строго. Сожалѣетъ, что не умѣлъ воспользоваться отъ своихъ сочиненій. Дмитріевъ росту высокаго, волосовъ на головѣ мало, косъ и худощавъ. Они живутъ очень дружно и обращаются просто, хотя одинъ поручикъ, а другой генералъ-поручикъ. Прощаясь со мной, просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ *.

Навѣстивъ Карамзина во второй разъ, Каменевъ пишетъ: «Я сдѣлалъ второй визитъ г. Карамзину, и принятъ имъ столь же хорошо, какъ и въ первый. Сѣвши въ вольтеровскія свои кресла, просилъ онъ меня, чтобы я сѣлъ на диванъ, возвышенный не болѣе шести вершковъ отъ полу, гдѣ, какъ карла передъ гигантомъ, въ уничижительнѣйшемъ положеніи, имѣлъ удовольствіе съ часъ говорить съ нимъ. Г. Карамзинъ былъ въ совершенномъ дезабильѣ: бѣлый байковый сюртукъ, на-распашку, и медвѣжьи большіе сапоги — составляли его одежду. Говоря о новыхъ французскихъ авторахъ (которыхъ я очень мало знаю), совѣтовалъ мнѣ читать ихъ, утверждая, что ничѣмъ не можно столь себя усовершенствовать въ истинѣ, какъ прилежнымъ чтеніемъ. Совѣтовалъ мнѣ сочинять что-нибудь въ нынѣшнемъ вкусѣ, и признавался, что, до изданія Московскаго Журнала много бумаги имъ перемарано, и что не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно. Журналъ его скоро выйдетъ новымъ тисненіемъ.—Комнаты его очень хорошо убраны и на стѣнахъ много портретовъ французскихъ и итальянскихъ писателей; между ними замѣтилъ

* Вчера и сегодня. Кн. 1. стр. 48—50.

я Тасса, Метастазія, Франклина, Буфлера, Дюпати и другихъ беллетристовъ. Сколь онъ ни добръ, сколь характеръ его ни кротокъ, но имѣетъ многихъ непріятелей, которые изъ зависти ему вредить стараются. Нѣкто сочинилъ на него слѣдующую глупую эпиграмму:

«Былъ я въ Женевѣ, былъ я въ Парижѣ,
«Спѣсью сталъ выше, разумомъ ниже».

А на «Бездѣлки» его также кто-то сдѣлалъ стихи:

Собравъ свои творенья мелки,
Французъ, изъ Русскихъ, надписалъ: «Мои бездѣлки»,
А умъ, прочтя сказалъ:
Не много дива,
Лишь надпись справедлива.

Г. Дмитріевъ, почитатель и другъ Карамзина, думая, что послѣдніе стихи сочинены Шатровымъ, отвѣчалъ на нихъ:

Коль разумъ чтить должны мы въ образѣ Шатрова,
Насъ, Боже упаси, отъ разума такова *.

Наконецъ Каменевъ сообщаетъ еще слѣдующее любопытное извѣстіе о Карамзинѣ: «На вопросъ мой г. Карамзину, гдѣ и какимъ образомъ усовершенствовалъ онъ себя въ Россійскомъ языкѣ, отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующее: «Родившись въ деревнѣ, воспитывался я въ Симбирскѣ, ходилъ въ пансіонъ и читалъ много книгъ русскихъ. Пріѣхавши въ Москву, учился въ домѣ профессора Шадена нѣмецкому и французскому языкамъ. Началъ переводить, сочинять, и, къ счастію, познакомился съ Петровымъ (молодымъ человѣкомъ, котораго подъ именемъ Агатона оплакивалъ). Онъ имѣлъ вкусъ моего свѣжѣе и чище; поправлялъ мои маранья, показывалъ красоты авторовъ и я началъ чувствовать силу и нѣжность выраженій. Вознамѣрясь выйти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и, отдавая всю справедливость красно-

* Вчера и сегодня». Кн. 1. стр. 51—52.

рѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикій, варварскій*, вовсе несвойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ; сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобъ не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ «Письмахъ» Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня скопированныхъ, но ему простительно, онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ «Моихъ бездѣлокъ» *.

Что можетъ быть живѣе и замѣчательнѣе этихъ извѣстій для каждаго, кто желаетъ изучить Карамзина, такъ, чтобы проникнуть въ самыя сокровенныя тайны его сердца. Письма Каменева совершенно подтверждаютъ все до-сихъ-поръ сказанное нами о Карамзинѣ. Для подкрѣпленія ихъ достовѣрности приведемъ мнѣніе издателя ихъ Графа Соллогуба: «Письма Г. П. Каменева, говоритъ онъ, чистая непритворная исповѣдь сердца; онъ писалъ ихъ къ своему другу, въ той увѣренности, что кромѣ людей, ему близкихъ, они никѣмъ не будутъ читаны и, вѣрно, далекъ былъ отъ мысли, что они когда-либо напечатаются. Въ нихъ выразился онъ весь, каковъ былъ — со всѣми свойствами, дурными и хорошими, и поэтому можете оцѣнять его прямо, по достоинству. Не смотря на наивность ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вы увидите изъ нихъ человѣка съ умомъ наблюдательнымъ, взглядомъ на вещи свѣтлымъ и безпристрастнымъ, душею нѣжною, любящею» **.

* Вчера и Сегодня». Кн. 1. стр. 57—58.

** Вчера и Сегодня. Кн. 1, стр. 39.

—

ГЛАВА VIII.

—

Уже въ самомъ началѣ текущаго столѣтія Карамзинъ получилъ положительное направленіе; онъ избралъ исторію окончательно. Доказательствомъ этому служатъ «Похвальное слово Екатеринѣ II», «Пантеонъ русскихъ авторовъ» и «Марфа Посадница», потому-что эта повѣсть была уже начата въ 1801 году; однако по разнымъ обстоятельствамъ онъ отложилъ, на нѣкоторое время, рѣшительный выборъ дѣятельности, которой бы могъ посвятить лучшіе годы своей, вполнѣ развитой жизни.

Въ 1801 году, И. В. Поповъ, содержатель университетской типографіи, предложилъ Карамзину редакцію новаго журнала. Сдѣланъ былъ планъ до того неизвѣстный на Руси: соединить въ «Вѣстникѣ Европы» литературу съ политикою. Имя Карамзина и стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, или другими словами, стеченіе въ Москвѣ, по случаю коронаціи Императора Александра, множества губернскихъ дворянъ и купечества — были причиной невѣроятнаго успѣха этого журнала: въ первый годъ онъ имѣлъ болѣе 1200 подписчиковъ; и должно отдать справедливость— вполнѣ заслуживалъ такого вниманія читающей публики. «Вѣстникъ Европы» столько же содѣйствовалъ движенію

русской литературы впередъ, сколько, за одиннадцать лѣтъ до него, способствовалъ къ тому же «Московскій Журналъ».

Промежутокъ времени между «Московскимъ Журналомъ» и «Вѣстникомъ Европы» не ознаменовался ничѣмъ замѣчательнымъ въ русской журналистикѣ, хоть и встрѣчаемъ тогда слѣдующія безцвѣтныя и слабыя періодическія изданія.

Въ теченіе цѣлыхъ 10-ти лѣтъ по заведенному Новиковымъ обычаю издавались еженедѣльники литературнаго содержанія. Профессоръ Сахацкій, съ нѣсколькими молодыми литераторами (и всего болѣе Подшиваловымъ) былъ почти безсмѣннымъ ихъ редакторомъ. Мы здѣсь только назовемъ эти журналы, потому-что всѣ они были похожи другъ на друга, состояли изъ переводныхъ стиховъ и прозы, изрѣдка русскихъ оригинальныхъ статей, и выходили по одному листочку въ недѣлю. Начало сдѣлано еженедѣльникомъ: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», издававшимся три года; «Прохладные часы или аптека, врачующая отъ унынія, составленная изъ медикаментовъ старины и новизны», издавались въ Москвѣ полгода (1793).— Въ 1794 г. выходило «Пріятное и полезное препровожденіе времени», продолжавшееся пять лѣтъ; «Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній, съ присовокупленіемъ «Моднаго журнала», съ картинками и нотами, въ Спб. 1795 г., прекратился въ концѣ перваго года. Въ 1796 году выходилъ еще журналъ «Муза», подъ редакціею И. И. Мартынова; подражаніе «Московскому Журналу» Карамзина (издавался одинъ годъ).

Въ 1798 г. «С. Петербургскій Журналъ», издававшійся И. И. Пнинымъ. Редакторъ, хорошій литераторъ, рано похищенный смертью, знакомилъ публику со многими важными и новыми предметами.

Въ 1799 году издавался журналъ «Что нибудь отъ без-

дѣлья на досугѣ», подъ редакціею Н. Осипова, автора Энеиды на изнанку. Это также былъ опытъ сатирическаго журнала и кончился однимъ годомъ. Въ этомъ же году издавались въ Москвѣ «Новости», П. Голубковымъ, и прекратились съ третьей книжкой, и «Иппокрена, или утѣхи любословія», продолжавшаяся три года.

Съ 1802 г. начались «Новости русской литературы», существовавшія четыре года.—Сверхъ того выходили: «С. Петербургскій Меркурій», послѣдній журнальный подвигъ И. А. Крылова, и кажется, послѣдній порядочный журналъ въ сатирическомъ родѣ, на который прежде была большая мода. Въ немъ участвовалъ Клушинъ, авторъ нѣсколькихъ комедій.— Въ этомъ же году Панкратій Сумароковъ, возвращенный изъ Сибири, живя въ подмосковной деревнѣ, издавалъ: «Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія», продолжавшійся два года. Въ этомъ же году началось изданіе журнала: «Корифей или ключъ литературы, подъ редакціею Я. Галинковскаго, продолжавшійся пять лѣтъ.— П. Сахацкій вмѣстѣ съ П. Побѣдоносцовымъ издавали: «Новости русской литературы» по іюль мѣсяцъ 1805 года.

Вмѣстѣ съ этими изданіями въ 1802 году явился и «Вѣстникъ Европы», которымъ слѣдуетъ начать новую эпоху русской журналистики. Карамзинъ положилъ ему блестящее начало. Онъ оставилъ его, и журналъ сейчасъ же потерялъ прежнюю свою физіономію. Въ немъ, какъ мы уже сказали, были допущены только два отдѣла: а) *литература и смѣсь* и b) *политика*. Этотъ планъ былъ сохраненъ до 1809 года. До «Вѣстника Европы» политика ограничивалась только газетными извѣстіями; Карамзинъ, первый началъ писать, какъ европейскій публицистъ. Онъ тщательно наблюдалъ всѣ дѣйствія французской и англійской политики, вникалъ въ рѣчи консуловъ, въ споры министровъ, слѣдилъ

за каждымъ засѣданіемъ парламента, въ особенности, читалъ все, что было писано о консулѣ Бонапартѣ, какъ будто предчувствуя будущее всемірное значеніе этого генія! Результаты своихъ чтеній, Карамзинъ постоянно сообщалъ читателямъ «Вѣстника», что̀ придавало ему жизнь и яркій колоритъ современности.

Но излагая иностранную политику, Карамзинъ старался найти точку, съ которой должны смотрѣть на нее Русскіе. Безпристрастіе требуетъ отдать полную справедливость удивительно вѣрному политическому взгляду Карамзина.

«Любовь къ Бонапарте, писалъ онъ во «Всеобщемъ обозрѣніи» *, дошла до высочайшей степени. Со всѣхъ сторонъ пишутъ къ нему благодарственныя письма, въ которыхъ называютъ его *спасителемъ отечества*, *первымъ героемъ всѣхъ вѣковъ*, *единственнымъ*, *и проч. и проч*. Онъ конечно заслуживаетъ признательность Французовъ и почтеніе всѣхъ людей, умѣющихъ цѣнить чрезвычайныя дѣйствія геройства и разума. Его внѣшняя политика и внутреннее правленіе достойны удивленія не менѣе Маренгской побѣды. Франція, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностію своихъ жителей, конечно скоро загладитъ бѣдственные слѣды революціи, наслаждаясь тишиною подъ эгидою дѣятельнаго и благоразумнаго правленія, которое печется о мудрой системѣ гражданскихъ законовъ, о воспитаніи, объ успѣхѣ наукъ, художествъ и торговли, слѣдственно о важнѣйшихъ частяхъ государственнаго благоустройства. Французы хотѣли прежде мечтательнаго равенства, которое дѣлало ихъ всѣхъ равно несчастными: теперь, разрушивъ мечты, возстановивъ религію, столь нужную для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужную и для благоденствія государствъ; отличивъ

* Вѣстн. Евр. 1802. № 1, стр. 77—79.

достойныхъ гражданъ правомъ избранія въ общественныя должности (par les listes de notabilité) ,и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи демократію, монархъ–консулъ оправдываетъ дѣло судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія. Многіе политики боятся рѣшительно вліянія Франціи на участь Европы. «Мы вѣримъ миролюбію и благоразумію консула Бонапарте , говорятъ они: вѣримъ, что онъ не возмутитъ спокойствія державъ и будетъ заниматься только внутреннимъ благомъ государства; но когда другой со временемъ заступитъ его мѣсто, и не будучи подобно ему насыщенъ воинскою славою, захочетъ лавровъ, имѣя въ своихъ рукахъ Францію и еще три республики, которыя непремѣнно должны отъ нее зависѣть: что будетъ тогда съ Европою, по крайней мѣрѣ съ Германіею и Италіею?». Сей страхъ не совсѣмъ основателенъ, замѣчаетъ Карамзинъ. Союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи можетъ всегда ограничивать внѣшнія дѣйствія Франціи (не забудьте, что это было писано въ 1802 году) и противоборствовать всякому злоупотребленію силъ ея. На одной сторонѣ сіи четыре державы, а на другой Французская республика, Голландская, Швейцарская и Цизальпинская».

Дальновидный русскій публицистъ тотчасъ рѣшилъ, какъ должна будетъ дѣйствовать Европа, если Франція вздумаетъ нарушить всеобщее спокойствіе. Мысль его геніяльная; это доказывается тѣмъ, что въ послѣдствіи, когда гаданія Англіи оправдались, Европа поступила именно такъ, какъ предсказывалъ Карамзинъ.

Изъ «Всеобщаго обозрѣнія» Карамзина видимъ также, что мысль континентальной системы принадлежитъ Императору Павлу (Наполеону же только дальнѣйшее ея развитіе), ко-

торый хотѣлъ обуздать честолюбіе Англіи, закрытіемъ всѣхъ портовъ для ея кораблей *.

Изъ статей политическаго содержанія, принадлежащихъ Карамзину, замѣчательнѣйшія: «Письма Сельскаго Жителя» **, «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» *** и др.

Во второй статьѣ, Карамзинъ между прочимъ говоритъ о результатахъ французской революціи. Вотъ его слова: «Революція, пишетъ онъ, объяснила идеи; она намъ показала: что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы моральному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена ни какою силою ума, что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости властей, должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя».

Не осталось ни одного современнаго вопроса, который не обращалъ бы на себя вниманія Карамзина и не вызвалъ его мнѣнія, или совѣта, которые всегда были весьма умѣренны и снисходительны. Имѣя кроткій нравъ, онъ желалъ улучшеній естественныхъ, постепенныхъ, мирныхъ, проистекающихъ отъ взаимнаго согласія, отъ лучшаго направленія; онъ не хотѣлъ нарушать ничьего спокойствія, не оскорблять ничьего самолюбія, не возбуждать ничьей непріязни, не приносить въ жертву ни какихъ мнѣній.—Таковъ

* Вѣстн. Евр. 1802 г. № 1, стр. 74.

** Ibid. 1803 г.

*** Ibid. 1802 г. № 12.

былъ его характеръ, такъ настроенъ былъ его умъ, такъ расположены были его чувства, и никто не имѣетъ права осудить писателя за его доброе и чувствительное сердце.

Отдѣлъ словесности «Вѣстника Европы» былъ очень богатъ, если взять во вниманіе требованія тогдашней русской публики. Изъ самаго названія журнала видно, что Карамзинъ хотѣлъ знакомить Русскихъ съ развитіемъ литературы и политики Европы. По этому, при изданіи «Вѣсника», онъ руководствовался лучшими нѣмецкими *, французскими ** и англійскими *** журналами, и дѣлалъ извлеченія изъ лучшихъ сочиненій, появлявшихся тогда преимущественно во Франціи. Однимъ словомъ «Вѣстникъ» содержалъ въ себѣ выборъ всего лучшаго изъ европейскихъ журналовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ статьи историческія и литературныя, открытія въ наукахъ и искуствахъ, извѣстія объ ученыхъ и литературныхъ знаменитостяхъ.... Все это Карамзинъ переводилъ большею частью одинъ ****. Несмотря на то онъ находилъ еще время писать иногда стихотворенія и оригинальныя статьи, которыя наполняли отдѣлъ литературы. Статьи эти были большею частью уже историческаго содержанія,

* Напр. Архенгольцова «Минерва», «Нѣмецкій Политическій Журналъ» и др.

** Gazette de France, Magasin des modes, Décade, Moniteur, Journal de Paris, Spectateur du Nord, Nouvelle Bibliothèque fransaise, Bibliothèque Britannique, Courier de Londres и др.

*** Univer.' Cronicle; European-Magazine и др.

**** Какъ самъ онъ говоритъ въ концѣ 19 № Вѣст. Европ. 1803 г. Изъ трудовъ постороннихъ лицъ мы здѣсь: встрѣчаемъ «Письмо изъ Геттингена» молодаго А. И. Тургенева (Вѣст Ев. 1803 № 12); «Письмо изъ чужихъ краевъ», В. Пушкина (ibidem № 14 и 20) и начало «Вадима Новгородскаго» (ibid. № 23 и 24), В. А. Жуковскаго, первый его литературный опытъ — порожденіе «Мароы Посадницы»; но изъ этого опыта можно было предвидѣть чего Россія могла ожидать отъ Жуковскаго. Онъ тоже переводилъ иногда для Карамзина нѣкоторые отрывки изъ разныхъ журналовъ (Вѣст. Ев. № 24 стр. 238).

за исключеніемъ весьма немногихъ, посвященныхъ изящной словесности, литературнымъ и ученымъ извѣстіямъ. Изъ историческихъ его статей, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» замѣчательны: «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича *», «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицкой Лаврѣ **», «Русская старина***», и «О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ ****».

Бросимъ бѣглый взглядъ на достоинство историческихъ статей Карамзина, и сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія.

Статья «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича» занимаетъ первое мѣсто въ ряду историческихъ опытовъ Карамзина. Въ ней уже замѣтно много навыка, искуства и знанія, необходимыхъ для народнаго историка. Карамзинъ изучилъ это событіе по иностраннымъ писателямъ (писавшимъ о Россіи), потому что русскіе источники объ этомъ произшествіи — записки современниковъ,— едва были извѣстны въ его время. Никто изъ современниковъ Карамзина не былъ въ состояніи изложить это событіе съ такою легкостію и занимательностію.

«Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ».

До появленія этой статьи памятники историческихъ событій, произходившихъ въ окрестностяхъ Москвы были совершенно забыты. Карамзинъ, оброзрѣвъ нѣкоторые изъ нихъ, возобновилъ въ памяти своихъ соотечественниковъ историческое ихъ значеніе, первый познакомилъ насъ съ древними остатками нашей славы. Читая разсказы Карамзина, не-

* Вѣст. Европы. 1803 г. № 18.

** Ibid, 1802 г.

*** Ibid. 1803 г. № 20 и 21.

**** Ibid, 1802 г. № 24.

вольно приходитъ на мысль, что настоящая сфера его таланта — путевыя записки: здѣсь онъ неподражаемъ. Въ статьѣ этой, онъ сначала говоритъ о селѣ Алексѣевскомъ, любимомъ мѣстопребываніи царя Алексѣя Михайловича, Ростокинѣ, Тайнинскомъ, Пушкиномъ и Воздвиженскомъ; потомъ описываетъ всѣ достопримѣчательныя мѣста Троицко-Сергіевской лавры, преимущественно въ историческомъ отношеніи, но болѣе всего думаетъ въ слухъ о дѣлахъ Бориса, подойдя къ палаткѣ, гдѣ погребено все семейство Годуновыхъ. Тутъ Карамзинъ борется съ самимъ собою: ему хотѣлось бы оправдать несчастнаго Бориса, но жаль и царевича Димитрія. Какъ соединить добродѣтель съ порокомъ въ одномъ нравственномъ существѣ?... Статья эта и потому еще важна, что Карамзинъ не ограничивается повѣствованіемъ лѣтописей при осужденіи Бориса; онъ слушаетъ также и сказанія иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи въ управленіе Годунова. Словомъ, статья эта и теперь еще имѣетъ литературное значеніе.

«Русская старина», статейка не чуждая интереса; она заключаетъ въ себѣ выписки изъ иностранныхъ писателей XVI и XVII столѣтія о Россіи. Здѣсь встрѣчаемъ извѣстія о мѣстности древней Москвы, о нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ, въ означенныхъ столѣтіяхъ. Герберштейнъ, Олеарій, Маржеретъ, Мартинъ Бэръ и другіе служили Карамзину источникомъ. Изъ этого видно, что онъ первый обратилъ особенное вниманіе на сказаніе иностранцевъ о Россіи и приступилъ къ основательному изученію этихъ источниковъ.

«О Тайной Канцеляріи». Здѣсь Карамзинъ опровергаетъ мнѣніе Левека и Шлёцера, будто бы тайная канцелярія учреждена АлексѣемъМихайловичемъ. Опровергнувъ прежде мнѣніе Левека, авторъ обращается къ Шлецеру и говоритъ: «Гораздо важнѣе то, что г. Шлецеръ, бывшій нѣ-

сколько лѣтъ профессоромъ русской исторіи въ нашей академіи (иностранецъ профессоръ русской исторіи!!) шутя надъ Левекомъ, и называя его не *историкомъ*, а *граверомъ-Левекомъ*, также приписываетъ учрежденіе тайной канцеляріи Алексѣю Михайловичу. «Ужасъ ея, говоритъ онъ (т. е. Шлецеръ), такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи прервались въ царствованіе сего государя (!)». Затѣмъ Карамзинъ доказываетъ, что тайная канцелярія учреждена не Алексѣемъ Михайловичемъ, и что объ этомъ не упоминаетъ ни одинъ иностранецъ, писавшій о Россіи. Мы видимъ, что Карамзину уже извѣстны были сочиненія Олеарія, Мейерберга и др. Сказавъ это Карамзинъ продолжаетъ: «гдѣ же страхъ, произведенный тайною канцеляріею! Гдѣ онѣмѣніе лѣтописцевъ! спрашиваемъ у г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ 59 страницу и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности исторіи русской». Далѣе, Карамзинъ пишетъ, что точно, у Алексѣя Михайловича была *тайная канцелярія*, но не въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Татищевъ, и что слово *тайная* значило *домашняя* или *приватная*, въ вѣдѣніи которой находились дѣла экономическія или государевыхъ имуществъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что «Татищевъ догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописью Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ».

Здѣсь же встрѣчаемъ и первое мнѣніе Карамзина о нашихъ лѣтописцахъ. Онъ говоритъ: «Лѣтописцы наши не Тациты: они разсказывали только блестящія дѣла царей — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и прочее. — Однако жъ мы

обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ—и въ послѣдствіи исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріяловъ. Кто у насъ думалъ заготовить ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы?»

«О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ». Изъ этой статьи видно, что Карамзинъ уже ознакомился съ красотами русской исторіи и замѣтилъ самыя разительныя изъ нихъ. Онъ предлагаетъ сюжеты для историческихъ картинъ, но вопросъ заключается въ томъ, могли ли онѣ быть воспроизведены нашими тогдашними художниками, и могутъ ли онѣ быть выполнены даже теперь?

Истинному художнику достаточно одной мысли,—справедливо: но вѣдь онъ долженъ выразить ее въ соотвѣтственныхъ ей формахъ. Всякому живописцу, а тѣмъ болѣе историческому, нужно подробное знаніе эпохи, изъ которой заимствованъ сюжетъ. Фантазія должна приближаться къ истинѣ и вѣроятности, въ противномъ случаѣ, художественное произведеніе дѣлаетея смѣшнымъ и жалкимъ въ глазахъ знатока дѣла. Не такъ однакожъ думалъ Карамзинъ, онъ пишетъ: «Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало россійской исторіи (прекрасное желаніе!) т. е. призваніе варяжскихъ князей въ славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить трехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, которая была любимымъ упряжненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляетъ ихъ говорить Несторъ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ совѣтуются между собою. Нѣко-

торые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею, другіе узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ варяжскихъ князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Художникъ отличитъ лица славянскія отъ варяжскихъ: первыя должны быть нынѣшнія русскія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять шведскія, норвежскія или датскія. Варяги были Норманны: симъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель».

А гдѣ же костюмы; въ чемъ состояло различіе одежды Славянъ отъ одежды Норманновъ? Объ этомъ-то важномъ условіи въ картинѣ, Карамзинъ не подумалъ. Къ сожалѣнію иногда даже и геніальные литераторы бываютъ посредственные знатоки искуствъ. Фантазія можетъ насъ подарить самыми прекрасными образами, но эти образы прекрасны только безотчетно: начните переносить ихъ на бумагу или полотно — въ дѣйствительный міръ, и вы встрѣтите тысячу препятствій. Вообще для насъ довольно странно, какъ Карамзинъ , писавшій всегда со вкусомъ и знаніемъ своего дѣла, могъ въ то же время написать статью, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о сущности исторической живописи!

Изъ литературныхъ статей Карамзина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», первое мѣсто принадлежитъ «Марѳѣ Посадницѣ». Она затмѣваетъ все остальное. Потомъ встрѣчаемъ «Рыцаря нашего времени», въ которомъ Карамзинъ началъ было описывать свою жизнь; однакожъ нельзя считать истиною разные анекдоты, которые встрѣчаемъ въ этомъ романѣ, о чемъ говорено было въ первой главѣ.

Остальныя статьи Карамзина, помѣщенныя въ «Вѣстникѣ

Европы»: «Моя исповѣдь» *, «Чувствительный и холодный» ** и «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

Посмотримъ какъ рѣшаетъ Карамзинъ послѣдній вопросъ.

«Не въ климатѣ, говоритъ онъ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Русскихъ надобно искать отвѣтъ на вопросъ: «для чего у насъ рѣдки хорошіе писатели». — Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно раскрыться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственное, такъ называемое дарованіе — т. е. какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованный логикою, тонкій вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего! — Русскій кандидатъ авторства, не довольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ».

Послѣ этого Карамзинъ пишетъ, что для образованія авторскаго таланта необходимо знать свѣтъ, т. е. посѣщать лучшее общество, которое для многихъ писателей его времени было не доступно. Далѣе, что для образованія языка наше лучшее общество должно отказаться отъ употребленія французскаго языка и говорить на отечественномъ, и въ особенности совѣтуетъ это прекрасному полу, который имѣетъ большое вліяніе на образованіе языка разговорнаго.

Приведемъ еще слова Карамзина о геніи: «Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или генія, говоря, что онъ *терпѣніе въ превосходной степени*. Но если хорошенько подумаемъ, то едва-ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія геній не

* Сатира на тогдашнія странныя обыкновенія нашей знати.

** Два характера, изображены не дурно.

можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства;* охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта».

Авторъ заключаетъ статью слѣдующими словами: «Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельствъ и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ поэтомъ. Склонность къ литературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ черти́тъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоды въ жизни».

=

ГЛАВА IX.

—

Обратимся къ «Марѳѣ Посадницѣ».

Карамзинъ написалъ «Марѳу Посадницу или покореніе Новгорода» въ 1802 году, назвавъ это произведеніе историческою повѣстью. Мы уже прежде видѣли покушеніе Карамзина испытать свои силы въ этомъ родѣ литературы, послѣ чего, цѣлыхъ 10 лѣтъ онъ не рѣшался приступать къ нему вторично. Можно бы сказать, что Карамзинъ, сознавая недостатокъ своихъ свѣдѣній въ древней русской жизни и характеровъ историческихъ лицъ, обратился къ изученію отечественной исторіи, и запасшись множествомъ необходимыхъ матеріаловъ, рѣшился еще разъ написать историческую повѣсть, избравъ предметомъ: Марѳу, посадницу новгородскую. Но чѣмъ болѣе Карамзинъ изучалъ отечественную исторію, тѣмъ яснѣе чувствовалъ недостатокъ матеріяловъ для избраннаго имъ рода повѣсти. Изучая современную западную литературу, Карамзинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ лучшимъ ея произведеніямъ, и наконецъ самъ хотѣлъ подражать имъ. Онъ обратился къ исторіи Новгорода, которая такъ часто восхищала его, избралъ Марѳу, и разсказываетъ ея исторію. Какъ повѣсть, «Марѳа Посадница» не имѣетъ ни какого достоинства. Но это и не исторія, потому

что въ ней строгая историческая достовѣрность принесена въ жертву литературнымъ красотамъ. Марѳа, неопредѣленное явленіе въ области изящной литературы, въ свое время считалась собраніемъ красотъ русскаго ораторства, котораго представителемъ былъ Карамзинъ.

Прочитавъ «Марѳу Посадницу» мы видимъ, что Карамзину оставалось избрать историческое поприще. Онъ и самъ понималъ свое призваніе.

«Марѳа Посадница» была перепечатываема нѣсколько разъ; она извѣстна каждому Русскому, сколько нибудь знакомому съ отечественною литературой.

Въ предисловіи къ «Марѳѣ Посадницѣ» Карамзинъ говоритъ: «Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ русской исторіи. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую къ своей державѣ: хвала ему!»

Карамзинъ не хотѣлъ выдавать «Марѳы» за собственное произведеніе; по этому-то онъ и говоритъ въ предисловіи: «Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и —сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и неразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знаменитыхъ Новгородцевъ, переселенныхъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя произшествія согласны съ исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни отдаютъ справедливость великому уму Марѳы Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати) быть Катономъ своей республики».

«Кажется, продолжаетъ Карамзинъ, что старинный авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣко-

ГЛАВА VIII.

—

Уже въ самомъ началѣ текущаго столѣтія Карамзинъ получилъ положительное направленіе; онъ избралъ исторію окончательно. Доказательствомъ этому служатъ «Похвальное слово Екатеринѣ II», «Пантеонъ русскихъ авторовъ» и «Марфа Посадница», потому-что эта повѣсть была уже начата въ 1801 году; однако по разнымъ обстоятельствамъ онъ отложилъ, на нѣкоторое время, рѣшительный выборъ дѣятельности, которой бы могъ посвятить лучшіе годы своей, вполнѣ развитой жизни.

Въ 1801 году, И. В. Поповъ, содержатель университетской типографіи, предложилъ Карамзину редакцію новаго журнала. Сдѣланъ былъ планъ до того неизвѣстный на Руси: соединить въ «Вѣстникѣ Европы» литературу съ политикою. Имя Карамзина и стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, или другими словами, стеченіе въ Москвѣ, по случаю коронаціи Императора Александра, множества губернскихъ дворянъ и купечества — были причиной невѣроятнаго успѣха этого журнала: въ первый годъ онъ имѣлъ болѣе 1200 подписчиковъ; и должно отдать справедливость— вполнѣ заслуживалъ такого вниманія читающей публики. «Вѣстникъ Европы» столько же содѣйствовалъ движенію

русской литературы впередъ, сколько, за одиннадцать лѣтъ до него, способствовалъ къ тому же «Московскій Журналъ».

Промежутокъ времени между «Московскимъ Журналомъ» и «Вѣстникомъ Европы» не ознаменовался ничѣмъ замѣчательнымъ въ русской журналистикѣ, хоть и встрѣчаемъ тогда слѣдующія безцвѣтныя и слабыя періодическія изданія.

Въ теченіе цѣлыхъ 10-ти лѣтъ по заведенному Новиковымъ обычаю издавались еженедѣльники литературнаго содержанія. Профессоръ Сахацкій, съ нѣсколькими молодыми литераторами (и всего болѣе Подшиваловымъ) былъ почти безсмѣннымъ ихъ редакторомъ. Мы здѣсь только назовемъ эти журналы, потому-что всѣ они были похожи другъ на друга, состояли изъ переводныхъ стиховъ и прозы, изрѣдка русскихъ оригинальныхъ статей, и выходили по одному листочку въ недѣлю. Начало сдѣлано еженедѣльникомъ: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», издававшимся три года; «Прохладные часы или аптека, врачующая отъ унынія, составленная изъ медикаментовъ старины и новизны», издавались въ Москвѣ полгода (1793).— Въ 1794 г. выходило «Пріятное и полезное препровожденіе времени», продолжавшееся пять лѣтъ; «Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній, съ присовокупленіемъ «Моднаго журнала», съ картинками и нотами, въ Спб. 1795 г., прекратился въ концѣ перваго года. Въ 1796 году выходилъ еще журналъ «Муза», подъ редакціею И. И. Мартынова; подражаніе «Московскому Журналу» Карамзина (издавался одинъ годъ).

Въ 1798 г. «С. Петербургскій Журналъ», издававшійся И. И. Пнинымъ. Редакторъ, хорошій литераторъ, рано похищенный смертью, знакомилъ публику со многими важными и новыми предметами.

Въ 1799 году издавался журналъ «Что нибудь отъ без-

дѣлья на досугѣ», подъ редакціею Н. Осипова, автора Энеиды на изнанку. Это также былъ опытъ сатирическаго журнала и кончился однимъ годомъ. Въ этомъ же году издавались въ Москвѣ «Новости», П. Голубковымъ, и прекратились съ третьей книжкой, и «Иппокрена, или утѣхи любословія», продолжавшаяся три года.

Съ 1802 г. начались «Новости русской литературы», существовавшія четыре года.—Сверхъ того выходили: «С. Петербургскій Меркурій», послѣдній журнальный подвигъ И. А. Крылова, и кажется, послѣдній порядочный журналъ въ сатирическомъ родѣ, на который прежде была большая мода. Въ немъ участвовалъ Клушинъ, авторъ нѣсколькихъ комедій.— Въ этомъ же году Панкратій Сумароковъ, возвращенный изъ Сибири, живя въ подмосковной деревнѣ, издавалъ: «Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія», продолжавшійся два года. Въ этомъ же году началось изданіе журнала: «Корифей или ключъ литературы, подъ редакціею Я. Галинковскаго, продолжавшійся пять лѣтъ.— П. Сахацкій вмѣстѣ съ П. Побѣдоносцовымъ издавали: «Новости русской литературы» по іюль мѣсяцъ 1805 года.

Вмѣстѣ съ этими изданіями въ 1802 году явился и «Вѣстникъ Европы», которымъ слѣдуетъ начать новую эпоху русской журналистики. Карамзинъ положилъ ему блестящее начало. Онъ оставилъ его, и журналъ сейчасъ же потерялъ прежнюю свою физіономію. Въ немъ, какъ мы уже сказали, были допущены только два отдѣла: a) *литература и смѣсь* и b) *политика.* Этотъ планъ былъ сохраненъ до 1809 года. До «Вѣстника Европы» политика ограничивалась только газетными извѣстіями; Карамзинъ, первый началъ писать, какъ европейскій публицистъ. Онъ тщательно наблюдалъ всѣ дѣйствія французской и англійской политики, вникалъ въ рѣчи консуловъ, въ споры министровъ, слѣдилъ

за каждымъ засѣданіемъ парламента, въ особенности, читалъ все, что было писано о консулѣ Бонапартѣ, какъ будто предчувствуя будущее всемірное значеніе этого генія! Результаты своихъ чтеній, Карамзинъ постоянно сообщалъ читателямъ «Вѣстника», что́ придавало ему жизнь и яркій колоритъ современности.

Но излагая иностранную политику, Карамзинъ старался найти точку, съ которой должны смотрѣть на нее Русскіе. Безпристрастіе требуетъ отдать полную справедливость удивительно вѣрному политическому взгляду Карамзина.

«Любовь къ Бонапарте, писалъ онъ во «Всеобщемъ обозрѣніи» *, дошла до высочайшей степени. Со всѣхъ сторонъ пишутъ къ нему благодарственныя письма, въ которыхъ называютъ его *спасителемъ отечества*, *первымъ героемъ всѣхъ вѣковъ*, *единственнымъ*, *и проч. и проч.* Онъ конечно заслуживаетъ признательность Французовъ и почтеніе всѣхъ людей, умѣющихъ цѣнить чрезвычайныя дѣйствія геройства и разума. Его внѣшняя политика и внутреннее правленіе достойны удивленія не менѣе Маренгской побѣды. Франція, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностію своихъ жителей, конечно скоро загладитъ бѣдственные слѣды революціи, наслаждаясь тишиною подъ эгидою дѣятельнаго и благоразумнаго правленія, которое печется о мудрой системѣ гражданскихъ законовъ, о воспитаніи, объ успѣхѣ наукъ, художествъ и торговли, слѣдственно о важнѣйшихъ частяхъ государственнаго благоустройства. Французы хотѣли прежде мечтательнаго равенства, которое дѣлало ихъ всѣхъ равно несчастными: теперь, разрушивъ мечты, возстановивъ религію, столь нужную для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужную и для благоденствія государствъ; отличивъ

* Вѣстн. Евр. 1802. № 1, стр. 77—79.

достойныхъ гражданъ правомъ избранія въ общественныя должности (par les listes de notabilité) ,и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи демократію, монархъ-консулъ оправдываетъ дѣло судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія. Многіе политики боятся рѣшительно вліянія Франціи на участь Европы. «Мы вѣримъ миролюбію и благоразумію консула Бонапарте , говорятъ они: вѣримъ, что онъ не возмутитъ спокойствія державъ и будетъ заниматься только внутреннимъ благомъ государства; но когда другой со временемъ заступитъ его мѣсто, и не будучи подобно ему насыщенъ воинскою славою, захочетъ лавровъ, имѣя въ своихъ рукахъ Францію и еще три республики, которыя непремѣнно должны отъ нее зависѣть: что будетъ тогда съ Европою, по крайней мѣрѣ съ Германіею и Италіею?». Сей страхъ не совсѣмъ основателенъ, замѣчаетъ Карамзинъ. Союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи можетъ всегда ограничивать внѣшнія дѣйствія Франціи (не забудьте, что это было писано въ 1802 году) и противоборствовать всякому злоупотребленію силъ ея. На одной сторонѣ сіи четыре державы, а на другой Французская республика, Голландская, Швейцарская и Цизальпинская».

Дальновидный русскій публицистъ тотчасъ рѣшилъ, какъ должна будетъ дѣйствовать Европа, если Франція вздумаетъ нарушить всеобщее спокойствіе. Мысль его геніяльная; это доказывается тѣмъ, что въ послѣдствіи, когда гаданія Англіи оправдались, Европа поступила именно такъ, какъ предсказывалъ Карамзинъ.

Изъ «Всеобщаго обозрѣнія» Карамзина видимъ также, что мысль континентальной системы принадлежитъ Императору Павлу (Наполеону же только дальнѣйшее ея развитіе), ко-

торый хотѣлъ обуздать честолюбіе Англіи, закрытіемъ всѣхъ портовъ для ея кораблей *.

Изъ статей политическаго содержанія, принадлежащихъ Карамзину, замѣчательнѣйшія: «Письма Сельскаго Жителя» **, «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» *** и др.

Во второй статьѣ, Карамзинъ между прочимъ говоритъ о результатахъ французской революціи. Вотъ его слова: «Революція, пишетъ онъ, объяснила идеи; она намъ показала: что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы моральному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена ни какою силою ума, что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости властей, должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя».

Не осталось ни одного современнаго вопроса, который не обращалъ бы на себя вниманія Карамзина и не вызвалъ его мнѣнія, или совѣта, которые всегда были весьма умѣренны и снисходительны. Имѣя кроткій нравъ, онъ желалъ улучшеній естественныхъ, постепенныхъ, мирныхъ, проистекающихъ отъ взаимнаго согласія, отъ лучшаго направленія; онъ не хотѣлъ нарушать ничьего спокойствія, не оскорблять ничьего самолюбія, не возбуждать ничьей непріязни, не приносить въ жертву ни какихъ мнѣній.—Таковъ

* Вѣстн. Евр. 1802 г. № 1, стр. 74.
** Ibid. 1803 г.
*** Ibid. 1802 г. № 12.

былъ его характеръ, такъ настроенъ былъ его умъ, такъ расположены были его чувства, и никто не имѣетъ права осудить писателя за его доброе и чувствительное сердце.

Отдѣлъ словесности «Вѣстника Европы» былъ очень богатъ, если взять во вниманіе требованія тогдашней русской публики. Изъ самаго названія журнала видно, что Карамзинъ хотѣлъ знакомить Русскихъ съ развитіемъ литературы и политики Европы. По этому, при изданіи «Вѣсника», онъ руководствовался лучшими нѣмецкими *, французскими ** и англійскими *** журналами, и дѣлалъ извлеченія изъ лучшихъ сочиненій, появлявшихся тогда преимущественно во Франціи. Однимъ словомъ «Вѣстникъ» содержалъ въ себѣ выборъ всего лучшаго изъ европейскихъ журналовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ статьи историческія и литературныя, открытія въ наукахъ и искуствахъ, извѣстія объ ученыхъ и литературныхъ знаменитостяхъ.... Все это Карамзинъ переводилъ большею частью одинъ ****. Несмотря на то онъ находилъ еще время писать иногда стихотворенія и оригинальныя статьи, которыя наполняли отдѣлъ литературы. Статьи эти были большею частью уже историческаго содержанія,

* Напр. Архенгольцова «Минерва», «Нѣмецкій Политическій Журналъ» и др.

** Gazette de France, Magasin des modes, Décade, Moniteur, Journal de Paris, Spectateur du Nord, Nouvelle Bibliothèque fransaise, Bibliothéque Britannique, Courier de Londres и др.

*** Univer: Cronicle; European-Magazine и др.

**** Какъ самъ онъ говоритъ въ концѣ 19 № Вѣст. Европ. 1803 г. Изъ трудовъ постороннихъ лицъ мы здѣсь: встрѣчаемъ «Письмо изъ Геттингена» молодаго А. И. Тургенева (Вѣст Ев. 1803 № 12); «Письмо изъ чужихъ краевъ», В. Пушкина (ibidem № 14 и 20) и начало «Вадима Новгородскаго» (ibid. № 23 и 24), В. А. Жуковскаго, первый его литературный опытъ— порожденіе «Мароы Посадницы»; но изъ этого опыта можно было предвидѣть чего Россія могла ожидать отъ Жуковскаго. Онъ тоже переводилъ иногда для Карамзина нѣкоторые отрывки изъ разныхъ журналовъ (Вѣст. Ев. № 24 стр. 238).

за исключеніемъ весьма немногихъ, посвященныхъ изящной словесности, литературнымъ и ученымъ извѣстіямъ. Изъ историческихъ его статей, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» замѣчательны: «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича *», «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицкой Лаврѣ **», «Русская старина***», и «О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ ****».

Бросимъ бѣглый взглядъ на достоинство историческихъ статей Карамзина, и сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія.

Статья «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича» занимаетъ первое мѣсто въ ряду историческихъ опытовъ Карамзина. Въ ней уже замѣтно много навыка, искуства и знанія, необходимыхъ для народнаго историка. Карамзинъ изучилъ это событіе по иностраннымъ писателямъ (писавшимъ о Россіи), потому что русскіе источники объ этомъ произшествіи — записки современниковъ,— едва были извѣстны въ его время. Никто изъ современниковъ Карамзина не былъ въ состояніи изложить это событіе съ такою легкостію и занимательностію.

«Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Тройцѣ».

До появленія этой статьи памятники историческихъ событій, происходившихъ въ окрестностяхъ Москвы были совершенно забыты. Карамзинъ, оброзрѣвъ нѣкоторые изъ нихъ, возобновилъ въ памяти своихъ соотечественниковъ историческое ихъ значеніе, первый познакомилъ насъ съ древними остатками нашей славы. Читая разсказы Карамзина, не-

* Вѣст. Европы. 1803 г. № 18.
** Ibid, 1802 г.
*** Ibid. 1803 г. № 20 и 21.
**** Ibid, 1802 г. № 24.

вольно приходитъ на мысль, что настоящая сфера его таланта — путевыя записки: здѣсь онъ неподражаемъ. Въ статьѣ этой, онъ сначала говоритъ о селѣ Алексѣевскомъ, любимомъ мѣстопребываніи царя Алексѣя Михайловича, Ростокинѣ, Тайнинскомъ, Пушкиномъ и Воздвиженскомъ; потомъ описываетъ всѣ достопримѣчательныя мѣста Троицко-Сергіевской лавры, преимущественно въ историческомъ отношеніи, но болѣе всего думаетъ въ слухъ о дѣлахъ Бориса, подойдя къ палаткѣ, гдѣ погребено все семейство Годуновыхъ. Тутъ Карамзинъ борется съ самимъ собою: ему хотѣлось бы оправдать несчастнаго Бориса, но жаль и царевича Димитрія. Какъ соединить добродѣтель съ порокомъ въ одномъ нравственномъ существѣ?... Статья эта и потому еще важна, что Карамзинъ не ограничивается повѣствованіемъ лѣтописей при осужденіи Бориса; онъ слушаетъ также и сказанія иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи въ управленіе Годунова. Словомъ, статья эта и теперь еще имѣетъ литературное значеніе.

«Русская старина», статейка не чуждая интереса; она заключаетъ въ себѣ выписки изъ иностранныхъ писателей XVI и XVII столѣтія о Россіи. Здѣсь встрѣчаемъ извѣстія о мѣстности древней Москвы, о нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ, въ означенныхъ столѣтіяхъ. Герберштейнъ, Олеарій, Маржеретъ, Мартинъ Бэръ и другіе служили Карамзину источникомъ. Изъ этого видно, что онъ первый обратилъ особенное вниманіе на сказаніе иностранцевъ о Россіи и приступилъ къ основательному изученію этихъ источниковъ.

«О Тайной Канцеляріи». Здѣсь Карамзинъ опровергаетъ мнѣніе Левека и Шлёцера, будто бы тайная канцелярія учреждена Алексѣемъ Михайловичемъ. Опровергнувъ прежде мнѣніе Левека, авторъ обращается къ Шлецеру и говоритъ: «Гораздо важнѣе то, что г. Шлецеръ, бывшій нѣ-

сколько лѣтъ профессоромъ русской исторіи въ нашей академіи (иностранецъ профессоръ русской исторіи!!) шутя надъ Левекомъ, и называя его не *историкомъ*, а *граверомъ-Левекомъ*, также приписываетъ учрежденіе тайной канцеляріи Алексѣю Михайловичу. «Ужасъ ея, говоритъ онъ (т. е. Шлецеръ), такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи прервались въ царствованіе сего государя (!)». Затѣмъ Карамзинъ доказываетъ, что тайная канцелярія учреждена не Алексѣемъ Михайловичемъ, и что объ этомъ не упоминаетъ ни одинъ иностранецъ, писавшій о Россіи. Мы видимъ, что Карамзину уже извѣстны были сочиненія Олеарія, Мейерберга и др. Сказавъ это Карамзинъ продолжаетъ: «гдѣ же страхъ, произведенный тайною канцеляріею! Гдѣ онѣмѣніе лѣтописцевъ! спрашиваемъ у г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ 59 страницу и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности исторіи русской». Далѣе, Карамзинъ пишетъ, что точно, у Алексѣя Михайловича была *тайная канцелярія*, но не въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Татищевъ, и что слово *тайная* значило *домашняя* или *приватная*, въ вѣдѣніи которой находились дѣла экономическія или государевыхъ имуществъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что «Татищевъ догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописью Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ».

Здѣсь же встрѣчаемъ и первое мнѣніе Карамзина о нашихъ лѣтописцахъ. Онъ говоритъ: «Лѣтописцы наши не Тациты: они разсказывали только блестящія дѣла царей — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и прочее. — Однако жъ мы

обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ—и въ послѣдствіи исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріяловъ. Кто у насъ думалъ заготовить ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы?»

«О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ». Изъ этой статьи видно, что Карамзинъ уже ознакомился съ красотами русской исторіи и замѣтилъ самыя разительныя изъ нихъ. Онъ предлагаетъ сюжеты для историческихъ картинъ, но вопросъ заключается въ томъ, могли ли онѣ быть воспроизведены нашими тогдашними художниками, и могутъ ли онѣ быть выполнены даже теперь?

Истинному художнику достаточно одной мысли,—справедливо: но вѣдь онъ долженъ выразить ее въ соотвѣтственныхъ ей формахъ. Всякому живописцу, а тѣмъ болѣе историческому, нужно подробное знаніе эпохи, изъ которой заимствованъ сюжетъ. Фантазія должна приближаться къ истинѣ и вѣроятности, въ противномъ случаѣ, художественное произведеніе дѣлается смѣшнымъ и жалкимъ въ глазахъ знатока дѣла. Не такъ однакожъ думалъ Карамзинъ, онъ пишетъ: «Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало россійской исторіи (прекрасное желаніе!) т. е. призваніе варяжскихъ князей въ славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить трехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, которая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляетъ ихъ говорить Несторъ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ совѣтуются между собою. Нѣко-

торые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею, другіе узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ варяжскихъ князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Художникъ отличитъ лица славянскія отъ варяжскихъ: первыя должны быть нынѣшнія русскія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять шведскія, норвежскія или датскія. Варяги были Норманны: симъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель».

А гдѣ же костюмы; въ чемъ состояло различіе одежды Славянъ отъ одежды Норманновъ? Объ этомъ-то важномъ условіи въ картинѣ, Карамзинъ не подумалъ. Къ сожалѣнію иногда даже и геніальные литераторы бываютъ посредственные знатоки искуствъ. Фантазія можетъ насъ подарить самыми прекрасными образами, но эти образы прекрасны только безотчетно: начните переносить ихъ на бумагу или полотно — въ дѣйствительный міръ, и вы встрѣтите тысячу препятствій. Вообще для насъ довольно странно, какъ Карамзинъ, писавшій всегда со вкусомъ и знаніемъ своего дѣла, могъ въ то же время написать статью, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о сущности исторической живописи!

Изъ литературныхъ статей Карамзина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», первое мѣсто принадлежитъ «Маѳѣ Посадницѣ». Она затмѣваетъ все остальное. Потомъ встрѣчаемъ «Рыцаря нашего времени», въ которомъ Карамзинъ началъ было описывать свою жизнь; однакожъ нельзя считать истиною разные анекдоты, которые встрѣчаемъ въ этомъ романѣ, о чемъ говорено было въ первой главѣ.

Остальныя статьи Карамзина, помѣщенныя въ «Вѣстникѣ

Европы»: «Моя исповѣдь» *, «Чувствительный и холодный» ** и «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

Посмотримъ какъ рѣшаетъ Карамзинъ послѣдній вопросъ.

«Не въ климатѣ, говоритъ онъ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Русскихъ надобно искать отвѣтъ на вопросъ: «для чего у насъ рѣдки хорошіе писатели». — Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно раскрыться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственное, такъ называемое дарованіе — т. е. какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованный логикою, тонкій вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего! — Русскій кандидатъ авторства, не довольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ».

Послѣ этого Карамзинъ пишетъ, что для образованія авторскаго таланта необходимо знать свѣтъ, т. е. посѣщать лучшее общество, которое для многихъ писателей его времени было не доступно. Далѣе, что для образованія языка наше лучшее общество должно отказаться отъ употребленія французскаго языка и говорить на отечественномъ, и въ особенности совѣтуетъ это прекрасному полу, который имѣетъ большое вліяніе на образованіе языка разговорнаго.

Приведемъ еще слова Карамзина о геніи: «Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или генія, говоря, что онъ *терпѣніе въ превосходной степени.* Но если хорошенько подумаемъ, то едва-ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія геній не

* Сатира на тогдашнія странныя обыкновенія нашей знати.

** Два характера, изображены не дурно.

можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства;* охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта».

Авторъ заключаетъ статью слѣдующими словами: «Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельствъ и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ поэтомъ. Склонность къ литературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоды въ жизни».

=

ГЛАВА IX.

—

Обратимся къ «Мареѣ Посадницѣ».

Карамзинъ написалъ «Мареу Посадницу или покореніе Новгорода» въ 1802 году, назвавъ это произведеніе историческою повѣстью. Мы уже прежде видѣли покушеніе Карамзина испытать свои силы въ этомъ родѣ литературы, послѣ чего, цѣлыхъ 10 лѣтъ онъ не рѣшался приступать къ нему вторично. Можно бы сказать, что Карамзинъ, сознавая недостатокъ своихъ свѣдѣній въ древней русской жизни и характеровъ историческихъ лицъ, обратился къ изученію отечественной исторіи, и запасшись множествомъ необходимыхъ матеріаловъ, рѣшился еще разъ написать историческую повѣсть, избравъ предметомъ: Мареу, посадницу новгородскую. Но чѣмъ болѣе Карамзинъ изучалъ отечественную исторію, тѣмъ яснѣе чувствовалъ недостатокъ матеріяловъ для избраннаго имъ рода повѣсти. Изучая современную западную литературу, Карамзинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ лучшимъ ея произведеніямъ, и наконецъ самъ хотѣлъ подражать имъ. Онъ обратился къ исторіи Новгорода, которая такъ часто восхищала его, избралъ Мареу, и разсказываетъ ея исторію. Какъ повѣсть, «Мареа Посадница» не имѣетъ ни какого достоинства. Но это и не исторія, потому

что въ ней строгая историческая достовѣрность принесена въ жертву литературнымъ красотамъ. Марѳа, неопредѣленное явленіе въ области изящной литературы, въ свое время считалась собраніемъ красотъ русскаго ораторства, котораго представителемъ былъ Карамзинъ.

Прочитавъ «Марѳу Посадницу» мы видимъ, что Карамзину оставалось избрать историческое поприще. Онъ и самъ понималъ свое призваніе.

«Марѳа Посадница» была перепечатываема нѣсколько разъ; она извѣстна каждому Русскому, сколько нибудь знакомому съ отечественною литературой.

Въ предисловіи къ «Марѳѣ Посадницѣ» Карамзинъ говоритъ: «Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ русской исторіи. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую къ своей державѣ: хвала ему!»

Карамзинъ не хотѣлъ выдавать «Марѳы» за собственное произведеніе; по этому-то онъ и говоритъ въ предисловіи: «Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знаменитыхъ Новгородцевъ, переселенныхъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя произшествія согласны съ исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни отдаютъ справедливость великому уму Марѳы Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати) быть Катономъ своей республики».

«Кажется, продолжаетъ Карамзинъ, что старинный авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣко-

торыхъ случаевъ кровь новгородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе, данное имъ фанатизму Марѳы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только «страстную», пылкую, умную, а не великую и добродѣтельную женщину».

Въ отдѣлѣ литературы Вѣстника Европы мы встрѣчаемъ и стихотворенія, но не въ такомъ множествѣ, какъ въ «Московскомъ журналѣ».

Державинъ, Дмитріевъ и другіе не писали болѣе мелкихъ стиховъ для публики, а если и писали, то изрѣдка: они уже были тогда людьми сановитыми и не имѣли времени заниматься стишками. Въ первомъ году существованія «Вѣстника» явилось нѣсколько стихотвореній Карамзина, В. Пушкина, Державина классическое «Утро», Дм. Б., Дмитріева подъ ***, В. А. Жуковскаго, Сельское кладбище», Греева элегія (перев. съ англійскаго), въ которой молодой авторъ обѣщалъ много), и Ник. Остолопова. Во второмъ году, стихотворенія попадаются еще рѣже. Тутъ встрѣчаемъ плоды вдохновенія кн. Шаликова, Владиміра Измайлова, В. Пушкина, Ю. Н.-М., Ал. Палицына, гр. Дмитрія Хвостова, С. Андреева и Подшивалова. Чаще всего помѣщались очень недурныя стихотворенія, означенныя тремя звѣздочками, кажется—Дмитріева, которому тогда уже не хотѣлось подписывать своей фамиліи подъ мелкими пьесами.

«Вѣстникъ Европы не подлежитъ сравненію какъ съ прочими тогдашними періодическими изданіями, такъ равно и съ позднѣйшими журналами. Имъ былъ сдѣланъ довольно значительный шагъ впередъ въ русской журналистикѣ. Карамзина можно упрекнуть только въ томъ, что онъ пренебрегъ библіографіею, критикою и разборомъ театральныхъ піесъ, придававшими столько интересу и жизни «Московскому Журналу». Въ его время, и въ его рукахъ, критика была важнымъ средствомъ, чтобъ подвинуть нашу литературу впередъ. Ему

подражали почти всѣ молодые писатели, и сверхъ того онъ былъ любимѣйшій авторъ нашей тогдашней публики. Но Карамзинъ, вѣроятно, не хотѣлъ дѣлать себѣ враговъ и потому пренебрегъ этимъ важнѣйшимъ отдѣломъ журнала. Въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ только одинъ разъ упоминаетъ о важнѣйшихъ сочиненіяхъ иностранной литературы и о двухъ пустѣйшихъ русскихъ переводахъ.

Къ критическимъ статьямъ, встрѣчающимся въ «Вѣстникѣ» и принадлежащимъ Карамзину, можно отнести: «Біографію Богдановича»; разборъ грамматики, изданной россійскою академіею, которому критикъ далъ названіе «Великій мужъ русской грамматики» и разборъ «Русской грамматики Француза Модрю».

Статья о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ, показываетъ, что Карамзинъ могъ быть хорошимъ критикомъ, и умѣлъ вѣрно оцѣнивать каждое литературное произведеніе въ эстетическомъ отношеніи. Какъ біографъ, онъ весьма удачно развиваетъ причины, имѣвшія вліяніе на образованіе таланта Богдановича; однакожъ, при всей своей проницательности критикъ забылъ сказать, что уже одно великолѣпное царствованіе Екатерины могло подать поэту мысль для его «Душеньки», выраженной въ нѣжныхъ и роскошныхъ формахъ слова, не смотря на то, что тогдашній языкъ не могъ еще вполнѣ подчиниться эстетическимъ требованіямъ. Замѣтимъ, стороною, что пребываніе Богдановича въ Дрезденѣ не мало содѣйствовало развитію его поэтическаго таланта. Намѣреваясь написать біографію Богдановича, Карамзинъ обратился къ родному брату поэта, и просилъ сообщить ему извѣстія о частной жизни автора «Душеньки»; кромѣ того біографъ пользовался нѣкоторыми анекдотами, слышанными имъ отъ лицъ, бывшихъ коротко знакомыми съ Богдановичемъ, въ особенности отъ Михаила Матвѣевича Хераскова, въ домѣ ко-

тораго жилъ Богдановичъ въ молодости. Но значительнѣйшая часть біографіи посвящена разбору «Душеньки», весьма удачному и рѣдкому въ то время. Богдановичъ, какъ извѣстно, при сочиненіи ея преимущественно пользовался сказкою Лафонтена. Карамзинъ сличаетъ произведенія двухъ различныхъ талантовъ и старается показать, кто кого превосходитъ, и въ чемъ именно. Такимъ образомъ, онъ разсматриваетъ всю поэму, отдавая преимущество попеременно, то Богдановичу, то Лафонтену.

Вотъ приговоръ, произнесенный Карамзинымъ надъ «Душенькою». «Лафонтеново твореніе, пишетъ онъ, полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а «Душенька» во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что ни какая гармоническая, цвѣтистая проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно не сбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня «Душенька»). Случаи не естественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны быть украшены всѣми хитростями искусства, чтобы занимать насъ повѣстью, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка разнообразными оборотами, измѣненіями тона; особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана «Душенька», и которые подобно англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ артиста. Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ поэму свою,

отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичъ писалъ ими и мы всѣ читали его».—Такъ въ свое время думалъ о «Душенькѣ» Карамзинъ.

Вторая критическая статья была—«Великій мужъ русской грамматики». Это особенный родъ критики на появившуюся въ 1802 г. русскую грамматику, изданную (и сочиненную) россійскою академіею. Здѣсь Карамзинъ въ особенности возстаетъ противъ опредѣленія классовъ глаголовъ по неокончательному наклоненію и противъ возведенія въ форму неокончательныхъ наклоненій такихъ глаголовъ, которые употребляются только во временахъ прошедшихъ или же въ сложномъ видѣ. По его мнѣнію, при классификаціи глаголовъ, надобно имѣть въ виду не неокончательное наклоненіе, а третье лицо настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. Вотъ его слова. «Всѣ глаголы , которые въ настоящемъ времени, въ третьемъ лицѣ единственнаго числа кончатся на *итъ*, должны во множественномъ числѣ того же лица и времени оканчиваться на *ятъ* или *атъ* (*мчитъ*, *мчатъ; славитъ*, *славятъ*); другое же окончаніе единственнаго числа, съ буквою *е* вмѣсто *и*, перемѣняется во множественномъ всегда на *утъ* или *ютъ* (*владѣетъ, владѣютъ; лжетъ*, *лгутъ*)».—Нѣтъ, конечно, ни одного русскаго глагола, который бы уклонялся отъ этого правила, и этотъ законъ русскаго языка весьма счастливо подмѣченъ Карамзинымъ. Этимъ замѣчаніемъ воспользовался впослѣдствіи Гречъ, при сочиненіи своей русской грамматики.

Второе замѣчаніе относится къ нѣкоторымъ именамъ числительнымъ: «Если *имя числительное*, говоритъ Карамзинъ, не имѣетъ *рода* (какъ то: *два*, *пять*, *десять*, *семдесятъ*), то *существительное* должно быть съ нимъ въ одномъ *падежѣ*, и мы говоримъ: *въ шестидесяти рубляхъ*, а не *рублей;* когда же число имѣетъ *родъ* (на прим.: *пятокъ*, *десятокъ*, *сотня*, *тысяча*, *милліонъ*), то имя за нимъ слѣдующее должно быть

всегда въ *родительномъ падежѣ*, и надобно говорить: *тысячами рублей*, въ *милліонѣ душъ*, а не *тысячами рублями;* не въ *милліонѣ душахъ*. Когда же за тысячами или за милліономъ слѣдуетъ число *безродное*, то существительное принимаетъ его *падежъ*, и надобно писать: съ *двумя тысячами двадцатью гренадерами*, а не гренадеръ». — Впослѣдствіи это замѣчаніе Карамзина тоже употреблено въ дѣло.

Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что предлогъ *между*, который по академической грамматикѣ требуетъ падежа творительнаго, а не родительнаго, можетъ быть сочетанъ и съ родительнымъ, и можно смѣло писать «*между ясминовъ* и *лилей*».

Не смотря на то, что Карамзинъ не могъ имѣть систематическихъ познаній въ филологіи, онъ подмѣтилъ незамѣченные другими законы русскаго языка. — Желая сдѣлать свои замѣчанія «на грамматику россійской академіи» доступными для каждаго, онъ облекъ ихъ въ шутливую форму.

«О русской грамматикѣ Француза Модрю», статья критическая, въ которой между прочимъ высказаны мнѣнія Карамзина о церковно-слявянскомъ языкѣ и образованіи собственно русскаго языка. Карамзинъ говоритъ: «русскій языкъ есть славянскій, измѣненный временемъ, употребленіемъ и примѣсью нѣкоторыхъ чужихъ словъ». Далѣе: «авторы или переводчики нашихъ духовныхъ книгъ образовали языкъ ихъ совершенно по греческому, наставили вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго славянскаго. *Слово о полку Игоревѣ*, драгоцѣнный остатокъ его, доказываетъ, что онъ былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ. Несторъ зналъ уже, вѣроятно, по-гречески (!); къ тому же переписчики дозволяли себѣ поправлять слогъ его».

Въ то время, когда Карамзинъ писалъ «Мареу Посад-

ницу», смерть похитила обожаемую имъ супругу *. Съ блѣднымъ лицемъ, открытою головою, шелъ онъ около пятнадцати верстъ (отъ Свирлова до Донскаго монастыря) подлѣ печальной колесницы, положа руку на гробницу. Друзья подошли къ нему и предлагали мѣсто въ каретѣ. «Оставьте меня одного» — отвѣчалъ Карамзинъ — «приходите завтра, присутствіе ваше будетъ необходимо». — Онъ не могъ облегчить тогда душевной скорби слеземи: она изсушила ихъ! Видъ младенца, оставшагося на его попеченіи и убѣжденія дружбы заставили, наконецъ, несчастнаго отца взяться снова за перо.

Въ объявленіи Карамзина, писанномъ въ концѣ 1802 года, о продолженіи «Вѣстника Европы» на слѣдующій годъ, онъ представляетъ причины, почему критика не входила и не будетъ входить въ составъ его журнала:« Что принадлежитъ до критики новыхъ русскихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей литературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. Хорошая критика есть роскошь литературы, она раждается отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что нибудь къ общему *имѣнію*, нежели заняться его оцѣнкою. Впрочемъ не закаиваемся говорить иногда о *старыхъ* и *новыхъ* русскихъ книгахъ; только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть критиками» *.

Удивительно! Карамзинъ, который такъ смѣло выступилъ на поприще критики въ «Московскомъ Журналѣ», дѣлается нерѣшительнымъ и робкимъ, спустя десять лѣтъ, когда онъ уже имѣлъ гораздо болѣе опытности въ литературѣ!

* Н. М. Карамзинъ сочетался первымъ бракомъ съ Елисаветою Ивановною Протасовой, за которою взялъ въ приданое сто душъ крестьянъ.

* Вѣст. Евр. 1802 г., № 23., стр. 229—229.

Не смотря на успѣшное изданіе «Вѣстника Европы», Карамзинъ думалъ уже оставить его при началѣ втораго года.

Ему пришла мысль написать русскую исторію. Онъ открылся другу своему Дмитріеву и получилъ его одобреніе. «Но я человѣкъ частный», — говорилъ Карамзинъ Дмитріеву, — «безъ содѣйствія правительства не достигну желаемой цѣли; притомъ лишусь главныхъ доходовъ моихъ: двѣнадцати тысячъ рублей, которые приноситъ мнѣ Вѣстникъ Европы?» — «Ты ничего не потеряешь, трудясь для славы отечества», отвѣчалъ Дмитріевъ. — «Пиши только въ С. Петербургъ: я увѣренъ въ успѣхѣ . — «Тебѣ все представляется въ розовомъ видѣ», — сказалъ Карамзинъ съ досадою. Долго спорили они; наконецъ послѣдній долженъ былъ уступить убѣдительнымъ словамъ друга, и сказалъ: — «пожалуй, я напишу, но берегись, если откажутъ!»

Прилагаемъ письмо, въ которомъ онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи Михаилу Никитичу Муравьеву, бывшему тогда попечителемъ московскаго университета, товарищемъ министра, и однимъ изъ сановниковъ, окружавшихъ престолъ Императора Александра.

«Имѣя доказательства вашего ко мнѣ благорасположенія, а болѣе всего, увѣренный въ вашей любви ко славѣ отечества и русской словесности, беру смѣлость говорить вамъ о моемъ положеніи.

«Будучи весьма не богатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, принужденною работою пяти или шести лѣтъ, купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы—однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ «Вѣстника». Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ по-

спѣшной и срочной работы; но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6,000 р. доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ: то нельзя ли при случаѣ доложить Императору о моемъ намѣреніи написать исторію, не варварскую и не постыдную для Его царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣкогда Мармонтеля исторіографомъ и давали ему пенсію, хотя онъ и не писалъ исторіи: у насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, не много истинныхъ авторовъ. Если галиматья, подъ именемъ «Корифея», печатается на счетъ казны; если переводъ Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ правительства: то для чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже извѣстнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностію къ славѣ отечества? хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время надѣюсь управиться съ исторіею, и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная исторія и публика не оставили бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною для таланта.

«Сказавъ все и вручивъ вамъ судьбу моего авторства, остаюсь въ ожиданіи вашего снисходительнаго отвѣта. Другаго человѣка я не обременилъ бы такою просьбою; но васъ знаю, не боюсь показаться вамъ смѣшнымъ. Вы же нашъ попечитель.— Господинъ Чеботаревъ, ректоръ, предложилъ мнѣ быть членомъ московскаго университета: честь, которою я

достойныхъ гражданъ правомъ избранія въ общественныя должности (par les listes de notabilité) ,и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи демократію, монархъ-консулъ оправдываетъ дѣло судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія. Многіе политики боятся рѣшительно вліянія Франціи на участь Европы. «Мы вѣримъ миролюбію и благоразумію консула Бонапарте , говорятъ они: вѣримъ, что онъ не возмутитъ спокойствія державъ и будетъ заниматься только внутреннимъ благомъ государства; но когда другой со временемъ заступитъ его мѣсто, и не будучи подобно ему насыщенъ воинскою славою, захочетъ лавровъ, имѣя въ своихъ рукахъ Францію и еще три республики, которыя непремѣнно должны отъ нее зависѣть: что будетъ тогда съ Европою, по крайней мѣрѣ съ Германіею и Италіею?». Сей страхъ не совсѣмъ основателенъ, замѣчаетъ Карамзинъ. Союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи можетъ всегда ограничивать внѣшнія дѣйствія Франціи (не забудьте, что это было писано въ 1802 году) и противоборствовать всякому злоупотребленію силъ ея. На одной сторонѣ сіи четыре державы, а на другой Французская республика, Голландская, Швейцарская и Цизальпинская».

Дальновидный русскій публицистъ тотчасъ рѣшилъ, какъ должна будетъ дѣйствовать Европа, если Франція вздумаетъ нарушить всеобщее спокойствіе. Мысль его геніяльная; это доказывается тѣмъ, что въ послѣдствіи, когда гаданія Англіи оправдались, Европа поступила именно такъ, какъ предсказывалъ Карамзинъ.

Изъ «Всеобщаго обозрѣнія» Карамзина видимъ также, что мысль континентальной системы принадлежитъ Императору Павлу (Наполеону же только дальнѣйшее ея развитіе), ко-

торый хотѣлъ обуздать честолюбіе Англіи, закрытіемъ всѣхъ портовъ для ея кораблей *.

Изъ статей политическаго содержанія, принадлежащихъ Карамзину, замѣчательнѣйшія: «Письма Сельскаго Жителя» **, «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» *** и др.

Во второй статьѣ, Карамзинъ между прочимъ говоритъ о результатахъ французской революціи. Вотъ его слова: «Революція, пишетъ онъ, объяснила идеи; она намъ показала: что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы моральному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена ни какою силою ума, что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости властей, должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя».

Не осталось ни одного современнаго вопроса, который не обращалъ бы на себя вниманія Карамзина и не вызвалъ его мнѣнія, или совѣта, которые всегда были весьма умѣренны и снисходительны. Имѣя кроткій нравъ, онъ желалъ улучшеній естественныхъ, постепенныхъ, мирныхъ, проистекающихъ отъ взаимнаго согласія, отъ лучшаго направленія; онъ не хотѣлъ нарушать ничьего спокойствія, не оскорблять ничьего самолюбія, не возбуждать ничьей непріязни, не приносить въ жертву ни какихъ мнѣній.—Таковъ

* Вѣстн. Евр. 1802 г. № 1, стр. 74.

** Ibid. 1803 г.

*** Ibid. 1802 г. № 12.

былъ его характеръ, такъ настроенъ былъ его умъ, такъ расположены были его чувства, и никто не имѣетъ права осудить писателя за его доброе и чувствительное сердце.

Отдѣлъ словесности «Вѣстника Европы» былъ очень богатъ, если взять во вниманіе требованія тогдашней русской публики. Изъ самаго названія журнала видно, что Карамзинъ хотѣлъ знакомить Русскихъ съ развитіемъ литературы и политики Европы. По этому, при изданіи «Вѣсника», онъ руководствовался лучшими нѣмецкими *, французскими ** и англійскими *** журналами, и дѣлалъ извлеченія изъ лучшихъ сочиненій, появлявшихся тогда преимущественно во Франціи. Однимъ словомъ «Вѣстникъ» содержалъ въ себѣ выборъ всего лучшаго изъ европейскихъ журналовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ статьи историческія и литературныя, открытія въ наукахъ и искуствахъ, извѣстія объ ученыхъ и литературныхъ знаменитостяхъ.... Все это Карамзинъ переводилъ большею частью одинъ ****. Несмотря на то онъ находилъ еще время писать иногда стихотворенія и оригинальныя статьи, которыя наполняли отдѣлъ литературы. Статьи эти были большею частью уже историческаго содержанія,

* Напр. Архенгольцова «Минерва», «Нѣмецкій Политическій Журналъ» и др.

** Gazette de France, Magasin des modes, Décade, Moniteur, Journal de Paris, Spectateur du Nord, Nouvelle Bibliothèque fransaise, Bibliothéque Britannique, Courier de Londres и др.

*** Univer. Cronicle; European-Magazine и др.

**** Какъ самъ онъ говоритъ въ концѣ 19 № Вѣст. Европ. 1803 г. Изъ трудовъ постороннихъ лицъ мы здѣсь: встрѣчаемъ «Письмо изъ Геттингена» молодаго А. И. Тургенева (Вѣст Ев. 1803 № 12); «Письмо изъ чужихъ краевъ», В. Пушкина (ibidem № 14 и 20) и начало «Вадима Новгородскаго» (ibid. № 23 и 24), В. А. Жуковскаго, первый его литературный опытъ — порожденіе «Мареы Посадницы»; но изъ этого опыта можно было предвидѣть чего Россія могла ожидать отъ Жуковскаго. Онъ тоже переводилъ иногда для Карамзина нѣкоторые отрывки изъ разныхъ журналовъ (Вѣст. Ев. № 24 стр. 238).

за исключеніемъ весьма немногихъ, посвященныхъ изящной словесности, литературнымъ и ученымъ извѣстіямъ. Изъ историческихъ его статей, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» замѣчательны: «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича *», «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицкой Лаврѣ **», «Русская старина***», и «О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ ****».

Бросимъ бѣглый взглядъ на достоинство историческихъ статей Карамзина, и сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія.

Статья «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича» занимаетъ первое мѣсто въ ряду историческихъ опытовъ Карамзина. Въ ней уже замѣтно много навыка, искуства и знанія, необходимыхъ для народнаго историка. Карамзинъ изучилъ это событіе по иностраннымъ писателямъ (писавшимъ о Россіи), потому что русскіе источники объ этомъ произшествіи — записки современниковъ,— едва были извѣстны въ его время. Никто изъ современниковъ Карамзина не былъ въ состояніи изложить это событіе съ такою легкостію и занимательностію.

«Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Тройцѣ».

До появленія этой статьи памятники историческихъ событій, произходившихъ въ окрестностяхъ Москвы были совершенно забыты. Карамзинъ, оброзрѣвъ нѣкоторые изъ нихъ, возобновилъ въ памяти своихъ соотечественниковъ историческое ихъ значеніе, первый познакомилъ насъ съ древними остатками нашей славы. Читая разсказы Карамзина, не-

* Вѣст. Европы. 1803 г. № 18.
** Ibid, 1802 г.
*** Ibid. 1803 г. № 20 и 21.
**** Ibid, 1802 г. № 24.

вольно приходитъ на мысль, что настоящая сфера его таланта — путевыя записки: здѣсь онъ неподражаемъ. Въ статьѣ этой, онъ сначала говоритъ о селѣ Алексѣевскомъ, любимомъ мѣстопребываніи царя Алексѣя Михайловича, Ростокинѣ, Тайнинскомъ, Пушкиномъ и Воздвиженскомъ; потомъ описываетъ всѣ достопримѣчательныя мѣста Троицко-Сергіевской лавры, преимущественно въ историческомъ отношеніи, но болѣе всего думаетъ въ слухъ о дѣлахъ Бориса, подойдя къ палаткѣ, гдѣ погребено все семейство Годуновыхъ. Тутъ Карамзинъ борется съ самимъ собою: ему хотѣлось бы оправдать несчастнаго Бориса, но жаль и царевича Димитрія. Какъ соединить добродѣтель съ порокомъ въ одномъ нравственномъ существѣ?... Статья эта и потому еще важна, что Карамзинъ не ограничивается повѣствованіемъ лѣтописей при осужденіи Бориса; онъ слушаетъ также и сказанія иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи въ управленіе Годунова. Словомъ, статья эта и теперь еще имѣетъ литературное значеніе.

«Русская старина», статейка не чуждая интереса; она заключаетъ въ себѣ выписки изъ иностранныхъ писателей XVI и XVII столѣтія о Россіи. Здѣсь встрѣчаемъ извѣстія о мѣстности древней Москвы, о нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ, въ означенныхъ столѣтіяхъ. Герберштейнъ, Олеарій, Маржеретъ, Мартинъ Бэръ и другіе служили Карамзину источникомъ. Изъ этого видно, что онъ первый обратилъ особенное вниманіе на сказаніе иностранцевъ о Россіи и приступилъ къ основательному изученію этихъ источниковъ.

«О Тайной Канцеляріи». Здѣсь Карамзинъ опровергаетъ мнѣніе Левека и Шлёцера, будто бы тайная канцелярія учреждена АлексѣемъМихайловичемъ. Опровергнувъ прежде мнѣніе Левека, авторъ обращается къ Шлецеру и говоритъ: «Гораздо важнѣе то, что г. Шлецеръ, бывшій нѣ-

сколько лѣтъ профессоромъ русской исторіи въ нашей академіи (иностранецъ профессоръ русской исторіи!!) шутя надъ Левекомъ, и называя его не *историкомъ*, а *граверомъ-Левекомъ*, также приписываетъ учрежденіе тайной канцеляріи Алексѣю Михайловичу. «Ужасъ ея, говоритъ онъ (т. е. Шлецеръ), такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи прервались въ царствованіе сего государя (!)». Затѣмъ Карамзинъ доказываетъ, что тайная канцелярія учреждена не Алексѣемъ Михайловичемъ, и что объ этомъ не упоминаетъ ни одинъ иностранецъ, писавшій о Россіи. Мы видимъ, что Карамзину уже извѣстны были сочиненія Олеарія, Мейерберга и др. Сказавъ это Карамзинъ продолжаетъ: «гдѣ же страхъ, произведенный тайною канцеляріею! Гдѣ онѣмѣніе лѣтописцевъ! спрашиваемъ у г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ 59 страницу и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности исторіи русской». Далѣе, Карамзинъ пишетъ, что точно, у Алексѣя Михайловича была *тайная канцелярія*, но не въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Татищевъ, и что слово *тайная* значило *домашняя* или *приватная*, въ вѣдѣніи которой находились дѣла экономическія или государевыхъ имуществъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что «Татищевъ догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописью Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ».

Здѣсь же встрѣчаемъ и первое мнѣніе Карамзина о нашихъ лѣтописцахъ. Онъ говоритъ: «Лѣтописцы наши не Тациты: они разсказывали только блестящія дѣла царей — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и прочее. — Однако жъ мы

обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ—и въ послѣдствіи исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріяловъ. Кто у насъ думалъ заготовить ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы?»

«О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ». Изъ этой статьи видно, что Карамзинъ уже ознакомился съ красотами русской исторіи и замѣтилъ самыя разительныя изъ нихъ. Онъ предлагаетъ сюжеты для историческихъ картинъ, но вопросъ заключается въ томъ, могли ли онѣ быть воспроизведены нашими тогдашними художниками, и могутъ ли онѣ быть выполнены даже теперь?

Истинному художнику достаточно одной мысли,—справедливо: но вѣдь онъ долженъ выразить ее въ соотвѣтственныхъ ей формахъ. Всякому живописцу, а тѣмъ болѣе историческому, нужно подробное знаніе эпохи, изъ которой заимствованъ сюжетъ. Фантазія должна приближаться къ истинѣ и вѣроятности, въ противномъ случаѣ, художественное произведеніе дѣлаетея смѣшнымъ и жалкимъ въ глазахъ знатока дѣла. Не такъ однакожъ думалъ Карамзинъ, онъ пишетъ: «Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало россійской исторіи (прекрасное желаніе!) т. е. призваніе варяжскихъ князей въ славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить трехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, которая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляетъ ихъ говорить Несторъ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ совѣтуются между собою. Нѣко-

торые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею, другіе узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ варяжскихъ князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Художникъ отличитъ лица славянскія отъ варяжскихъ: первыя должны быть нынѣшнія русскія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять шведскія, норвежскія или датскія. Варяги были Норманны: симъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель».

А гдѣ же костюмы; въ чемъ состояло различіе одежды Славянъ отъ одежды Норманновъ? Объ этомъ-то важномъ условіи въ картинѣ, Карамзинъ не подумалъ. Къ сожалѣнію иногда даже и геніальные литераторы бываютъ посредственные знатоки искуствъ. Фантазія можетъ насъ подарить самыми прекрасными образами, но эти образы прекрасны только безотчетно: начните переносить ихъ на бумагу или полотно — въ дѣйствительный міръ, и вы встрѣтите тысячу препятствій. Вообще для насъ довольно странно, какъ Карамзинъ , писавшій всегда со вкусомъ и знаніемъ своего дѣла, могъ въ то же время написать статью, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о сущности исторической живописи!

Изъ литературныхъ статей Карамзина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», первое мѣсто принадлежитъ «Марѳѣ Посадницѣ». Она затмѣваетъ все остальное. Потомъ встрѣчаемъ «Рыцаря нашего времени», въ которомъ Карамзинъ началъ было описывать свою жизнь; однакожъ нельзя считать истиною разные анекдоты, которые встрѣчаемъ въ этомъ романѣ, о чемъ говорено было въ первой главѣ.

Остальныя статьи Карамзина, помѣщенныя въ «Вѣстникѣ

Европы»: «Моя исповѣдь» *, «Чувствительный и холодный» ** и «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

Посмотримъ какъ рѣшаетъ Карамзинъ послѣдній вопросъ.

«Не въ климатѣ, говоритъ онъ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Русскихъ надобно искать отвѣтъ на вопросъ: «для чего у насъ рѣдки хорошіе писатели». — Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно раскрыться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственное, такъ-называемое дарованіе — т. е. какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованный логикою, тонкій вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего! — Русскій кандидатъ авторства, не довольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ».

Послѣ этого Карамзинъ пишетъ, что для образованія авторскаго таланта необходимо знать свѣтъ, т. е. посѣщать лучшее общество, которое для многихъ писателей его времени было не доступно. Далѣе, что для образованія языка наше лучшее общество должно отказаться отъ употребленія французскаго языка и говорить на отечественномъ, и въ особенности совѣтуетъ это прекрасному полу, который имѣетъ большое вліяніе на образованіе языка разговорнаго.

Приведемъ еще слова Карамзина о геніи: «Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или генія, говоря, что онъ *терпѣніе въ превосходной степени.* Но если хорошенько подумаемъ, то едва-ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія геній не

* Сатира на тогдашнія странныя обыкновенія нашей знати.

** Два характера, изображены не дурно.

можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства;* охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта».

Авторъ заключаетъ статью слѣдующими словами: «Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельствъ и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ поэтомъ. Склонность къ литературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоды въ жизни».

=

ГЛАВА IX.

—

Обратимся къ «Мареѣ Посадницѣ».

Карамзинъ написалъ «Мареу Посадницу или покореніе Новгорода» въ 1802 году, назвавъ это произведеніе историческою повѣстью. Мы уже прежде видѣли покушеніе Карамзина испытать свои силы въ этомъ родѣ литературы, послѣ чего, цѣлыхъ 10 лѣтъ онъ не рѣшался приступать къ нему вторично. Можно бы сказать, что Карамзинъ, сознавая недостатокъ своихъ свѣдѣній въ древней русской жизни и характеровъ историческихъ лицъ, обратился къ изученію отечественной исторіи, и запасшись множествомъ необходимыхъ матеріаловъ, рѣшился еще разъ написать историческую повѣсть, избравъ предметомъ: Мареу, посадницу новгородскую. Но чѣмъ болѣе Карамзинъ изучалъ отечественную исторію, тѣмъ яснѣе чувствовалъ недостатокъ матеріяловъ для избраннаго имъ рода повѣсти. Изучая современную западную литературу, Карамзинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ лучшимъ ея произведеніямъ, и наконецъ самъ хотѣлъ подражать имъ. Онъ обратился къ исторіи Новгорода, которая такъ часто восхищала его, избралъ Мареу, и разсказываетъ ея исторію. Какъ повѣсть, «Мареа Посадница» не имѣетъ ни какого достоинства. Но это и не исторія, потому

что въ ней строгая историческая достовѣрность принесена въ жертву литературнымъ красотамъ. Марѳа, неопредѣленное явленіе въ области изящной литературы, въ свое время считалась собраніемъ красотъ русскаго ораторства, котораго представителемъ былъ Карамзинъ.

Прочитавъ «Марѳу Посадницу» мы видимъ, что Карамзину оставалось избрать историческое поприще. Онъ и самъ понималъ свое призваніе.

«Марѳа Посадница» была перепечатываема нѣсколько разъ; она извѣстна каждому Русскому, сколько нибудь знакомому съ отечественною литературой.

Въ предисловіи къ «Марѳѣ Посадницѣ» Карамзинъ говоритъ: «Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ русской исторіи. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую къ своей державѣ: хвала ему!»

Карамзинъ не хотѣлъ выдавать «Марѳы» за собственное произведеніе; по этому-то онъ и говоритъ въ предисловіи: «Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и —сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знаменитыхъ Новгородцевъ, переселенныхъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя произшествія согласны съ исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни отдаютъ справедливость великому уму Марѳы Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати) быть Катономъ своей республики».

«Кажется, продолжаетъ Карамзинъ, что старинный авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣко-

торыхъ случаевъ кровь новгородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе, данное имъ фанатизму Мароы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только «страстную», пылкую, умную, а не великую и добродѣтельную женщину».

Въ отдѣлѣ литературы Вѣстника Европы мы встрѣчаемъ и стихотворенія, но не въ такомъ множествѣ, какъ въ «Московскомъ журналѣ».

Державинъ, Дмитріевъ и другіе не писали болѣе мелкихъ стиховъ для публики, а если и писали, то изрѣдка: они уже были тогда людьми сановитыми и не имѣли времени заниматься стишками. Въ первомъ году существованія «Вѣстника» явилось нѣсколько стихотвореній Карамзина, В. Пушкина, Державина классическое «Утро», Дм. Б., Дмитріева подъ ***, В. А. Жуковскаго, Сельское кладбище», Греева элегія (перев. съ англійскаго), въ которой молодой авторъ обѣщалъ много), и Ник. Остолопова. Во второмъ году, стихотворенія попадаются еще рѣже. Тутъ встрѣчаемъ плоды вдохновенія кн. Шаликова, Владиміра Измайлова, В. Пушкина, Ю. Н.-М., Ал. Палицына, гр. Дмитрія Хвостова, С. Андреева и Подшивалова. Чаще всего помѣщались очень недурныя стихотворенія, означенныя тремя звѣздочками, кажется—Дмитріева, которому тогда уже не хотѣлось подписывать своей фамиліи подъ мелкими пьесами.

«Вѣстникъ Европы не подлежитъ сравненію какъ съ прочими тогдашними періодическими изданіями, такъ равно и съ позднѣйшими журналами. Имъ былъ сдѣланъ довольно значительный шагъ впередъ въ русской журналистикѣ. Карамзина можно упрекнуть только въ томъ, что онъ пренебрегъ библіографіею, критикою и разборомъ театральныхъ піесъ, придававшими столько интересу и жизни «Московскому Журналу». Въ его время, и въ его рукахъ, критика была важнымъ средствомъ, чтобъ подвинуть нашу литературу впередъ. Ему

подражали почти всѣ молодые писатели, и сверхъ того онъ былъ любимѣйшій авторъ нашей тогдашней публики. Но Карамзинъ, вѣроятно, не хотѣлъ дѣлать себѣ враговъ и потому пренебрегъ этимъ важнѣйшимъ отдѣломъ журнала. Въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ только одинъ разъ упоминаетъ о важнѣйшихъ сочиненіяхъ иностранной литературы и о двухъ пустѣйшихъ русскихъ переводахъ.

Къ критическимъ статьямъ, встрѣчающимся въ «Вѣстникѣ» и принадлежащимъ Карамзину, можно отнести: «Біографію Богдановича»; разборъ грамматики, изданной россійскою академіею, которому критикъ далъ названіе «Великій мужъ русской грамматики» и разборъ «Русской грамматики Француза Модрю».

Статья о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ, показываетъ, что Карамзинъ могъ быть хорошимъ критикомъ, и умѣлъ вѣрно оцѣнивать каждое литературное произведеніе въ эстетическомъ отношеніи. Какъ біографъ, онъ весьма удачно развиваетъ причины, имѣвшія вліяніе на образованіе таланта Богдановича; однакожъ, при всей своей проницательности критикъ забылъ сказать, что уже одно великолѣпное царствованіе Екатерины могло подать поэту мысль для его «Душеньки», выраженной въ нѣжныхъ и роскошныхъ формахъ слова, не смотря на то, что тогдашній языкъ не могъ еще вполнѣ подчиниться эстетическимъ требованіямъ. Замѣтимъ, стороною, что пребываніе Богдановича въ Дрезденѣ не мало содѣйствовало развитію его поэтическаго таланта. Намѣреваясь написать біографію Богдановича, Карамзинъ обратился къ родному брату поэта, и просилъ сообщить ему извѣстія о частной жизни автора «Душеньки»; кромѣ того біографъ пользовался нѣкоторыми анекдотами, слышанными имъ отъ лицъ, бывшихъ коротко знакомыми съ Богдановичемъ, въ особенности отъ Михаила Матвѣевича Хераскова, въ домѣ ко-

тораго жилъ Богдановичъ въ молодости. Но значительнѣйшая часть біографіи посвящена разбору «Душеньки», весьма удачному и рѣдкому въ то время. Богдановичъ, какъ извѣстно, при сочиненіи ея преимущественно пользовался сказкою Лафонтена. Карамзинъ сличаетъ произведенія двухъ различныхъ талантовъ и старается показать, кто кого превосходитъ, и въ чемъ именно. Такимъ образомъ, онъ разсматриваетъ всю поэму, отдавая преимущество поперемѣнно, то Богдановичу, то Лафонтену.

Вотъ приговоръ, произнесенный Карамзинымъ надъ «Душенькою». «Лафонтеново твореніе, пишетъ онъ, полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а «Душенька» во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣтокорыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что ни какая гармоническая, цвѣтистая проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно не сбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня «Душенька»). Случаи не естественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны быть украшены всѣми хитростями искусства, чтобы занимать насъ повѣстью, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка разнообразными оборотами, измѣненіями тона; особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана «Душенька», и которые подобно англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ артиста. Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ поэму свою,

отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичъ писалъ ими и мы всѣ читали его».—Такъ въ свое время думалъ о «Душенькѣ» Карамзинъ.

Вторая критическая статья была—«Великій мужъ русской грамматики». Это особенный родъ критики на появившуюся въ 1802 г. русскую грамматику, изданную (и сочиненную) россійскою академіею. Здѣсь Карамзинъ въ особенности возстаетъ противъ опредѣленія классовъ глаголовъ по неокончательному наклоненію и противъ возведенія въ форму неокончательныхъ наклоненій такихъ глаголовъ, которые употребляются только во временахъ прошедшихъ или же въ сложномъ видѣ. По его мнѣнію, при классификаціи глаголовъ, надобно имѣть въ виду не неокончательное наклоненіе, а третье лицо настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. Вотъ его слова. «Всѣ глаголы , которые въ настоящемъ времени, въ третьемъ лицѣ единственнаго числа кончатся на *итъ*, должны во множественномъ числѣ того же лица и времени оканчиваться на *ятъ* или *атъ* (*мчитъ*, *мчатъ; славитъ*, *славятъ*); другое же окончаніе единственнаго числа, съ буквою *е* вмѣсто *и*, перемѣняется во множественномъ всегда на *утъ* или *ютъ* (*владѣетъ*, *владѣютъ; лжетъ*, *лгутъ*)».—Нѣтъ, конечно, ни одного русскаго глагола, который бы уклонялся отъ этого правила, и этотъ законъ русскаго языка весьма счастливо подмѣченъ Карамзинымъ. Этимъ замѣчаніемъ воспользовался впослѣдствіи Гречъ, при сочиненіи своей русской грамматики.

Второе замѣчаніе относится къ нѣкоторымъ именамъ числительнымъ: «Если *имя числительное*, говоритъ Карамзинъ, не имѣетъ *рода* (какъ то: *два*, *пять*, *десять*, *семдесятъ*), то *существительное* должно быть съ нимъ въ одномъ *падежѣ*, и мы говоримъ: *въ шестидесяти рубляхъ*, а не *рублей;* когда же число имѣетъ *родъ* (на прим.: *пятокъ*, *десятокъ*, *сотня*, *тысяча*, *милліонъ*), то имя за нимъ слѣдующее должно быть

всегда въ *родительномъ падежѣ*, и надобно говорить: *тысячами рублей*, въ *милліонѣ душъ*, а не *тысячами рублями;* не въ *милліонѣ душахъ*. Когда же за тысячами или за милліономъ слѣдуетъ число *безродное*, то существительное принимаетъ его *падежъ*, и надобно писать: съ *двумя тысячами двадцатью гренадерами,* а не гренадеръ». — Впослѣдствіи это замѣчаніе Карамзина тоже употреблено въ дѣло.

Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что предлогъ *между*, который по академической грамматикѣ требуетъ падежа творительнаго, а не родительнаго, можетъ быть сочетанъ и съ родительнымъ, и можно смѣло писать «*между ясминовъ* и *лилей*».

Не смотря на то, что Карамзинъ не могъ имѣть систематическихъ познаній въ филологіи, онъ подмѣтилъ незамѣченные другими законы русскаго языка. — Желая сдѣлать свои замѣчанія «на грамматику россійской академіи» доступными для каждаго, онъ облекъ ихъ въ шутливую форму.

«О русской грамматикѣ Француза Модрю», статья критическая, въ которой между прочимъ высказаны мнѣнія Карамзина о церковно-слявянскомъ языкѣ и образованіи собственно русскаго языка. Карамзинъ говоритъ: «русскій языкъ есть славянскій, измѣненный временемъ, употребленіемъ и примѣсью нѣкоторыхъ чужихъ словъ». Далѣе: «авторы или переводчики нашихъ духовныхъ книгъ образовали языкъ ихъ совершенно по греческому, наставили вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго славянскаго. *Слово о полку Игоревѣ*, драгоцѣнный остатокъ его, доказываетъ, что онъ былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ. Несторъ зналъ уже, вѣроятно, по-гречески (!); къ тому же переписчики дозволяли себѣ поправлять слогъ его».

Въ то время, когда Карамзинъ писалъ «Мароу Посад-

ницу», смерть похитила обожаемую имъ супругу *. Съ блѣднымъ лицемъ, открытою головою, шелъ онъ около пятнадцати верстъ (отъ Свирлова до Донскаго монастыря) подлѣ печальной колесницы, положа руку на гробницу. Друзья подошли къ нему и предлагали мѣсто въ каретѣ. «Оставьте меня одного» — отвѣчалъ Карамзинъ — «приходите завтра, присутствіе ваше будетъ необходимо». — Онъ не могъ облегчить тогда душевной скорби слеземи: она изсушила ихъ! Видъ младенца, оставшагося на его попеченіи и убѣжденія дружбы заставили, наконецъ, несчастнаго отца взяться снова за перо.

Въ объявленіи Карамзина, писанномъ въ концѣ 1802 года, о продолженіи «Вѣстника Европы» на слѣдующій годъ, онъ представляетъ причины, почему критика не входила и не будетъ входить въ составъ его журнала:« Что принадлежитъ до критики новыхъ русскихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей литературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. Хорошая критика есть роскошь литературы, она раждается отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что нибудь къ общему *имѣнію*, нежели занятся его оцѣнкою. Впрочемъ не закаиваемся говорить иногда о *старыхъ* и *новыхъ* русскихъ книгахъ; только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть критиками» *.

Удивительно! Карамзинъ, который такъ смѣло выступилъ на поприще критики въ «Московскомъ Журналѣ», дѣлается нерѣшительнымъ и робкимъ, спустя десять лѣтъ, когда онъ уже имѣлъ гораздо болѣе опытности въ литературѣ!

* Н. М. Карамзинъ сочетался первымъ бракомъ съ Елисаветою Ивановною Протасовой, за которою взялъ въ приданое сто душъ крестьянъ.

* Вѣст. Евр. 1802 г., № 23., стр. 229—229.

Не смотря на успѣшное изданіе «Вѣстника Европы», Карамзинъ думалъ уже оставить его при началѣ втораго года.

Ему пришла мысль написать русскую исторію. Онъ открылся другу своему Дмитріеву и получилъ его одобреніе. «Но я человѣкъ частный», — говорилъ Карамзинъ Дмитріеву, — «безъ содѣйствія правительства не достигну желаемой цѣли; притомъ лишусь главныхъ доходовъ моихъ: двѣнадцати тысячъ рублей, которые приноситъ мнѣ Вѣстникъ Европы?» — «Ты ничего не потеряешь, трудясь для славы отечества», отвѣчалъ Дмитріевъ. — «Пиши только въ С. Петербургъ: я увѣренъ въ успѣхѣ». — «Тебѣ все представляется въ розовомъ видѣ», — сказалъ Карамзинъ съ досадою. Долго спорили они; наконецъ послѣдній долженъ былъ уступить убѣдительнымъ словамъ друга, и сказалъ: — «пожалуй, я напишу, но берегись, если откажутъ!»

Прилагаемъ письмо, въ которомъ онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи Михаилу Никитичу Муравьеву, бывшему тогда попечителемъ московскаго университета, товарищемъ министра, и однимъ изъ сановниковъ, окружавшихъ престолъ Императора Александра.

«Имѣя доказательства вашего ко мнѣ благорасположенія, а болѣе всего, увѣренный въ вашей любви ко славѣ отечества и русской словесности, беру смѣлость говорить вамъ о моемъ положеніи.

«Будучи весьма не богатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, принужденною работою пяти или шести лѣтъ, купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы—однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ «Вѣстника». Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ по-

спѣшной и срочной работы; но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6,000 р. доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ: то нельзя ли при случаѣ доложить Императору о моемъ намѣреніи написать исторію, не варварскую и не постыдную для Его царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣкогда Мармонтеля исторіографомъ и давали ему пенсію, хотя онъ и не писалъ исторіи: у насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, не много истинныхъ авторовъ. Если галиматья, подъ именемъ «Корифея», печатается на счетъ казны; если переводъ Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ правительства: то для чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже извѣстнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностію къ славѣ отечества? хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время надѣюсь управиться съ исторіею, и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная исторія и публика не оставили бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною для таланта.

«Сказавъ все и вручивъ вамъ судьбу моего авторства, остаюсь въ ожиданіи вашего снисходительнаго отвѣта. Другаго человѣка я не обременилъ бы такою просьбою; но васъ знаю, не боюсь показаться вамъ смѣшнымъ. Вы же нашъ попечитель.— Господинъ Чеботаревъ, ректоръ, предложилъ мнѣ быть членомъ московскаго университета: честь, которою я

вамъ обязанъ, и за которую изъявляю искреннюю благодарность.—Университетъ оживился. Публичныя лекціи привлекаютъ многихъ слушателей и безъ сомнѣнія распространяютъ вкусъ къ наукамъ» (М., 28 сент. 1803 г.).

Получивъ это письмо, М. Н. Муравьевъ доложилъ объ этомъ намѣреніи Карамзина Государю.

Императоръ Александръ, одобривъ мысль Карамзина, велѣлъ ежегодно выдавать ему изъ Кабинета, по 2,000 рублей *. Сумма эта была весьма важнымъ пособіемъ для Карамзина, который могъ теперь вполнѣ посвятить себя любимому предмету, отечественной исторіи. Признательный къ М. Н. Муравьеву, Карамзинъ высказалъ ему свою благодарность въ слѣдующемъ письмѣ:

«Вамъ единственно, писалъ онъ, — обязанъ я милостію Государя и способомъ заниматься такимъ дѣломъ, которое можетъ быть славно для меня и не безславно для Россіи; къ сему одолженію вы присоединили еще всю нѣжность души кроткой, чувствительной, и тѣмъ возвысили цѣну его...Какъ вамъ пріятно дѣлать добро, такъ сердцу моему сладостно быть на вѣки благодарнымъ.

«Прошу васъ, милостивый государь, изъявить великодушному Монарху усердную и благоговѣйную признательность одного изъ Его вѣрнѣйшихъ подданныхъ, который посвятитъ всю жизнь свою на оправданіе Его благодѣянія.

«Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ предписалъ здѣшнему архиву иностранной коллегіи показывать мнѣ всѣ

* *Имянной указъ кабинету:* «Какъ извѣстный писатель, московскаго университета почетный членъ, Николай Карамзинъ, изъявилъ НАМЪ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной исторіи отечества нашего; то МЫ, желая ободрить его въ толь похвальномъ предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ исторіографа, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пансіона, изъ Кабинета Нашего», 31 окт. 1803 г.

бумаги, имѣющія отношеніе къ россійской исторіи; но желаю пользоваться и другими библіотеками, напримѣръ Древнею Патріаршею и Троицкою, гдѣ хранятся многія лѣтописи: не нужно ли будетъ общимъ Всемилостивѣйшимъ указомъ открыть для меня сіи источники? Иначе надзиратели библіотекъ едвали позволятъ мнѣ брать на домъ манускрипты» (М., 9 ноября 1803 г.).

Въ концѣ послѣдняго номера своего журнала Карамзинъ писалъ: «Сею книжкою заключается *Вѣстникъ Европы*, котораго я былъ издателемъ. Въ продолженіи его не буду имѣть никакого участія.

«Изъявляю публикѣ искреннюю мою признательность. Я работалъ охотно, видя число пренумерантовъ.— *Вѣстникъ* имѣлъ счастіе заслужить лестные отзывы самихъ иностранныхъ литераторовъ: многія русскія сочиненія переведены изъ него на нѣмецкій и французскій языкъ, и помѣщены въ журналахъ, издаваемыхъ на сихъ языкахъ.

«Милость нашего Императора доставляетъ мнѣ способъ отнынѣ совершенно посвятить себя дѣлу важному и безъ сомнѣнія трудному: время покажетъ, могъ ли я безъ дерзости на то отважиться.

О частной жизни Карамзина именно въ это время, мы можемъ судить только по двумъ сохранившимся письмамъ его къ брату. Въ первомъ онъ пишетъ: «Я нанялъ прекрасный сельскій домикъ, и въ прекрасныхъ мѣстахъ близъ Москвы; бываю по большей части одинъ, и когда здорова Софьюшка, то, не смотря на свою меланхолію, еще благодарю Бога. Сердце мое совсѣмъ почти отстало отъ свѣта. Занимаюсь трудами, во первыхъ для своего утѣшенія, а во вторыхъ и для того, чтобъ было чѣмъ жить и воспитывать малютку. Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня

столько денегъ, чтобъ жить безъ нужды, а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за труды важнѣйшіе: за русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству не дурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія. Будущее не наше! (Свирлово, 6 іюня 1803 г.).

Во второмъ письмѣ онъ говоритъ: «Не могу вообще жаловаться на свое здоровье, но зрѣніе мое слабѣетъ; это заставляетъ меня отказаться отъ журнала; но примусь за исторію, которая не требуетъ срочной работы» (Москва, 29 сентября 1803 г.).

Этимъ оканчивается осьмнадцатилѣтняя дѣятельность Карамзина на поприщѣ литературы. Въ продолженіе этого времени способности его развились во всемъ блескѣ. Карамзинъ очистилъ нашъ языкъ, освободилъ его изъ подъ такъ-называемаго классическаго вліянія, указалъ ему настоящій путь, обработалъ слогъ, обогатилъ нашу литературу своими сочиненіями; возбудилъ участіе къ трудамъ знаменитыхъ писателей, познакомилъ съ иностранными литературами, перевелъ множество произведеній съ новыхъ языковъ, распространилъ охоту къ чтенію, коснулся современныхъ вопросовъ, разсуждалъ самостоятельно о политикѣ Европы, возбудилъ участіе къ русской старинѣ и первый познакомилъ Русскихъ съ сказаніями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ. Этихъ заслугъ уже достаточно для славы писателя... Между-тѣмъ у Карамзина всѣ эти труды были только приготовленіемъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Съ этого времени начинается новый періодъ его дѣятельности, гораздо занимательнѣйшій для ума и души; съ этого времени мы будемъ смотрѣть на Карамзина, какъ на историка.

—

ГЛАВА X.

—

Получивъ Высочайшій рескриптъ, Карамзинъ оставилъ изданіе «Вѣстника Европы» и приступилъ къ историческому труду.

Приступая къ изложенію предварительныхъ историческихъ занятій Карамзина, скажемъ, въ какомъ положеніи вообще находились у насъ въ то время историческіе матеріалы.

Библіотеки наши (т. е. московскія) были въ безпорядкѣ; каталоговъ не существовало; лѣтописи и хронографы еще не подвергались ученому изслѣдованію, граматы были разсѣяны по всѣмъ русскимъ монастырямъ и архивамъ; древняя географія оставалась какою-то terra incognita, лѣтосчисленіе и генеалогія были перепутаны; о нумизматическихъ собраніяхъ не имѣли и понятія, равно какъ объ археологіи; всѣ наши сношенія съ сосѣдними государствами скрывались въ статейныхъ спискахъ; объ иностранныхъ лѣтописяхъ и о сказаніяхъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, никто и не слыхалъ; если же и было издано нѣсколько лѣтописей, то безъ всякой критики и отчетливости; нѣсколько историческихъ компиляцій, напечатанныя прежде, не облегчали, но скорѣе замедляли историческую работу; только вопросъ о Варягахъ былъ, болѣе или менѣе, удачно разсмотрѣнъ съ раз-

ныхъ сторонъ, и трудолюбивый Шлецеръ, напечатавъ первую часть своихъ изъясненій на Нестора, показалъ, какъ издавать лѣтописи.

Къ этому надобно еще прибавить, что Карамзинъ не получилъ строго-классическаго образованія, слегка зналъ древніе языки и не занимался историческою критикой. Передъ нимъ стояла хаотическая груда историческихъ памятниковъ, печатныхъ и письменныхъ. Карамзину предстояло все это изучить, изслѣдовать критически и послѣ того составить по нимъ свою исторію. Сколько потребно было времени только на одно приведеніе въ порядокъ и сличеніе этой громады фоліантовъ! Разсмотрѣніе и сличеніе однородныхъ матеріаловъ тоже требовало не мало терпѣнія.

Сначала Карамзинъ и самъ не зналъ всѣхъ предстоявшихъ ему трудностей. Онъ отказался отъ общества и въ уединеніи, вполнѣ посвятилъ себя дѣлу новому, многотрудному.

Первые три года онъ до того былъ погруженъ въ свой предметъ, что избѣгалъ всякаго посторонняго разговора, и наскучилъ даже своимъ друзьямъ. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ изслѣдованія, тѣмъ яснѣе видѣлъ всю непрочность своего положенія: препятствія, о которыхъ онъ и не воображалъ, останавливали его безпрестанно; тѣнь Шлецера преслѣдовала его повсюду. Карамзинъ нѣсколько разъ перемѣнялъ планъ своего труда; предлагалъ себѣ новыя задачи, жегъ, и снова по нѣскольку разъ переписывалъ первые томы. Часто онъ приходилъ даже въ отчаяніе, но непреклонная воля, соединенная съ удивительнымъ терпѣніемъ, давала ему возможность идти впередъ, разпутывая и разсѣкая узлы. До чего другой доходилъ послѣ двадцатилѣтняго опыта и при совѣтахъ ученыхъ обществъ, то Карамзинъ схватывалъ на-лету, усматривалъ съ перваго раза, предугадывалъ. Между-тѣмъ онъ безпрестанно обогащался историческими свѣдѣніями,

взглядъ его становился яснѣе, и онъ сказалъ въ письмѣ къ Муравьеву, что уже не боится «ферулы Шлецеровой».

Карамзинъ началъ знакомиться съ библіографіей русской исторіи и собирать историческія книги, и какъ ему дозволенъ былъ доступъ во всѣ библіотеки и архивы, то вскорѣ онъ ознакомился и съ рукописнымъ историческимъ міромъ.

Мы имѣемъ письмо Карамзина къ Муравьеву, въ которомъ онъ благодаритъ его, за исходатайствованіе ему разрѣшенія пользоваться архивами.

«Сердечно благодарю васъ, писалъ Карамзинъ, за трудъ, который вы взяли на себя, доложить Его Величеству о моемъ желаніи пользоваться архивомъ и монастырскими библіотеками. Хотя первый и былъ уже отворенъ для меня по благосклонному письму канцлера; но лучше имѣть право, нежели зависѣть отъ воли людей. Если Провидѣнію угодно, чтобы я съ честію совершилъ трудъ, мною предпринимаемый: то добрые Россіяне узнаютъ съ чувствительностію, что вы были великодушнымъ и единственнымъ покровителемъ автора, усерднаго ко славѣ отечества.

«Ваша милостивая ко мнѣ довѣренность обязываетъ меня быть искреннимъ: тѣмъ пріятнѣе мнѣ сказатъ, что мысль ваша имѣетъ уже счастливое дѣйствіе; что публичныя университетскія лекціи вообще имѣютъ успѣхъ, и что слушателей бываетъ довольно. Лекціи г-на Страхова, имѣя любопытную часть физики, нравятся болѣе другихъ. Не только многіе благородные молодые люди, но и лучшія здѣшнія дамы слушаютъ его съ удовольствіемъ; онъ же говоритъ ясно и съ довольною пріятностію. Молодой Шлецеръ обѣщаетъ быть достойнымъ сыномъ отца своего. Жаль только, что у насъ не многіе знаютъ нѣмецкій языкь; но тѣ которые слушаютъ и разумѣютъ его историческія лекціи, весьма ими довольны. Мнѣ остается еще выдать одну книжку «Вѣстника»: я съ сер-

дечнымъ удовольствіемъ скажу нѣсколько словъ о сей новой пользѣ московскаго университета, въ надеждѣ на благосклонное ко мнѣ расположеніе публики, съ которою мнѣ должно проститься на долгое время, а въ нѣкоторомъ смыслѣ и навсегда. Исторія удаляетъ насъ отъ современниковъ.

«Позвольте мнѣ, милостивый государь, изъявить вамъ благодарность и за Рихтера. Авторское мое самолюбіе обязано ему многими удовольствіями. Переводы его сдѣлали меня извѣстнымъ въ Германіи, въ Англіи и во Франціи (М., 24 декабря 1803 г.).

Сколькихъ трудовъ стоило Карамзину согласить всѣ противорѣчія древнихъ писателей и мнѣнія новыхъ, и написать первую главу исторіи, самую трудную: о древнихъ народахъ, обитавшихъ въ Россіи. Карамзинъ отовсюду собиралъ свѣдѣнія и употреблялъ ихъ въ дѣло, указывая матеріалы, служившіе ему основаніемъ. Сколько предстояло ему рѣшить вопросовъ важныхъ, требующихъ долговременнаго изученія, напряженнаго вниманія, и Карамзинъ обо всѣхъ ихъ высказалъ свое мнѣніе, часто вѣрное и новое. Сколько долженъ онъ былъ согласить и объяснить хронологическихъ разнорѣчій нашихъ лѣтописей съ иностранными. Кажется, будто всѣ описываемыя лица и событія были ему современны: съ такимъ умѣньемъ онъ располагаетъ ихъ во-время, каждое на своемъ мѣстѣ, — и въ продолженіе тридцати лѣтъ, протекшихъ послѣ «Исторіи Россійскаго Государства», въ ней еще не открыто важныхъ противорѣчій. Между-тѣмъ описательный талантъ Карамзина, его удивительный даръ слова мужали съ каждымъ томомъ, и только въ первыхъ томахъ, пока историкъ еще не освободился отъ теоріи, усвоенной имъ вмѣстѣ съ воспитаніемъ, встрѣчаются въ его трудѣ лица, взятыя изъ древней Россіи, которымъ прихоть писателя придала излишнюю важность, незаслуженное значеніе.

Примѣчанія, помѣщенныя Карамзинымъ въ концѣ каждаго тома, доказываютъ, что онъ, при каждомъ событіи, свѣрялъ мѣстность его со временемъ, означеннымъ въ лѣтописяхъ, а время съ мѣстностью (см. т. IX, прим. 612); равнымъ образомъ числа со днями недѣль, съ постами и праздниками, а эти послѣднія опять — съ числами (см. т. II, прим 301, и т. III, прим. 13, 80, 98, 122, 127, 133 и т. д.). Онъ повѣрялъ также истину событій явною ихъ вѣроятностію, возрастомъ лицъ, характеромъ вѣка, современными событіями въ другихъ странахъ, слогомъ лѣтописей и записокъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ заключается вторая исторія, составленная изъ подлинныхъ письменныхъ памятниковъ.

Карамзинъ сохранилъ многія выраженія лѣтописцевъ. Часто, для вѣрнѣйшей характеристики людей и вѣка, а иногда, желая произвесть бóльшее впечатлѣніе на читателя, онъ приводитъ обычныя тогда выраженія и названія предметовъ.

О ходѣ историческихъ занятій Карамзина въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ мы можемъ отчасти судить изъ писемъ его къ брату и къ М. Н. Муравьеву:

«Не вамъ, а мнѣ, писалъ Карамзинъ, должно быть признательнымъ, когда нѣсколько строкъ, написанныхъ мною о лекціяхъ, удостоились вашего лестнаго вниманія. Но вы уже пріучили меня къ благодарности.

«Теперь, раздѣлавшись съ публикою, занимаюсь единственно тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ исторіи. Архивъ иностранной коллегіи служитъ мнѣ великою помощію; скоро прибѣгну я къ монастырскимъ библіотекамъ, для сличенія разныхъ древнѣйшихъ лѣтописей. Вы дозволите мнѣ отъ времени до времени говорить вамъ объ успѣхѣ трудовъ моихъ (М., 18 февр. 1804 г.).

Въ этомъ же году Карамзинъ женился вторично и въ

іюнѣ писалъ къ брату: «Я самъ, любезный братъ, не могу хвалиться здоровьемъ, которое мнѣ нужно и для того, чтобы живо чувствовать счастье моего супружества и для моей пріятной, но трудной работы. Вы, по вашей дружбѣ ко мнѣ, берете участіе въ ея успѣхахъ: и такъ скажу вамъ, что я тружусь усердно, и если не совершу этой работы, то, по крайней мѣрѣ, не отъ лѣни. Можетъ быть, Богъ и наградитъ меня успѣхомъ. Пишу теперь вступленіе, т. е. краткую исторію Россіи и Славянъ до самаго того времени, съ котораго начинаются собственныя наши лѣтописи. Этотъ первый шагъ всего труднѣе; мнѣ надобно много читать и соображать. А тамъ опишу нравы, правленіе и религію Славянъ; послѣ сего начну обработывать русскія лѣтописи» (Ост., 8 іюня).

Въ половинѣ сентября Карамзинъ писалъ къ Муравьеву: «За пріятнѣйшую должность поставляю себѣ давать вамъ отчетъ въ моей работѣ. Я кончилъ теперь введеніе, которое состоитъ въ отвѣтѣ на вопросы: кто были древніе обитатели въ Россіи? Кто были наши предки Славяне, Варяги и Варяги — Русь? то есть, я дошелъ до временъ Рюрика, и могу сказать, что этотъ шагъ былъ самый труднѣйшій. Надлежало сообразить все, написанное Греками и Римлянами о нашихъ странахъ, отъ Геродота до Амміана Марцеллина; все написанное византійскими историками о Славянахъ и другихъ народахъ, которыхъ исторія имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ россійской. Не легко было также, сообразивъ все, предложить слѣдствіе кратко, просто и ясно; не сказать ничего лишняго, и не пропустить ничего существеннаго; всякое слово основать на историческомъ свидѣтельствѣ и вѣроятности, отличить отъ дѣйствительной истины. Описаніе физическаго и нравственнаго характера древнихъ Славянъ, ихъ

правленія и вѣры, составитъ второе отдѣленіе, которымъ уже занимаюсь, выбравъ матеріалы изъ византійскихъ лѣтописцевъ и другихъ, хотя отчасти позднѣйшихъ, однакожъ достовѣрныхъ авторовъ. Надѣюсь, если буду живъ и здоровъ, кончить эту статью нынѣшнею зимою; и тогда уже приступлю къ дѣйствительной россійской исторіи, къ описанію правленія князей варяжскихъ въ пашемъ отечествѣ. Однимъ словомъ, не только единственное мое дѣло, но и главное удовольствіе есть теперь исторія. Думаю, что Богъ поможетъ мнѣ совершить начатое не къ стыду вѣка. Я нашелъ двѣ харатейныя Несторовы лѣтописи весьма хорошія: одну XIV вѣка у графа Пушкина, которую уже и списалъ для себя, а другую въ библіотекѣ Троицкой, столь же древнюю. Ни Татищевъ ни Щербатовъ не имѣли въ рукахъ своихъ такихъ драгоцѣнныхъ списковъ Нестора. Всякій день открываю новыя грубыя ошибки Татищева и Болтина; замѣчаю ихъ въ нотахъ, однакожъ не оскорбляя памяти умершихъ. Никогда не забуду, что вы, милостивый государь, дали мнѣ возможность заниматься симъ дѣломъ, весьма полезнымъ въ системѣ государственнаго просвѣщенія. Я могу умереть, не дописавъ исторіи; но Россія должна всегда имѣть исторіографа. Десять обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ. Вы довершили бы, милостивый государь, ваше благодѣяніе для меня и для пользы общей, если бы при случаѣ доложили Императору, чтобы онъ Всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣлъ исторіографу считаться въ одномъ классѣ съ профессорами: чѣмъ утвердилось бы еще болѣе сіе мѣсто, которое, будучи сопряжено съ трудами не безважными, достойно въ порядкѣ государственныхъ чиновъ сравняется съ мѣстомъ профессорскимъ. Честолюбіе исторіографа могло бы на всю жизнь ограничиться такою степенію ; а вы остались

бы навсегда творцомъ его достоинства въ Россіи» (12 сент. 1804 года).

Вслѣдъ за этимъ письмомъ онъ писалъ къ брату: «Упражненія мои вамъ извѣстны. Все идетъ медленно, и на всякомъ шагу впередъ надобно оглядываться назадъ. Цѣль такъ далека, что боюсь даже и мыслить о концѣ. Здоровье мое теперь, кажется, получше, но все еще не очень хорошо и я не смѣю работать по вечерамъ, хотя бы это и нужно было для успѣха трудовъ моихъ» (Остафьево, 15 сент.).

Получивъ по ходатайству Муравьева чинъ надворнаго совѣтника и временное пособіе, исторіографъ писалъ: «Какъ обрадовала меня новая милость нашего Государя, такъ глубоко тронуло мою душу новое доказательство вашего ко мнѣ благорасположенія. За сіи великія одолженія могу платить вамъ одною усерднѣйшею преданностію и ревностными трудами, обращаемыми къ пользѣ общей, которая любезна вашему сердцу. Вы имѣли бы право укорять меня неблагодарностію, если бы я не употребилъ всѣхъ способовъ оправдать ваше покровительство.

«Прошу васъ, милостивый государь, изъявить Монарху отечества мою благоговѣйную признательность.

«Занимаясь прилежно своею работою, я не намѣренъ спѣшить въ изданіи плодовъ ея, и думаю что не отдамъ въ печать ни строки, пока не дойду до фамиліи Романовыхъ. Отъ князя Ивана Васильевича до царя Михаила Θеодоровича исторія наша представляетъ уже множество великихъ происшествій, которыхъ описаніе должно рѣшить, имѣетъ ли авторъ способности нужные для историка? Но вы должны быть моимъ судьею прежде публики.

«Я слышалъ, что Шлецеръ прислалъ къ вамъ или къ графу

Заводовскому историческое сочиненіе объ Олегѣ: оно должно быть для меня весьма любопытно...» (М., 10 окт., 1804 г.).

Въ концѣ декабря Карамзинъ почти оканчивалъ уже введеніе къ «Исторіи Государства Россійскаго» и писалъ къ брату: «....А я, любезнѣйшій братъ, работаю изо всей силы и мочи, пока Богъ дастъ мнѣ довольно здоровья и спокойствія для успѣха въ трудѣ моемъ. Теперь пишу о нравахъ, правленіи и вѣрѣ древнихъ Славянъ, и надѣюсь это кончить около февраля, чтобы приняться уже за нашу исторію съ Рюрика. Я дѣлаю все, что могу, и совершенно почти отказался отъ свѣта; даже обѣдаю съ нѣкотораго времени одинъ, не ранѣе пятаго часа, и не рѣдко лишаю себя удовольствія быть съ моею любезною женою. Провидѣнію остается увѣнчать мой ревностный трудъ успѣхами» (М., 20 дек. 1804 г.).

Получивъ записки гр. Потоцкаго, Карамзинъ писалъ Муравьеву въ началѣ 1805 года:

«Съ чувствительностію благодарю васъ за милостивое письмо и за книгу. Я давно знаю автора: онъ много читалъ, но немногіе согласны съ нимъ въ изъясненіи древнихъ историковъ и географовъ. Люди, основательно ученые, писали о времени, въ которое Славяне могли придти съ береговъ Дуная въ Россію. Одно хотя не весьма ясное мѣсто въ Никифорѣ Патріархѣ, заставляетъ думать, что сіе переселеніе случилось не ранѣе VII вѣка; вѣроятно также, что Несторъ, подобно Византійскимъ лѣтописцамъ XII вѣка, именуетъ Волохами Болгаровъ (вопреки Шлецеру, который нѣсколько разъ перемѣнялъ свои мысли); но вѣроятность не есть доказанная истина, и вопросъ остается нерѣшеннымъ.

«Мнѣ хотѣлось бы имѣть подробную выписку изъ Ватикан-

скаго архива о древнѣйшихъ сношеніяхъ папъ съ Россіею, и для этого желаю писать къ кардиналу Гонзальви; но осмѣливаюсь требовать вашего совѣта: могу ли это сдѣлать по нынѣшнимъ обстоятельствамъ? мы, кажется, не имѣемъ теперь дружелюбной связи съ Римомъ. Князь Адамъ Адамовичъ безъ сомнѣнія вамъ знакомъ; надѣюсь, что онъ и ко мнѣ расположенъ благосклонно; нельзя ли съ нимъ, милостивый государь, переговорить о томъ? Кардиналъ уважитъ ли мою просьбу, если нашъ министръ не замолвитъ за меня слово? Увѣренный въ вашей милости и въ томъ, что вамъ пріятно способствовать успѣху моего ревностнаго труда, безпокою васъ еще другою просьбою. Я нашелъ и выписалъ много необходимыхъ для меня книгъ; но по сіе время не могъ достать Дюканжа. Его «Historia Byzantina illustrata» или «Constantinopol. Christiana» мнѣ очень нужна; она должна быть въ академической библіотекѣ; не захочетъ ли Николай Николаевичъ Новосильцевъ одолжить меня ею? я скоро возвратилъ бы ее черезъ почту. Въ моихъ обстоятельствахъ позволено, кажется, быть докучливымъ; а вы мой единственный покровитель» (М. 16 мая 1805 г.).

Получивъ Дюканжа, въ которомъ очень нуждался, Карамзинъ пишетъ Муравьеву: «Спѣшу изъявить вамъ особенную благодарность мою за Дюканжа, котораго получилъ, и которымъ надѣюсь воспользоваться для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ IX и X вѣка. Благодарю также за ваше милостивое дозволеніе брать мнѣ книги изъ университетской библіотеки. Въ разсужденіи обрядовъ греческаго двора, я могъ бы удовольствоваться и Константиномъ Багрянороднымъ; однакожъ не худо заглянуть и въ другаго автора. Возьму его, какъ скоро пріѣду въ городъ: теперь живу въ подмосковной.

«Не давно осмотрѣлъ я здѣшніе монастыри: архивы ихъ совершенно пусты. Однакожъ въ нѣкоторыхъ нашелъ я вкладныя, или такъ-называемыя кормчія книги, для меня любопытныя: онѣ объясняютъ многія обыкновенія XVI и XVII вѣка. По симоновской вкладной книгѣ узналъ я, что въ тамошнемъ монастырѣ жилъ и скончался сынъ Дмитрія Донскаго и отказалъ ему разныя помѣстья. Теперь собираюсь ѣхать въ Саввинъ монастырь: тамъ все напоминаетъ царя Алексѣя Михайловича и хранятся нѣкоторыя историческія рукописи. Онъ въ 50 верст. отсюда» (3 іюня 1805 г.).

Въ сентябрѣ Карамзинъ писалъ къ брату: «По отъѣздѣ Катерины Андреевны* я скоро занемогъ дурною лихорадкою, и былъ болѣнъ 5 недѣль; совсѣмъ было высохъ и походилъ на скелета; но, славу Богу! дней черезъ 10 по возвращеніи моей жены натура взяла верхъ и я началъ выздоравливать. Теперь осталась только слабость. Во всю жизнь свою я не имѣлъ еще такой долговременной и изнурительной болѣзни. Дней въ 5 она отняла у меня всѣ силы, и могла обратиться въ опасную; но возвращеніе Катерины Андреевны подѣйствовало не мѣнѣе лекарствъ. Вообразите, что съ исхода іюля по сей часъ я не принимался за перо для продолженія своей исторіи! и теперь еще не пишу. Это мнѣ скорбно; но я радуюсь своему выздоровленію, какъ ребенокъ. Въ нѣкоторыя минуты болѣзни казалось мнѣ, что я умру, и для того не смотря на слабость, разобралъ всѣ книги и бумаги государственныя, взятыя мною изъ разныхъ мѣстъ, и подписалъ, что куда возвратить. Нынѣ гораздо пріятнѣе для меня снова разбирать. Ахъ! жизнь мила, когда человѣкъ счастливъ домашними и умѣетъ заниматься безъ скуки» (М., 21 сент.).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ исторіографъ писалъ Муравьеву:

* Вторая супруга Николая Михайловича.

«Завтра, на тяжелой почтѣ, отправлю къ вашему превосходительству Дюканжа, за котораго повторяю искреннюю мою благодарность. Я возвратилъ бы его двумя мѣсяцами ранѣе, если бы жестокая болѣзнь не помѣшала мнѣ заниматься дѣломъ моимъ. Отъ августа до октября я не бралъ пера въ руки для исторіи. Теперь оправляюсь, и хотя радуюсь, какъ ребенокъ, своимъ выздоровленіемъ, но въ тоже время жалѣю сердечно о двухъ мѣсяцахъ, потерянныхъ для работы. Теперь мысли мои снова къ ней обратились. Я ожидалъ изъ Германіи сочиненій славнаго Іезуита Прая (Pray), но не получивъ ихъ, прибѣгаю къ вашей милости: нѣтъ ли въ академической библіотекѣ его «Annales Hunnorum» и «Dissertatio critica et historica? то и другое сочиненіе для меня весьма нужно.

«Благодарю васъ также, милостивый государь, за эстампъ, посвященный Лепехину. Мысль прекрасна. Въ Россіи чтятъ наконецъ достоинства ученыхъ.

«Я имѣлъ случай достать нѣкоторые драгоцѣнные для нашей исторіи матеріалы: письма папъ къ вел. князьямъ съ 1075 году, выписанныя изъ Ватиканскаго архива нынѣшнимъ варшавскимъ епископомъ для короля польскаго въ 1780 году, и еще журналъ польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ во время Дмитрія Самозванца и Шуйскаго» (М., 5 октября 1805 г.).

Въ мартѣ 1806 г. Карамзинъ даетъ отчетъ Муравьеву въ трудахъ своихъ:

«Мнѣ равно пріятно и заниматься дѣломъ своимъ и давать въ томъ отчетъ вамъ. Я кончилъ второй томъ, помѣстивъ въ немъ исторію временъ язычества (отъ первыхъ князей варяжскихъ до смерти Владиміра), и заключивъ его обозрѣніемъ гражданскаго и нравственнаго состоянія древней Россіи. По сю пору все идетъ изрядно; увидимъ, что будетъ далѣе.

Каждая эпоха имѣетъ свои затрудненія. Надѣюсь въ III томѣ дойти до Батыя, а въ IV до перваго Ивана Васильевича; тамъ остается еще написать тома два до Романовыхъ. Мнѣ не хочется пропустить ничего любопытнаго; не хочется также душить читателей грудами пустыхъ словъ.— По крайней мѣрѣ теперь я уже свободно перевожу духъ, и не боюсь ферулы Шлецеровой; то есть мракъ для меня пообъяснился.

«Я просилъ васъ о сочиненіяхъ Прая: на сихъ дняхъ прислали ихъ ко мнѣ изъ Германіи. Но все еще не имѣю нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ: напримѣръ, вы одолжили бы меня, если бы доставили преданному вамъ исторію.... отъ 1784 до 1789 году. Думаю, что это сочиненіе есть въ академической библіотекѣ.

«Васъ же должно мнѣ благодарить и за пріятное знакомство Николая Николаевича. Я не очень скроменъ; однакожъ не могъ еще сказать ему всего, что въ отношеніи къ вамъ чувствую» (М., 6 марта 1806 г.).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Карамзинъ писалъ къ Муравьеву: «Съ сердечною признательностію читалъ я ваше письмо, которое столь живо увѣряетъ меня въ вашемъ милостивомъ ко мнѣ расположеніи».

«Не стыжусь безпокоить васъ просьбами, которыхъ цѣль есть та, чтобы оправдать ваше доброе мнѣніе о трудѣ моемъ; мнѣ надобно еще имѣть свободный входъ въ два архива: въ здѣшній сенатскій и разрядный, которые находятся подъ вѣденіемъ министра юстиціи, и въ московскую оружейную палату, которая зависитъ отъ г. Валуева, Петра Степановича. Сдѣлайте милость, исходатайствуйте для меня Высочайшее позволеніе выписывать изъ сихъ архивовъ,—также и изъ архива оружейной палаты,—все, что имѣетъ отношеніе къ россійской исторіи» (М., 5 апрѣля 1806 г.).

Спустя двѣ недѣли къ нему же: «Съ живѣйшею признательностію чувствую ваши милости и одолженія. Теперь ожидаю только, чтобы князь Петръ Васильевичъ и Петръ Степановичъ сообщили сюда о Высочайшемъ позволеніи, мнѣ данномъ, имѣть входъ въ архивы и въ оружейную палату..... меня также очень обрадовали; не замедлю возвратить ихъ вашему превосходительству» (М., 20 апрѣля 1806 г.).

Вотъ письмо Карамзина къ Муравьеву, гдѣ исторіографъ извѣщаетъ его между-прочимъ о своихъ археографическихъ открытіяхъ: «Прочитавъ указъ о милиціи, я написалъ приложенные стихи, и буду доволенъ, если вы найдете въ нихъ нѣкоторую живость.

«Время ли говорить о мирныхъ упражненіяхъ исторической музы?.... Я въ концѣ третьяго тома, который заключается Владиміромъ Мономахомъ. Примѣчанія необходимыя занимаютъ много мѣста; нельзя писать исторіи безъ доказательствъ. Еще болѣе ста лѣтъ остается до нашествія Татаръ, и сія часть работы будетъ для меня не столь пріятна, какъ другія. Степь голая и печальная!—Законы Ярославовы предложены мною въ ясномъ систематическомъ порядкѣ и служатъ безцѣннымъ дополненіемъ лѣтописей. Я нашелъ весьма древній списокъ сихъ законовъ, положенный въ Новогородскій соборъ сыномъ Александра Невскаго и другія важныя древности: 1) церковныя учрежденія племянника Мономахова, Святослава; 2) сочиненіе россійскаго митрополита Іоанна, современника Несторова; 2) сочиненіе архіепископа Нифонта, XII вѣка; 4) путешествіе игумена черниговскаго Даніила въ Іерусалимъ около 1107 году: сей игуменъ былъ лично знакомъ съ іерусалимскимъ королемъ Балдуиномъ. Всѣ сіи драгоцѣнности будутъ изданы мною въ прибавленіяхъ къ исторіи, если Богу угодно».

Изъ этого же года сохранились еще три письма Карамзина къ брату:

Въ первомъ изъ нихъ онъ пишетъ: «Я продолжаю работать и думаю, что мнѣ не отдѣлаться отъ Кіева, надобно будетъ туда съѣздить» (М., 21 янв.).

Во второмъ: «Работа моя идетъ медленно. Пишу второй томъ, еще о временахъ Рюрика. Если Богъ продолжитъ на мнѣ свою милость, то къ зимѣ могу начать третій. Не смотря на то, что многими книгами пользуюсь даромъ, я долженъ еще издерживать не мало денегъ на покупку иностранныхъ книгъ» (М., 26 марта).

Въ третьемъ: «Работа моя подвигается впередъ, хотя и медленно. Ежели буду живъ и здоровъ, съ моимъ семействомъ, то надѣюсь зимою дойти до временъ татарскаго ига. Жаль, что я не моложе десятью годами! едвали дастъ мнѣ Ботъ довершить мой трудъ. Такъ много еще впереди»! (Остафьево, 14 авг. 1806 г.).

Съ 1807 года мы имѣемъ только одно послѣднее письмо Карамзина къ Муравьеву:

«Считаю за нужное увѣдомить васъ, пишетъ онъ, что графъ Алексѣй Ивановичъ Пушкинъ (который долженъ быть теперь въ Петербургѣ) поѣхалъ отъ насъ съ намѣреніемъ отдать всѣ свои любопытныя рукописи, медали, монеты и другія древности, безцѣнныя для нашей исторіи, въ здѣшній архивъ иностранной коллегіи. При случаѣ вы можете утвердить его въ семъ намѣреніи и способствовать произведенію онаго въ дѣйствіе. Потомство скажетъ вамъ спасибо; библіотека архивская находится въ удивительномъ порядкѣ, и достойна такого обогащенія» (М., 28 января 1807 г.).

Въ половинѣ того же года Карамзинъ писалъ къ брату: «Работа моя нынѣшній годъ неспорна отъ безпокойства душевнаго (Елисаветино, 20 августа). — Не знаемъ отъ чего именно происходило это безпокойство?

О занятіяхъ Карамзина въ 1808 г. мы узнаемъ изъ двухъ писемъ исторіографа къ брату. Въ первомъ онъ писалъ: «Въ трудѣ моемъ бреду впередъ шагъ за шагомъ, и теперь, описавъ ужасное нашествіе Татаръ, перешелъ въ четвертый-надесять вѣкъ. Хотѣлось бы мнѣ до возвращенія въ Москву добраться до временъ Димитрія побѣдителя Мамаева. Иду голою степью; но отъ времени до времени удается мнѣ находить и мѣста живописныя. Исторія не романъ; ложь всегда можетъ быть красива, а истина въ простомъ своемъ одѣяніи нравится только нѣкоторымъ умамъ, опытнымъ и зрѣлымъ. Если Богъ дастъ, то добрые Россіяне скажутъ спасибо или мнѣ, или моему праху.

«Воображаю живо моего любезнаго брата, сидящаго подъ окномъ и смотрящаго на величественную Волгу, столь знакомую мнѣ изъ дѣтства! Симбирскіе виды уступаютъ въ красотѣ не многимъ въ Европѣ. Вы живете въ древнемъ отечествѣ Болгаровъ, народа давно образованнаго и торговаго, порабощеннаго Татарами. Близъ Симбирска въ лѣтніе мѣсяцы кочевалъ иногда и славный Батый, завоеватель Россіи. Я теперь живу въ прошедшемъ и старина для меня всего любезнѣе» (Ост., 6 іюня).

Во второмъ писалъ: «Если всѣ будемъ здоровы, то мы намѣрены прожить въ деревнѣ до октября. Тихая сельская жизнь мнѣ гораздо пріятнѣе городской. Кто любитъ жену, дѣтей, и занятъ дѣломъ, тому люди болѣе мѣшаютъ, нежели помогаютъ наслаждаться жизнію» (Ост., 22 авг.).

Изъ писемъ Карамзина, писанныхъ къ Василію Михайло-

вичу въ 1809 г., узнаемъ только о душевномъ безпокойствѣ исторіографа по случаю событій на Западѣ.

Въ іюнѣ онъ писалъ: «Мы живемъ въ подмосковной и наслаждаемся тишиною. Я по обыкновенію работаю, и кончилъ описаніе временъ Дмитрія Донскаго; но теперь долженъ еще многое поправить позади» (Ост., 21 іюня).

Въ половинѣ августа: «Мы слава Богу, здоровы, и наслаждаемся сельскою тишиною, стараемся какъ можно рѣже заглядывать въ Москву, гдѣ въ три мѣсяца я былъ только одинъ разъ на нѣсколько часовъ. Милыя душѣ семейственныя удовольствія и работа занимаютъ пріятнымъ образомъ всѣ мои часы, кромѣ тѣхъ, въ которые думаю о бѣдствіяхъ нашего времени, дѣйствительныхъ и вѣроятныхъ. Часто хотѣлось бы мнѣ укрыться въ какомъ нибудь непроницаемомъ уединеніи, чтобы ничего не слыхать о происшествіяхъ европейскихъ. Какъ счастливы были наши отцы! мы не умѣли цѣнить прежняго спокойствія Европы, и теперь осуждены видѣть гибель Франціи и ждать будущаго со страхомъ, или добродѣтелями стоиковъ, не весьма легкими для того, кто имѣетъ семейство» (Ост., 15 авг.).

Въ половинѣ октября: «Издателямъ Вѣстника Европы не велѣно, какъ я слышалъ, писать о политикѣ: ибо они изъ разныхъ газетъ иностранныхъ сообщали многія ложныя извѣстія, противныя осторожному благоразумію» (М., 16 окт.).

Съ 1810 г. начинается новая эпоха въ жизни исторіографа. Въ этомъ же году онъ сдѣлался лично извѣстенъ Императору Александру. Государь уже давно желалъ видѣть Карамзина, зная его по сочиненіямъ. Вел. Княгиня Екатерина Павловна,

обозрѣвая въ Москвѣ Оружейную палату и встрѣтивъ тамъ Карамзина въ первый разъ указала на него Александру.

Послушаемъ, какъ самъ исторіографъ разсказываетъ объ этомъ своему брату въ слѣдующихъ письмахъ:

«Государь, находясь въ Москвѣ, писалъ Карамзинъ, изволилъ сказать мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ; а еще болѣе Великая Княгиня, къ которой, исполняя волю ея, нарочно ѣздилъ я послѣ въ Тверь: жилъ тамъ шесть дней, всякій день обѣдалъ во дворцѣ и читалъ по вечерамъ мою исторію Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. Они плѣнили меня своею милостію. За это кратковременное удовольствіе заплатилъ я послѣ слезами о кончинѣ нашей незабвенной сестры и моею жестокою болѣзнію» (М., 15 февр.).

Во второмъ письмѣ: «Милость ко мнѣ Великой Княгини, Великаго Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы служитъ для меня не малымъ ободреніемъ въ моихъ трудахъ. Отъ первой я недавно получилъ весьма лестное письмо. Императрица приказала сказать мнѣ, что она брала участіе въ моей болѣзни и завидуетъ Великой Княгинѣ, которой я читаю свою исторію. Константинъ Павловичъ также отзывается обо мнѣ съ отличнымъ благоволеніемъ» (М., 28 марта).

Въ сентябрѣ 1810 г. Карамзинъ писалъ: «Совсѣмъ нечаянно встрѣтилась мнѣ необходимость съѣздить въ деревню жены моей, откуда я возвратился съ разстроеннымъ здоровьемъ и съ глазною болью, которая мѣшаетъ мнѣ писать къ вамъ своею рукою... Мнѣ надлежало защищать наше имѣніе отъ межевщика и капитана-исправника; но важнаго я ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что видѣлъ собственными глазами

наше имѣніе, за что заплатилъ я слишкомъ дорого—поврежденіемъ своихъ глазъ въ холодныя ночи. Уже три недѣли тому, какъ мы возвратились, а я не могу ни писать, ни читать».

«Вы желаете, любезный братъ, знать объ успѣхѣ моихъ трудовъ; въ нынѣшній годъ я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описалъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донскаго: болѣзнь моя, несчастныя потери и грусть отняли у меня не малую часть моихъ способностей. Трудъ столь необъятный требуетъ спокойствія и здоровья; не имѣю ни того, ни другаго, и дѣлаюсь къ несчастію меланхоликомъ. Жаль, если Богъ не дастъ мнѣ совершить начатаго къ чести и пользѣ общей. Оставивъ за собою дичь и пустыни, вижу впереди прекрасное и великое: боюсь, что бы я, какъ второй Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда. Княженіе двухъ Іоанновъ Васильевичей и слѣдующія времена наградили бы меня за скудность прежней матеріи.

Въ концѣ 1810 г. Карамзинъ писалъ: «Не давно былъ я въ Твери и осыпанъ новыми знаками милости со стороны Великой Княгиии. Она рѣдкая женщина, умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней въ Твери, и всякій день были у нея. Она хотѣла даже, чтобы мы въ другой разъ пріѣхали туда съ дѣтьми» (М., 13 дек.).

Въ 1811 году, по порученію Великой Княгини Екатерины Павловны, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ пригласилъ Карамзина пріѣхать въ Тверь, для прочтенія Ея Высочеству сочиняемой имъ русской исторіи. Къ этому времени Великая Княгиня ожидала къ себѣ Императора Александра; она желала обратить особенное вниманіе Государя на геніальнаго нашего писателя. Карамзинъ прибылъ въ Тверь, и здѣсь, во дворцѣ Великой Княгини и въ присутствіи Императора Александра, имѣлъ счастіе читать любопытнѣйшія

главы изъ своего историческаго труда. — «Русскій народъ достоенъ имѣть свою исторію», сказалъ Императоръ Александръ, и со вниманіемъ слушалъ прекрасное повѣствованіе Карамзина о борьбѣ Димитрія Донскаго съ Мамаемъ, въ то время, когда Наполеонъ готовился ворваться въ Россію, ополчивъ на нее многіе народы Европы.

Великая Княгиня, возлѣ которой съ одной стороны сидѣлъ Государь, а съ другой историкъ, съ восторгомъ слушала дивное повѣствованіе Карамзина о прошедшихъ судьбахъ отечества. Чтеніе продолжалось до двѣнадцати часовъ ночи.

Предлагаемъ письма исторіографа, который подробно описываетъ брату это важное событіе въ жизни скромнаго писателя, пожертвовавшаго всѣмъ для славы любезнаго ему отечества.

Въ началѣ 1811 г. Карамзинъ писалъ: «Я съ женою опять былъ въ Твери и жилъ тамъ двѣ недѣли, совершенно въ гостяхъ у Вел. Княгини и у Принца. Они осыпали насъ ласками, и мы всякій день бывали у нихъ по нѣскольку часовъ. Любезность и милость Великой Княгини трогаютъ мою душу. Принцъ имѣетъ ангельское сердце и знанія. Часы, проведенные мною въ ихъ кабинетѣ, причисляю къ счастливѣйшимъ въ жизни. Теперь я возвратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ» (М., 28 февр.).

Во второмъ письмѣ: «Исполняя волю любезнѣйшей Великой Княгини, я ѣздилъ опять въ Тверь, чтобы быть тамъ представленнымъ Государю, который и Самъ приказалъ И. И. Дмитріеву написать ко мнѣ о желаніи своемъ видѣть меня въ этомъ городѣ. Осыпанный милостивыми привѣтствіями Императора, я читалъ Ему нѣкоторыя мѣста изъ моей Исторіи; Онъ былъ доволенъ. Четыре раза обѣдали мы съ Нимъ

у Великой Княгини. Онъ звалъ меня и жену мою въ Петербургъ, и простился съ нами особенно въ кабинетѣ; даже предлагалъ намъ жить въ Аничковомъ дворцѣ, который отданъ Великой Княгинѣ. Милость велика, однакожъ, я совсѣмъ не думаю ѣхать въ Петербургъ.— Привязанность моя къ Императорской фамиліи должна быть безкорыстна; не хочу ни чиновъ, ни денегъ отъ Государя. Молодость моя прошла, а съ нею и любовь къ мірской суетности» (12 апр.).

Въ іюлѣ этого же года Карамзинъ получилъ орденъ Св. Владимира третьей степени, исходатайствованный ему въ награду литературныхъ трудовъ И. И. Дмитріевымъ, бывшимъ тогда министромъ юстиціи. Эта неожиданная новость вооружила противъ Карамзина его недоброжелателей. Со всѣхъ сторонъ посыпались нападки на скромнаго труженика. Старый врагъ исторіографа, не успѣвъ оклеветать его прежде, писалъ къ одному сановнику (10 августа 1810 года): «Ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г-на Карамзина. Вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобиническаго яда; но его послѣдователи и одобрители теперь подняли еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ, его сопровождавшимъ. О семъ надобно очень подумать буде не для насъ, то для потомства», и проч.

Приводимъ благодарственное письмо Карамзина къ Императору Александру.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Пріимите всеподданнѣйшую благодарность мою за Всемилостивѣйшее пожалованіе меня кавалеромъ ордена Святаго Владиміра третьей степени.

«Сей знакъ Монаршаго вниманія къ моимъ трудамъ оживляетъ во мнѣ ревность заслужить оное достойнымъ изображеніемъ дѣяній россійскихъ.

«Въ семь лѣтъ труда усерднаго и непрестаннаго успѣлъ я пройти исторію шести вѣковъ, и теперь описываю пятое-надесять столѣтіе, ознаменованное славою незабвеннаго для Россіи Іоанна III, коего мощная рука возстановила наше отечество. Счастливъ буду, если, изобразивъ времена мятежныя, бѣдственныя, достигну въ повѣствованіи до тѣхъ временъ благополучныхъ, когда Августѣйшій Домъ Вашего Императорскато Величества, избранный Богомъ и всею Россіею, пріялъ власть надъ нею и началъ новую эпоху государственнаго ея величія. Тогда Всемилостивѣйшій Государь, осмѣлюсь представить Вамъ сочиненную мною исторію, какъ дѣйствіе и плодъ Вашего благодѣтельнаго для наукъ царствованія» (М., 14 іюля).

Въ это же время Вел. Кн. Екатерина Павловна вручила Государю «Записку о древней и новой Россіи», написанную Карамзинымъ и сдѣлавшуюся намъ извѣстною только въ 1836 году. Онъ написалъ ее очень рано, занимаясь русскою исторіею не болѣе семи лѣтъ. Безъ записки этой нельзя было бы имѣть полнаго понятія о Карамзинѣ. Она прибавила блистательную страницу къ біографіи рѣдкаго подданнаго и великаго Государя и сестры его. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что происходило въ самое страшное для насъ время, когда Наполеонъ стоялъ на верху своего могущества и грозилъ Россіи войною, а внутри скоплялся духъ неудовольствія, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. Съ чувствами вѣрноподданническаго благоговѣнія къ Государю, Карамзинъ, обозрѣвъ древнюю исторію, начинаетъ свое разсужденіе съ царствованія Императора Петра I.

Представивъ въ общей картинѣ великіе подвиги Петровы, онъ разбираетъ его дѣянія. Разсужденіе о Екатеринѣ II онъ начинаетъ такъ:

«Главное дѣло сей незабвенной Монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ своей силы..... Что она возвысила нравственную цѣну человѣка въ своей державѣ....».

Послѣ этого Карамзинъ изображаетъ предъ лицемъ Императора Александра, его собственныя дѣянія. Избранный имъ эпиграфъ изъ псалма: «нѣсть льсти въ языцѣ моемъ», исполненъ во всей силѣ. Яркими красками изображаетъ онъ состояніе Россіи, и всѣ мѣры правительства относительно внѣшней политики, законодательства, устройства финансовъ, и проч.

Это была великая минута въ жизни Карамзина. Все его достоинство заключалось въ его гражданскомъ мужествѣ, произнести, безъ всякаго лицемѣрія, мнѣніе, которое онъ по долгу совѣсти и присяги считалъ справедливымъ и полезнымъ, какія бы отъ того не произошли слѣдствія. Карамзинъ былъ тогда еще литераторомъ, не представлялъ еще своей исторіи, не находился еще на верху своей славы, не пріобрѣлъ общенародной и европейской извѣстности, имѣлъ необходимую нужду въ добромъ мнѣніи и благоволеніи Государя, даже для изданія своего безсмертнаго труда. Это были критическія минуты въ его жизни,—и онъ не убоялся сказать прямо все что чувствовалъ.— Онъ оканчиваетъ свою записку слѣдующими словами: «любя отечество, любя Монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго, съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго: да блюдетъ Царя и царство Русское!»

Изъ этой записки мы видимъ, что Карамзинъ изучивъ рус-

скую исторію болѣе всѣхъ защищалъ необходимость самодержавія, по внутреннему своему убѣжденію, считая его спасительнымъ для пользы и славы Россіи.

Возвратившись въ С. Петербургъ, Императоръ Александръ съ жаромъ изъяснялся Ив. Ив. Дмитріеву объ умѣ, учености и, особенно, о прекрасной душѣ Карамзина. О чемъ впослѣдствіи разсказывалъ Дмитріевъ своимъ друзьямъ.

Въ 1812 г. Николай Михайловичъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

Когда Французы приближались къ Москвѣ, Карамзинъ въ это горестное для Россіи время часто видѣлся съ графомъ Ростопчинымъ, который очень любилъ и уважалъ Николая Михайловича и разсуждалъ съ нимъ о бѣдствіяхъ отечества. Послѣ Бородинской битвы, сожалѣя вмѣстѣ съ Ростопчинымъ о значительныхъ потеряхъ нашихъ, Карамзинъ сказалъ: «Ну! мы испили до дна горькую чашу..... но за то наступаетъ начало *его*, и — конецъ *нашихъ* бѣдствій. Повѣрьте, графъ: обязанъ будучи всѣми успѣхами своими дерзости, Наполеонъ отъ дерзости и погибнетъ!»

Свидѣтель этого разговора, А. Я. Булгаковъ пишетъ: «Казалось, что прозорливый глазъ Карамзина открывалъ уже вдали убійственную скалу Св. Елены! Въ Карамзинѣ было что-то вдохновеннаго, увлекательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднаго. Онъ возвышалъ свой пріятный, мужественный голосъ; прекрасные его глаза, исполненные выраженія, сверкали, какъ двѣ звѣзды въ тихую, ясную ночь. Въ жару разговора онъ часто вставалъ вдругъ съ мѣста, ходилъ по комнатѣ, все говоря и опять садился».

— «Вы увидите, отвѣчалъ Карамзину графъ Ростопчинъ съ досадою, — что онъ вывернется!»

— «Нѣтъ, графъ, возразилъ Карамзинъ съ твердымъ убѣжденіемъ: тучи, накопившіяся надъ главою его, врядъ ли разойдутся!.... У Наполеона все движется страхомъ, насиліемъ, отчаяніемъ; у насъ все дышетъ преданностію, любовію, единодушіемъ..... Тамъ сборъ народовъ, имъ угнетаемыхъ и въ душѣ его ненавидящихъ; здѣсь одни Русскіе.... Мы дома; онъ какъ бы отъ Франціи отрѣзанъ. Сегодня союзники Наполеона за него, а завтра за насъ!.... Можно ли думать, что Австрійцы, Пруссаки, охотно проливаютъ кровь свою! За чѣмъ? Для того ли, чтобъ утвердить еще болѣе гибельное, гнусное могущество всеобщаго врага? Нѣтъ! Не можетъ долго продолжаться положеніе, сдѣлавшееся для всѣхъ нестерпимымъ».

Въ концѣ августа 1812 года Карамзинъ писалъ еще изъ Москвы къ брату: «Наконецъ я рѣшился силою отправить жену мою съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остаюсь здѣсь и живу въ домѣ главнокомандующаго гр. Ѳ. В. Ростопчина, но безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ: для того только не выѣду изъ Москвы, пока все не рѣшится.—Я довольно здоровъ и твердъ: многіе кажутся мнѣ малодушными. Вѣрно, что есть Богъ! Участь моя остается въ неизвѣстности. Буду ли еще писать къ вамъ, не знаю; но благодарю Бога за свое до селѣ хладнокровіе, не весьма обыкновенное для моего характера. Чѣмъ ближе опасность, тѣмъ менѣе во мнѣ страха. Опытъ знакомитъ насъ съ нами самими» (27 авг.).

Перваго сентября 1812 Карамзинъ выѣхалъ изъ Москвы, куда на другой день вошли Французы (Письмо къ брату 19 сент. 1812 г. Нижній).

Въ ноябрѣ Карамзинъ писалъ къ брату изъ Нижняго: «Ка-

жется, что Богъ за насъ. Между-тѣмъ Москвы почти нѣтъ. Вся моя библіотека сгорѣла.— Не знаю, гдѣ проведу остатокъ жизни. Поѣхалъ бы въ Петербургъ, но чѣмъ тамъ жить? и проч.» (12 ноября 1812 г.).

Въ декабрѣ Карамзинъ писалъ къ Василію Михайловичу:

«Вообще мнѣ очень грустно. Не знаю, гдѣ проведу остатокъ жизни, какъ буду существовать и что дѣлать. Библіотека моя обратилась въ пепелъ; не имѣю способовъ заниматься обыкновеннымъ дѣломъ моимъ и не вижу, когда могу выѣхать отсюда, не получая доходовъ отъ крестьянъ. Дай Богъ, по-крайней-мѣрѣ, чтобы спаслось любезное отечество» (Нижній, 10 дек. 1812 г.).

Въ началѣ 1813 года исторіографъ былъ еще въ Нижнемъ Новгородѣ, и оттуда писалъ къ Тургеневу: «Здравствуйте, Александръ Ивановичъ! давно я не писалъ къ вамъ, но всегда помнилъ и любилъ васъ. Сколько происшествій! какъ не хотѣлось мнѣ бѣжать изъ Москвы! Отпустивъ жену и дѣтей, я жилъ до 1-го сентября, когда наша армія оставила Москву въ жертву непріятелю.—Что мы видѣли, слышали и чувствовали въ это время! сколько въ день разъ спрашивалъ я у судьбы, на что она велѣла мнѣ быть современникомъ Наполеона съ товарищами? Добрый, добрый народъ Русскій! я не сомнѣвался въ твоемъ великодушіи, но хотѣлъ бы лучше писать древнюю твою исторію въ иной вѣкъ, а не на пепелищѣ Москвы. Библіотека моя имѣла честь обратиться въ пепелъ вмѣстѣ съ Грановитою Палатою: однакожъ рукописи мои уцѣлѣли въ Остафьевѣ. Жаль Пушкинскихъ манускриптовъ; они всѣ сгорѣли кромѣ бывшихъ у меня. Потеря невозратимая для нашей исторіи! университетъ также всего лишился: библіотеки, кабинета.

«По крайней мѣрѣ, дай намъ Богъ славнаго мира, и поско-

рѣе! Между тѣмъ сижу какъ ракъ на мели: безъ дѣла, безъ матеріаловъ, безъ книгъ, въ несносной праздности, и въ ожиданіи горячки, которая здѣсь и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ. Просторно будетъ въ Европѣ и у насъ. Но вы, Петербургскіе господа, сіяя въ лучахъ славы, думаете только о великихъ дѣлахъ! извините меланхолію бѣдныхъ изгнанниковъ московскихъ. Оставимъ шутку невеселую и поговоримъ о другомъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, исполните ваше обѣщаніе и пришлите Льва Діакона. С. С. также обѣщалъ доставить его мнѣ: скажите ему мой усердный поклонъ. Я и здѣсь нашелъ пѣчто любопытное: Степенную книгу съ прибавленіями неизвѣстными касательно временъ царя Ивана Васильевича.—Не можете ли прислать мнѣ еще архангелогородскаго почетнаго лѣтописца? Вы его, думаю, знаете: маленькая книжка въ четвертку. Обрадуюсь вашему письму.... Вотъ вамъ множество порученій! а главное то, чтобы вы любили меня по старому.—Очень хотѣлось бы ѣхать въ Петербургъ, и тамъ поработать: но съ крестьянъ нечего взять, а безъ денегъ не ѣздятъ въ резиденцію. Простите, будьте здоровы и благополучны. Обнимаю васъ мысленно. На вѣки преданный вамъ» (21 янв. 1813 г.).

Перваго іюля Карамзинъ писалъ къ брату уже изъ Москвы: «Съ грустью и тоскою въѣхали мы въ Москву. — Думаемъ около половины августа ѣхать въ Петербургъ, чтобы печатать написанные мною томы исторіи. Едва ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока я живъ. Никакихъ плановъ для будущаго не дѣлаю. Да будетъ, что угодно Всевышнему. Еще неизвѣстно, когда Государь возвратится въ Петербургъ; а безъ него мнѣ нельзя печатать исторіи. Слѣдовательно мы и не увѣрены, когда точно поѣдемъ туда» (М., 1 іюля 1813 г.).

Проживъ все лѣто внѣ Москвы, въ октябрѣ Карамзинъ писалъ къ брату изъ Остафьева: «Вы уже знаете, что мы рѣшились нынѣшнюю зиму провести въ Москвѣ, не смотря на милость вдовствующей Императрицы, которая мнѣ предлагала жилище и въ Петербургѣ и въ Павловскомъ. — Теперь отказываемся до весны» (6 окт. 1813 г.).

=

ГЛАВА XI.

—

Въ половинѣ 1814 г. Карамзинъ оканчивалъ дописывать княженіе Василія Іоанновича Третьяго и помышлялъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы издать тамъ свою исторію.

Блаженной памяти Императрица Марія Ѳеодоровна въ 1814 году, сорвавъ въ розовомъ павильонѣ своемъ розанъ, поручила сенатору Юлію Александровичу Нелединскому-Мелецкому отправить его въ знакъ памяти къ Н. М. Карамзину, находившемуся тогда въ подмосковной князя Петра Андреевича Вяземскаго. Вотъ по этому случаю отвѣтъ Николая Михайловича Нелединскому:

«Давно оставленный розами, могъ ли я ждать къ себѣ такой гостьи? Развертываю, удивляюсь, читаю остроумное письмо съ любопытствомъ, нетерпѣніемъ — и вдругъ отъ живѣйшей признательности чуть не плачу. Важный исторіографъ любуется розою, какъ пастушокъ. Она священна; не смѣю цѣловать ея, но смѣю гордиться ею. Какимъ наградамъ позавидую? Вопреки старинной пословицѣ о розахъ, моя роза будетъ нетлѣнною; будетъ всегда благоухать для моего сердца милостію богини Павловской, напоминая мнѣ прекрасный вечеръ, тихое сіяніе катящагося къ западу солнца, на лазуревомъ небѣ, бѣсѣдку Флоры, а въ ней добродѣтельную Го-

сударыню Императрицу и любезнѣйшую Великую Княгиню, съ благоволеніемъ внимающихъ чтенію скромныхъ стиховъ, которые только въ сію минуту сдѣлались *счастливыми*. А вы, любезный чтецъ, одушевивъ мои строфы голосомъ чувства, сдѣлайте другое одолженіе автору: повергните его къ священнымъ стопамъ богини съ усерднѣйшимъ изъявленіемъ сердечной благодарности.

«Теперь должно отгадать загадку *. Авторъ былъ счастливъ, но чтецъ не совсѣмъ, хотя сидѣлъ между Августѣйшею Матерью и Сестрою Александра, истинно великаго; хотя онѣ смотрѣли чтецу въ глаза, и слушали его со вниманіемъ!... *Лѣтній вечеръ*, *близость воды*, *дымъ жертвъ*.... довольно для Эдипа; отвѣтствую сфинксу апологомъ персидскаго стихотворца Сади:

«Великій Хозрой, побѣдивъ множество народовъ, сидѣлъ въ садахъ своихъ на тронѣ; предъ нимъ стояли вельможи рядами въ глубокомъ безмолвіи. Царь спросилъ: «о чемъ вы думаете?» Вельможи отвѣчали съ низкимъ поклономъ: «о гибели враговъ твоихъ. Всѣ лежатъ въ землѣ. Кто отнынѣ дерзнетъ безпокоить тебя?» — «Комаръ», сказалъ царь: «укусивъ меня, онъ скрылся отъ моей мести». Вельможи бросились за комаромъ. Царь улыбнулся, сошелъ съ трона и возвратился во дворецъ, потирая свой лобъ».

«Выпускаю нравоученіе басенника; но не случилось ли съ вами того же, что съ великимъ Хозроемъ? Комары самые злѣйшіе враги мои въ свѣтѣ. Вамъ досталось отъ нихъ за меня, потому что я, миролюбивый гражданинъ, нещадно проливалъ ихъ кровь въ своей жизни.

«Простите, не скажу для васъ ничего новаго, говоря о душевной къ вамъ привязанности и высокопочитаніи».

* Вѣроятно, помѣщенную въ письмѣ Нелединскаго къ Карамзину.

Въ октябрѣ того же года исторіографъ писалъ къ брату: «Я не знаю, поѣдемъ ли мы въ Петербургъ, куда влечетъ меня намѣреніе издать написанные мною томы исторіи. Пишу царя Ивана Васильевича; но не думаю, чтобъ я могъ продолжать далѣе; слабѣютъ силы и охота. Хотѣлось мнѣ въ прибавокъ описать исторію нашего времени, т. е. нашествіе Французовъ; но едва ли эта мысль исполнится по разнымъ обстоятельствамъ» (М., 20 окт. 1814 г.).

Извѣстно, что Карамзинъ находился въ частой перепискѣ съ Н. И. Новиковымъ; но изъ переписки этой сохранились только письма, относящіяся именно къ этому же времени. Вотъ онѣ:

Первое письмо. «Изъ сочиненій вашихъ, писалъ Новиковъ къ Карамзину, шестой и седьмой томы я съ возможнымъ мнѣ вниманіемъ прочиталъ отъ доски до доски; о пріятномъ, хорошемъ и прекрасномъ говорить теперь ничего не буду, но что касается до философіи, о томъ хочу нѣсколько словъ сказать. Извините меня, мой любезный, что я съ нею не со всѣмъ согласенъ; я нахожу въ ней болѣе пылкости воображенія и увлеченія въ царство возможностей, нежели основательности. Но я думаю, что нынѣ и вы сами не будете на все согласны. Скажите мнѣ, угадалъ ли я, что въ письмахъ «Мелодора къ Филалету», и «Филалета къ Мелодору», также и въ разговорѣ о счастіи названъ Филалетомъ покойный любезный молодой человѣкъ П...., ; потому что при чтеніи сихъ піесъ мнѣ казалось, что обоихъ васъ вижу. Молодой Филалетъ со стоическою холодностію философствуетъ, а философія холодная мнѣ не нравится; истинная философія, кажется мнѣ, должна быть огненна, ибо она небеснаго происхожденія; однако, любезнѣйшій мой, не забывайте, что съ вами говоритъ идіотъ (невѣжда), не знающій ни какихъ язы-

ковъ, не читавшій ни какихъ школьныхъ философовъ, и они никогда не лезли въ мою голову: это странность, однако истинно было такъ, но о семъ въ другое время. И у меня есть свой Филалетъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ между прочимъ: «покажите мнѣ науку, которая была бы совершеннымъ, а не поддѣланнымъ отпечаткомъ творенія! которая могла бы вести меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога! чрезъ которую могъ бы я вѣрно придти къ познанію всѣхъ тайнъ, въ натурѣ скрытыхъ!»

«Ежели кто захочетъ согласиться умомъ и сердцемъ со мнѣніемъ моего Филалета, — что кажется и должно сдѣлать, ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова другихъ, — такъ философія вашего Филалета должна остановиться и призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣдующихъ не будутъ совершенно согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ безполезны. Что́ есть философія и откуда она? Изобрѣтена ли человѣкомъ, или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она человѣческая. А мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣкѣ во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ и перемѣнятся въ другія новыя; намъ любезнѣе всего новое, новое и новое. Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій; за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что́ можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота, и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ газами, то есть пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? не письмами, но фо-

ліантами развѣ можно описать оныя. Любезные древніе философы совсѣмъ не такъ разумѣли философію; но о семъ много бы говорить было надобно, а потому я сію матерію окончу.

«Извините меня, любезный другъ, что я кое-что сказалъ смутно, и безпорядочно, что только по слабости моей въ мысль пришло.

Второе письмо. «Сердечно сожалѣю, любезнѣйшій другъ мой Николай Михайловичъ, о худомъ здоровьѣ вашемъ, равно и о томъ, что не сказали вы мнѣ о болѣзни вашей. Можетъ быть я нѣсколько и помогъ бы вамъ, ибо по благости Господней имѣю въ медицинѣ, хотя небольшое, однако изрядное основаніе. Ежели вы не уѣхали еще въ Петербургъ, то скажите мнѣ о болѣзни вашей хотя коротко. И ваше письмо застало меня очень нездоровымъ; но въ моихъ припадкахъ одно только лекарство — терпѣніе.

«Вы меня обрадовали, сказавъ, что не стоите за философію и пр. Я думаю, что тотъ только можетъ назваться прямо ищущимъ, который, хотя и ошибаясь, однако искалъ истину, и наконецъ во истину найдетъ истину; ибо Христосъ Спаситель нашъ сказалъ: «Ищите и обрящете, толкайтесь и отворится вамъ, просите и дастся вамъ». И въ другомъ мѣстѣ сказалъ: «Ищите прежде Царствія Божія и правды его, а прочее все пріобрѣтено вами будетъ».

«Вамъ 49 лѣтъ. Это годъ климатеричный; вамъ сей годъ есть годъ полной чести и славы, а мнѣ этотъ годъ былъ полонъ скорби и печали. Какъ различно поступаетъ съ нами Милосердіе Божіе; одного ласкою, другаго розгою влечетъ къ себѣ: блаженъ, кто и то и другое употребляетъ въ пользу свою!

«Сердечно сожалѣю, и буду сожалѣть, ежели не увижу

васъ до отъѣзда вашего въ С.-Петербургъ. Я желалъ бы дня два провести съ вами въ искренней и сердечной бесѣдѣ о томъ, что для насъ нужнѣе всего; но мы должны во всемъ покоряться воли Божіей. Теперь по-крайней-мѣрѣ желаю того, чтобы вы возвратились въ Москву въ августѣ, такъ можетъ быть Господь благословилъ бы дозволить мнѣ увидѣться съ вами. Вы говорили также, что желали бы поговорить со мною о нѣкоторыхъ статьяхъ моего письма послѣдняго, и я сердечно бы этого желалъ, наипаче потому: 1) что пишу не своею рукою и къ диктатурѣ не привыкъ; сказываю, какъ мысль приходитъ, а не въ порядкѣ, какъ бы я желалъ; 2) что слабость моя мѣшаетъ сказывать, и малѣйшее слово въ то время мнѣ сказанное, прерываетъ нить. Духъ нашъ наружными обстоятельствами угнѣтается, и какъ бы упадаетъ, но когда онъ вступитъ въ дѣйствованіе, выступя изъ состоянія страдательнаго, тогда и наружная машина наша укрѣпляется и дѣлается свободною.

«Кстати: вы упомянули въ письмѣ вашемъ о меланхоліи: я принималъ это слово, въ сочиненіяхъ вашихъ не рѣдко употребляемое, за обыкновенное выраженіе *пріятной задумчивости*, но въ письмѣ выражено какъ будто вы подвержены сей болѣзни, что меня опечалило; но я надѣюсь подать вамъ средство къ истребленію оной.... Читайте Апостольскія Дѣянія, и весь Новый Завѣтъ; читайте чаще, замѣчайте отличнѣйшіе тексты, и ежели дѣйствительно подвержены вы ипохондріи, то отъ сего лѣкарства она совершенно истребится. Послушайтесь совѣта отличнѣйшаго *ученика любви* Святаго Іоанна; онъ въ четвертой главѣ перваго посланія совѣтуетъ испытывать духовъ; прочитайте не только всю главу, но и всѣ его посланія и самое Евангеліе, имъ писанное; что касается до его Апокалипсиса, то онъ для насъ весьма, весьма высокъ. Многіе марали бума-

гу, пиша изъясненіе онаго; но ежели бы они воистину разумѣли одну только главу, или часть только оной, то никогда бы недерзнули изъяснять онаго. Моисей описалъ намъ твореніе и паденіе человѣка, а Св. Іоаннъ въ откровеніи своемъ описалъ возстаонвленіе и возведеніе человѣка гораздо въ высшую степень, нежели въ какой онъ былъ въ Раѣ; кратко сказать, Моисей показалъ намъ Альфу, а Святой Іоаннъ Омегу.

«Кажется мнѣ, что я никогда бы не пересталъ писать къ вамъ и изливать на бумагу мысли и сердце мое, исполненное искренней любви къ вамъ и желанія вамъ всего добра или блага, не толко временнаго, но паче вѣчнаго; однакожъ и сему положить должно границы».

Письма Новикова вообще весьма для насъ важны, по многимъ причинамъ. Съ одной стороны, онѣ даютъ средства вполнѣ понять отношенія Новикова къ Карамзину: съ другой — онѣ достаточно опредѣляютъ необыкновенную въ свое время личность Новикова.

Въ іюлѣ 1815 года Карамзинъ докапчивалъ осьмой томъ «Исторіи Государства Россійскаго» и писалъ къ брату:

«А если Богъ дастъ намъ миръ, и будемъ здоровы, то зимою опять начну помышлять о Петербургѣ, чтобы издать свою Исторію и тѣмъ доставить себѣ возможность къ воспитанію дѣтей и къ заплатѣ долга, если Богъ поможетъ. Дописываю осьмой томъ, содержащій въ себѣ завоеваніе Казани и Астрахани; а въ девятомъ надобно описывать владычество Царя Ивана Васильевича» (Ост., 24 іюля 1815 г.).

Въ ноябрѣ 1815 г. исторіографъ писалъ къ Тургеневу:

«Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Десять дней тому, какъ мы погребли милую нашу дочь Наташу, а другія дѣти въ той же болѣзни, въ скарлатинѣ. Не скажу ничего болѣе.

Вы и добрый Жуковскій объ насъ пожалѣете. — Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать цѣну и знаки вашей дружбы, только не легко говорить. Отвѣчаю на главное, на наше omnis morior. *Жить* есть не писать исторію, не писать трагедіи, или комедіи; а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все другое любезный мой пріятель, есть шелуха,—не исключаю и моихъ восьми или десяти томовъ. Чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея. Страсти должны не счастливить, а разрабо-тывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ, въ минуту невольнаго живаго чувства написалъ: douce paix de l'ame, résignée aux ordres de la Providence! Даже Спиноза говоритъ о необходимости какой-то неясной любви къ Вышнему для нашего благоденствія! — Мало разницы между *мелочными* и такъ называемыми *важными* занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте, что и какъ можете, только любите добро; а что есть добро — спрашивайте у совѣсти. Быть статсъ-секретаремъ, министромъ, или авторомъ, ученымъ: все одно!

Обнимаю васъ въ заключеніе. Пока живу и движусь, присылайте мнѣ относящееся къ Русской Исторіи: Византійцевъ, Лерберга, Круга. Прошу васъ изъявить мою душевную признательность Алелунгу: умѣю цѣнить достоинство труда его. — Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться въ Москву посмотрю на купленное Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ «Слово о полку Игоревѣ»: это любопытный подлогъ. Простите. Еще разъ обнимаю васъ съ искренностію дружбы. На вѣки преданный вамъ» (Ост., 7 ноября 1815 г.).

О другихъ обстоятельствахъ жизни исторіографа въ 1815 году мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній: не сохранилось ни

писемъ къ брату, ни къ Александру Ивановичу Тургеневу, по-крайней-мѣрѣ онѣ не приведены еще во всеобщую извѣстность.

Гораздо богаче письмами 1816 годъ. Въ самомъ его началѣ исторіографъ писалъ къ брату:

«Имѣю намѣреніе чрезъ двѣ недѣли ѣхать въ Петербургъ, чтобы представить Государю осемь томовъ моей исторіи. Великой Княгини уже не могу тамъ застать къ сожалѣнію. Впрочемъ, чему быть, то будетъ. Императрица Марія Θеодоровна нѣсколько разъ милостиво звала меня въ Петербургъ; Самъ Государь нѣкогда изъявлялъ желаніе видѣть меня тамъ. Уже не время откладывать печатаніе Исторіи; старѣюсь и слабѣю, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти» (М., 19 янв. 1816 г.).

Вотъ довольно замѣчательное письмо Карамзина къ Тургеневу, писанное въ апрѣлѣ этого года:

«Любезнѣйшій мой Александръ Ивановичъ! Дружеское письмо ваше, отъ третьяго апрѣля, тронуло меня до глубины сердца. Знаю, что вы меня любите; но когда это чувствую, тогда въ сердцѣ моемъ дѣлается какое-то особенное движеніе. Мы, два Симбиряка, платимъ и даемъ въ займы другъ другу; разсчитаемся вѣрно въ день послѣдней земной разлуки. Однако же могу посмѣяться надъ вами: надъ вашею въ меня вѣрою! Она не обманетъ васъ только въ одномъ смыслѣ: вѣрьте моей искренности и дружбѣ; остальное не важно. Я не мистикъ и не адептъ; хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ, хочу любить какъ можно болѣе, не мечтаю даже и о вознагражденіи нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ середу, не много получше того, какъ мы были во вторникъ, и довольно для насъ лѣнивыхъ! Жуковскій есть истинный намъ братъ.

Съ такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствуетъ Арзамасъ! Я видѣлъ вашу матушку и поѣду къ ней на сихъ дняхъ, чтобы поговорить объ васъ. Очень желаю свѣдать что нибудь навѣрное о Царскомъ Селѣ: мнѣ хотѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, а не въ Петербургъ, гдѣ у меня нѣтъ пристанища. Вамъ все поручаю; можете напомнить и доброму, обязательному Князю. Жаль будетъ мнѣ оставить Москву: это мирная гавань! Не говорю о людяхъ: говорю только о своемъ спокойствіи. Да будетъ, что угодно Всевышнему! — Простите. Обнимаю васъ крѣпко. Навѣки преданный вамъ» (М., 13 апр. 1816 г.).

Въ маѣ Карамзинъ собрался ѣхать въ Петербургъ и писалъ къ брату:

«Думаемъ послѣ завтра ѣхать въ Петербургъ, или, лучше сказать, Царское Село, гдѣ Государь приказалъ отвести мнѣ домъ на лѣто. Еще не знаю, останусь ли въ Петербургѣ, или въ августѣ возвращусь въ Москву печатать свою Исторію. Петербургскіе типографщики требуютъ слишкомъ дорого за тисненіе, да и жить тамъ весьма не дешево» (М., 16 мая 1816 г.).

Пріѣхавъ въ Петербургъ и обжившись нѣсколько, исторіографъ пишетъ къ Василію Михайловичу изъ Царскаго Села:

«Уже третью недѣлю живемъ здѣсь, и довольно пріятно. Я былъ у Государя и видѣлъ Его въ другой разъ на балѣ въ Павловскѣ у Императрицы. Онъ такъ милостивъ, что два раза присылалъ спрашивать о здоровьѣ жены моей, которая было занемогла отъ простуды. Впрочемъ еще не знаю, останусь ли здѣсь для печатанія моей исторіи, или возвращусь въ Москву. Жить въ Петербургѣ очень дорого; могу много задолжать въ два года. Царское Село есть прекрасное мѣсто

и, безъ сомнѣнія, лучшее вокругъ Петербурга. Здѣсь все напоминаетъ Екатерину. Какъ перемѣнились времена и обстоятельства! Часто въ задумчивости смотрю на памятники Чесмы и Кагула» (Царское Село, 12 іюня 1816 г.).

Окончивъ осьмой томъ своей исторіи послѣ четырнадцати лѣтъ самой томительной и трудной работы, Карамзинъ поднесъ ее (8 декабря 1816) Императору Александру. Государь принялъ этотъ трудъ съ благоволеніемъ, повелѣлъ напечатать, безъ цензуры, пожаловалъ Карамзину чинъ статскаго совѣтника, орденъ Святой Анны 1-й степени, и шестьдесятъ тысячъ рублей на изданіе. Въ рескриптѣ, данномъ по этому случаю на имя Карамзина Императоромъ Александромъ, сказано: «Мы удостовѣрены, что сіе послужитъ вамъ ободреніемъ къ совершенію труда, который передастъ имя ваше, вмѣстѣ съ славными подвигами предковъ, потомству». Александръ самъ предварительно разсматривалъ, въ рукописи, оконченные осемь томовъ исторіи, и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Съ одними Карамзинъ согласился, противъ другихъ возражалъ и продолжалъ высылать Государю продолженіе своего сочиненія въ тетрадяхъ, когда Императоръ уѣзжалъ изъ Петербурга.

По полученіи средствъ на изданіе первыхъ осьми томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзинъ провелъ весь 1817 годъ въ чтеніи корректуръ своего историческаго труда, какъ это видимъ изъ писемъ его къ брату.

Въ февралѣ 1817 года Николай Михайловичъ писалъ:

«Давно я не писалъ къ вамъ, и винюсь предъ собою. Часто бываю нездоровъ, безпокоюсь о дѣтяхъ, часто нездоровыхъ; хлопочу съ типографіями, съ утра до вечера занимаюсь корректурами — и время проходитъ. Веселья для меня

уже нѣтъ на свѣтѣ: благодарю Бога за нѣкоторыя минуты тихія и пріятныя. Ѣздить лѣнюсь. По праздникамъ бываю во Дворцѣ, съ поздравленіемъ, или на балѣ; въ двѣ недѣли разъ обѣдаю у вдовствующей Императрицы. Государя вижу только издали. Только одинъ разъ Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ; но на сихъ дняхъ изъявилъ мнѣ большую милость тѣмъ, что по моей просьбѣ велѣлъ причислить къ герольдіи одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника, удаленнаго отъ дѣлъ. Будучи связанъ пріязнію съ этимъ человѣкомъ, я осмѣлился написать къ Императору письмо, которое имѣло счастливое дѣйствіе. Это обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Буду любить Его, пока живу на свѣтѣ. Люди здѣсь довольно привѣтливы; но я уже старѣюсь и не имѣю охоты таскаться изъ дому въ домъ. Иногда посѣщаютъ насъ пріятели, и мы проводимъ вечера нескучно. Думаемъ, напечатавъ Исторію, возвратиться въ Москву, чтобы тамъ кончить жизнь.... Не знаю, будемъ ли въ Царскомъ Селѣ. Корректуры также привязываютъ меня къ городу» (Спб. 18 февр. 1817 г.).

Помышляя провести послѣдніе годы жизни въ Москвѣ, Карамзинъ объ ней только и думалъ, что видимъ и въ письмѣ къ брату, писанномъ въ мартѣ того же года:

«Живемъ, какъ и прежде, болѣе семейственно, нежели въ свѣтѣ. Иногда заглядываю во Дворецъ; бываю у милостивой ко мнѣ Императрицы вдовствующей, а Государя вижу мелькомъ; однако жъ онъ изъявляетъ милостивое къ намъ вниманіе, когда встрѣтится съ нами.

«Впрочемъ съ утра до вечера занимаюсь изданіемъ моей «Исторіи», т. е. печатаніемъ. Это еще продолжится около года. Тогда, если будемъ живы, возвратимся въ Москву, чтобы кончить жизнь въ тишинѣ» (Спб., 27 марта 1817 г.).

Занятый исключительно своими корректурами Карамзинъ писалъ въ маѣ:

«На сихъ дняхъ мы переѣхали въ Царское Село, въ тотъ же домикъ. Наслаждаемся прекрасными мѣстами и прекраснымъ временемъ. Императрицы обошлись съ нами милостиво: мы у нихъ были съ поклономъ и обѣдали въ Павловскѣ; а Государя видѣли въ саду. Онъ также милостиво разговаривалъ съ нами. Впрочемъ думаемъ жить уединенно. И здѣсь главнымъ дѣломъ моимъ будетъ печатаніе исторіи: изъ города присылаютъ ко мнѣ корректуры; теперь печатаютъ 2, 3, 4, 5 и 6 томы; готовъ одинъ первый; надѣюсь однакожъ, что все кончится къ декабрю—и тогда немедленно отправлю къ вамъ, любезный братъ, всѣ восемъ томовъ. Въ послѣднемъ дошелъ я только до 1560 года и остановился на злодѣйствахъ Іоанна Грознаго. Богъ знаетъ, буду-ли продолжать! По крайней мѣрѣ, теперь занимаюсь единственно печатаніемъ. Боюсь отвыкнуть отъ сочиненія. Впрочемъ я довольно трудился. Да будетъ, что угодно Богу!

«У насъ, слава Богу, все тихо, а въ Европѣ южной и голодно и мрачно. Во многихъ земляхъ свирѣпствуютъ болѣзни отъ худой пищи. Между тѣмъ шумятъ о конституціяхъ. Сапожники, портные хотятъ быть законодателями, особенно въ ученой нѣмецкой землѣ. Покойная Французская революція оставила семя, какъ саранча: изъ него выползаютъ гадкія насѣкомыя. Такъ кажется. Впрочемъ будетъ, чему быть надобно по закону Вышней Премудрости. Еслибы у меня былъ веселый характеръ, то я сталъ бы смѣяться; но будучи меланхоликомъ, хмурю брови на дерзкую глупость, на безстыдное шарлатанство, на подлое лицемѣріе, въ тоже время смиряясь душею передъ Богомъ. Жизнь моя склоняется къ западу» (Царское Село 22 мая 1817 г.).

«И нынѣшнее лѣто, любезный братъ, писалъ Николай Михайловичъ, насъ очень ласкаютъ и въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскомъ: за то мы умѣемъ быть признательными въ глубинѣ души и къ доброму милостивому Государю и къ добрымъ Императрицамъ. Однакожъ вслѣдъ за Дворомъ не поѣдемъ въ Москву: зимою съ малолѣтными ѣхать тяжело; а исторія моя не отпечатается прежде декабря. И такъ, если будемъ живы, встрѣтимъ Государя весною въ Царскомъ Селѣ; проживемъ здѣсь до августа, а тамъ отправимся въ старушку Москву доживать вѣкъ, хотя милостивый Императоръ и говоритъ, что намъ лучше остаться здѣсь. Я уже старѣюсь: неизвинительно быть суетнымъ, когда могила передъ глазами, а польза сомнительна: способности мои уже не цвѣтутъ, а вянутъ, какъ думаю. Остальное надо посвятить продолженію исторіи» (Царское Село, 14 августа 1817 г.).

Въ октябрѣ исторіографъ писалъ:

«Винюсь предъ вами и предъ собою, не писавъ такъ давно. Типографскіе хлопоты отнимаютъ у меня время и свободу духа. Къ новому году авось отдѣлаюсь. Между тѣмъ пришлю къ вамъ по той почтѣ первый томъ, а зимою остальные семь, если Богъ дастъ.... Мы разстались со Дворомъ какъ нельзя лучше. Государь въ Царскомъ Селѣ заѣзжалъ къ намъ прощаться. Императрицы также до самаго отъѣзда были милостивы. Теперь живемъ уединенно въ пустомъ Петербургѣ, хотя и великолѣпномъ. Если спросите, кого здѣсь люблю болѣе? то скажу въ отвѣтъ: Государя, Императрицъ и Неву! Въ самомъ дѣлѣ, ни кто насъ здѣсь столько не ласкалъ, не поилъ и не кормилъ, какъ Дворъ, особенно въ лѣтніе мѣсяцы. Дай Богъ только, чтобы хорошо раздѣлаться съ исторіею, и чтобы хотя въ старости зажить въ своемъ домикѣ... Денегъ проживаемъ много, хотя во всемъ роскошномъ себѣ

отказываемъ. Худо, если «Исторія» не поправитъ нашего состоянія» (Спб., 26 октября 1817 г.).

Когда Императорскій Дворъ отправился на зиму, въ Москву, возникавшую изъ собственнаго пепла, Карамзинъ погостилъ также въ стѣнахъ древней столицы, и по желанію Императрицы Маріи Өеодоровны, написалъ очеркъ ея памятниковъ, подъ заглавіемъ «Записка о московскихъ достопамятностяхъ, для нѣкоторой особы, ѣхавшей изъ Петербурга въ Москву». Вотъ что самъ авторъ говоритъ объ этомъ бѣгломъ своемъ взглядѣ на древнюю столицу.

«Я писалъ «Записку о московскихъ достопамятностяхъ» на память; могъ иное забыть, но не забылъ главнаго». Здѣсь Карамзинъ описываетъ сначала прежнюю исторію Москвы, потомъ всѣ ея историческія достопамятности и окрестности. Статья эта была напечатана въ «Украинскомъ Вѣстникѣ», издававшемся въ Харьковѣ и возбудила сильную критику Каченовскаго, который доказывалъ, что записка эта не можетъ принадлежать перу исторіографа по своимъ ошибкамъ, и что она подложна. Но не смотря на такую строгую критику, Карамзинъ внесъ ее въ собраніе своихъ сочиненій, изданное 1820 году съ слѣдующею оговоркою: «Авторъ согласился напечатать здѣсь эту записку единственно для того, что она безъ его вѣдома, была напечатана въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» съ ошибками.—Не смотря на упреки Каченовскаго, статья эта очень интересна. Въ концѣ ея Карамзинъ говоритъ: «Въ заключеніе скажемъ, что Москва будетъ всегда истинною столицею Россіи. Тамъ средоточіе царства, всѣхъ движеній торговли, промышленности, ума гражданскаго. Красивый, великолѣпный Петербургъ дѣйствуетъ на государство въ смыслѣ просвѣщенія, слабѣе Москвы, ку-

да отцы везутъ дѣтей для воспитанія, и люди свободные ѣдутъ насладиться пріятностями общежитія. Москва непосредственно даетъ губерніямъ и товары и моды и образъ мыслей. Ея полу-азіятская физіономія, смѣсь пышности съ неопрятностію, огромнаго съ мелкимъ, древняго съ новымъ, образованія съ грубостію, представляетъ глазамъ наблюдателя нѣчто любопытное, особенное, характерное. Кто былъ въ Москвѣ, знаетъ Россію». * Тутъ сказано еще многое въ пользу Москвы, и заключено словами: «Москва заслуживаетъ имя *доброй*».

Карамзинъ оканчиваетъ 1817 годъ письмомъ къ брату:

«Давно уже послалъ я къ вамъ первый томъ исторіи: надѣюсь, что вы его получили. Въ исходѣ генваря, какъ думаю, выдамъ наконецъ всѣ осемь томовъ.

«Мы, благодаря Бога, почти совсѣмъ здоровы. Утѣшаемся дѣтьми, живемъ тихо и видимъ мало людей. Говорятъ, что Дворъ не возвратится сюда прежде іюня. Располагаемся прожить здѣсь до августа, не долѣе; хорошо, еслибъ къ тому времени хотя половина книги моей сошла съ рукъ, и съ честію для автора.— Коротко ли вы познакомились съ вашимъ губернаторомъ? Такъ ли онъ молодъ духомъ, какъ прежде?— Еще не знаю, буду ли продолжать исторію по изданіи осьми томовъ. Все въ рукѣ Божіей: и моя судьба и моя исторія» (Спб., 27 дек. 1817.):

Приведемъ разсказъ Стурдзы о встрѣчѣ съ Карамзинымъ, относящійся къ первымъ временамъ пребыванія Николая Михайловича въ Петербургѣ, именно къ 1817 году.

«Очень памятно мнѣ то время, пишетъ Стурдза, когда Карамзинъ переселился изъ Москвы въ Петербургъ, по зову Им-

* IX, 302—303.

ператора Александра-Перваго; въ то время, когда скромный труженикъ явился на судъ сѣверной столицы съ безсмертными плодами тринадцати-лѣтнихъ трудовъ своихъ надъ отечественною исторіею. Предубѣжденія личныя и самородное чувство зависти, которое гнѣздится въ человѣкѣ естественномъ, кривые толки педантовъ и свѣтскихъ людей, все умолкло, онѣмело при его появленія. Почтенный старецъ А. С. Шишковъ чистосердечно и публично отрекся отъ прежнихъ своихъ невыгодныхъ мнѣній о писателѣ Карамзинѣ. Не прошло мѣсяца, и маститый старецъ полюбилъ въ немъ человѣка, преклонилъ главу предъ изящной чистотою его слога, однимъ словомъ, влюбился въ его творенія и въ него самаго, что впрочемъ неудивительно; ибо мудрая кротость Карамзина, его непринужденное радушіе сильны были обезоружить противниковъ и порицателей, даже самыхъ упорныхъ. Горечь, злорадство, униженіе другихъ и высокое мнѣніе о себѣ такъ были чужды уму и сердцу Карамзина, что въ лѣтописяхъ всеобщей литературы равнаго ему въ незлобіи отыскать не возможно. Я встрѣтилъ въ первый разъ Карамзина въ гостинной Софьи Петровны Св.: онъ читалъ намъ вслухъ блистательный отрывокъ изъ своей Исторіи, а именно сказаніе о Дмитріѣ Донскомъ. Я внималъ ему въ толпѣ слушателей, отчасти любопытныхъ, отчасти недовѣрявшихъ его учености и таланту. Сквозь легкомысліе и вѣжливое лицемѣріе нѣкоторыхъ проглядывало глубокое, иногда забавное изумленіе. Эти домашнія чтенія повторялись во многихъ почетныхъ домахъ; вездѣ сыпались на автора похвалы, которыя онъ принималъ безъ услады и восторга, просто, съ неподражаемымъ добродушіемъ. Заслуженное имъ прежде сего сочувствіе и одобреніе Монарха, столь пламенно любившаго человѣчество, могло ли не быть для Карамзина лучшимъ залогомъ успѣха такихъ трудовъ, въ коихъ болѣе всего ды-

шетъ и отзывается любовь къ человѣчеству! Блестящій кругъ друзей, почитателей, обступилъ тогда любезнаго писателя. Нѣкоторымъ изъ нихъ я былъ обязанъ знакомствомъ съ нимъ. Великій писатель, со свойственною ему любезностію, обратилъ снисходительное вниманіе на мою незначительность. Драгоцѣннымъ звѣномъ этой связи былъ статсъ-секретарь, графъ Иванъ Антоновичъ Каподистрія; между государственнымъ человѣкомъ и государственнымъ бытописателемъ возникла дружба, упрочилось взаимное довѣріе; они понимали другъ друга и находили для себя особенное услажденіе въ частыхъ бесѣдахъ, оживляемыхъ высокимъ единомысліемъ. Карамзинъ объяснялся по-французски какъ нельзя лучше, соединяя духъ Русскаго съ европейскою образованностію, и на равнѣ съ Каподистріей вѣрилъ въ будущее вселенское предопредѣленіе Россіи. Съ этой стороны они сроднились совершенно, и остались друзьями до той самой роковой эпохи, которая сперва увлекла Каподистрію въ произвольное затворничество къ берегамъ Женевскаго озера, потомъ вызвала на новые подвиги въ Грецію и на страдальческую кончину.....»

1818 годъ увѣнчалъ Карамзина вѣчною славою.

Появленіе «Исторіи Государства Россійскаго», надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 300 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества: она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ иномъ и не говорили, какъ о колоссальномъ, невѣроятномъ историческомъ трудѣ Карамзина.

Въ февралѣ этого года, по выходѣ «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзинъ писалъ:

«Между-тѣмъ исторія моя вышла: я поднесъ ее Государю, обѣдалъ у него, былъ въ кабинетѣ.... По сію пору исторія расходится хорошо: осталась только половина экземпляровъ. Весьма желаю сбыть ее съ рукъ до отъѣзда въ Москву, чтобы не тащить обоза книжнаго за собою.... А мы, любезный братъ, остаемся при своемъ твердомъ планѣ ѣхать въ Москву около августа: тамъ я жилъ, тамъ мнѣ и умереть. Люблю Государя, Императрицъ, и смотрю въ свою нору» (Спб., 12 февраля 1818 г.).

«Исторія моя вся разошлась еще въ концѣ февраля: теперь здѣшніе книгопродавцы торгуютъ у меня второе изданіе и соглашаются дать мнѣ 50,000 въ пять лѣтъ; это не много, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія. — На сихъ дняхъ я читалъ библейскую рѣчь вашего губернатора. Молодецъ! я слышалъ, что она полюбилась Императору и князю Голицыну: это главное!» (Спб., 8 апр. 1818 г.).

«О возвращеніи нашемъ въ Москву не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго прежде іюля: тогда начнется второе тисненіе моей исторіи, и если увижу, что оно можетъ идти безъ меня, то въ августѣ поѣдемъ; а если увижу противное, то останемся здѣсь еще на годъ: чего мнѣ не хочется; но будетъ, какъ Богу угодно. 8 мѣсяцевъ жили мы въ Петербургѣ, какъ въ деревнѣ; мало выѣзжали, мало людей видѣли, и я спокойно продолжалъ свою исторію. Переѣдемъ ли въ Царское Село, не знаю. Слышу стороною, что Государь приказалъ очистить для насъ прежній домикъ; но между-тѣмъ не дано мнѣ знать о томъ отъ царскосельскаго начальника, а лѣто уже въ срединѣ» (Спб., 10 іюня 1818 г.).

Живя уже въ Царскомъ Селѣ въ концѣ августа исторіографъ писалъ:

«Нынѣшній день добрый Государь нашъ уѣхалъ за границу на четыре мѣсяца. Вчера былъ у насъ въ смиренномъ домикѣ, чтобы проститься съ К. А. и со мною. Всякую недѣлю мы обѣдали у него раза два. Онъ изъявляетъ ко мнѣ даже и нѣкоторую милостивую довѣренность въ разговорахъ. Нельзя не любить его всею душею, когда видимъ его вблизи и слышимъ разсужденія прекрасныя» (Царское Село, 27 авг. 1818 г.).

Въ ноябрѣ Карамзинъ удостоился получить письмо отъ Виртембергской Короловы, Екатерины Павловны, которая и внѣ отечества, продолжала переписку съ исторіографомъ. «Съ большимъ удовольствіемъ» — писала къ нему Королева — «я получила чрезъ матушку письмо ваше, Николай Михайловичъ; благодарю васъ за оное, какъ и за прежнее отъ 31-го маія. Дружба и память ваша (говорю тоже какъ и вы, въ двойномъ смыслѣ) мнѣ весьма пріятны. Благодарю васъ и за участіе, которое вы берете въ умноженіи моего семейства. Богъ далъ мнѣ дочь, здоровую, милую. Вообще не знаю, чѣмъ я заслужила всѣ Его ко мнѣ милости. Счастіе мое совершенно; не имѣю другаго желанія, какъ чтобы оно продолжилось. Двѣ недѣли мы здѣсь наслаждались удовольствіемъ видѣть матушку. Теперь ожидаемъ Михаила Павловича; потомъ Константина Павловича, а въ началѣ будущаго мѣсяца Государя и Государыню. Не боюсь наскучить вамъ, описывая мою радость: вы меня пріучили говорить съ вами откровенно. Вы ко мнѣ рѣдко пишете, и я не могу согласиться съ вами, чтобы это было къ лучшему. Пишите болѣе, и читайте менѣе конституцій Германіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи вижу національныя репрезентаціи, я выучилась цѣнить вѣсъ словъ. Хорошіе законы, хорошо исполняемые: вотъ лучшая конституція. Чи-

таю вашу исторію и наслаждаюсь ею; но, не прогнѣвайтесь: печать очень худа, глаза портитъ; жаль, потому что книга голову наполняетъ хорошими вещами. Поклонитесь отъ меня милой вашей супругѣ, которую я всегда люблю всѣмъ сердцемъ. Король поручилъ мнѣ васъ благодарить за все то, что вы ему ласковаго говорите. Не забывайте меня, и вѣрьте всегда, что никто вамъ не желаетъ болѣе добра» (13 ноября 1818 г.).

Въ 1818 г. Карамзинъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, и по этому случаю произнесъ 5 декабря въ Академіи рѣчь.

Второе изданіе «Исторіи» удержало Карамзина въ Петербургѣ. Вотъ что писалъ исторіографъ къ брату въ концѣ этого года:

«Мы привязаны теперь къ Петербургу вторымъ изданіемъ исторіи. Это мнѣ грустно. Люблю быть свободнымъ. Не перестаю думать о Москвѣ. Впрочемъ отдаю себя во власть Божію. Если мнѣ опредѣлено не умереть въ Петербургѣ, то, безъ сомнѣнія, выѣду изъ него.

«Не работа для меня опасна, а всякое внутреннее волненіе: нервы у меня такъ раздражены, какъ у женщины въ родахъ. Черезъ три дня ожидаютъ Государя. Люблю его всею душею, но не позволяю себѣ мечтать о продолженіи его милостей. Я уже старъ для Двора. Ни съ кѣмъ изъ ближнихъ людей Государевыхъ у меня нѣтъ ни малѣйшей связи. Одинъ добрый, умный графъ Каподистрія доказывалъ мнѣ пріязнь свою и тотъ ѣдетъ, какъ слышно, лѣчиться теплымъ климатомъ въ свое отечество» (Спб., 19 дек.).

Въ 1819 г. на Карамзина поступило нѣсколько доносовъ, писанныхъ личными его врагами. Узнавъ объ этомъ онъ от-

вѣчалъ: «Будучи и моложе, я не хотѣлъ сражаться съ наши-литературными забіяками. Пусть они единоборствуютъ..... вступаются будто бы за Іоанна Грознаго. И тутъ ничего не предпринимаю: есть Богъ и Царь! Если моя такъ называемая слава мыльный пузырь, то Богъ съ нею. Желаю не сердиться, и кажется едва ли сержусь».

Замѣчательно также письмо Карамзина отъ 17 октября 1819 г., въ которомъ онъ говорилъ съ Императоромъ Александромъ, какъ мы говоримъ съ Богомъ и съ совѣстью, съ совершеннымъ самоотверженіемъ.

Сохранилось еще письмо Карамзина, писанное имъ въ томъ же году къ К. Н. Батюшкову, находившемуся тогда въ Неаполѣ:

«Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ! Хотя и поздно, но тѣмъ не менѣе искренно благодарю васъ за ваше дружеское письмо, которое мы, друзья ваши, нѣсколько разъ читали съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Мыслимъ, чувствуемъ и наслаждаемся съ вами. Не завидую вамъ единственно для того, что стараюсь ничему не завидовать. Помпея для меня любопытнѣйшій монументъ римскихъ древностей: не достаетъ однихъ лицъ и голоса. Тутъ въ одинъ часъ лучше, очевиднѣе узнаемъ Римлянъ, нежели въ десять лѣтъ чтенія. Чѣмъ мы ближе къ старости, тѣмъ болѣе любимъ старину, тѣмъ краснорѣчивѣе бесѣдуемъ съ нею, видя далѣе взадъ, нежели впередъ. А васъ люблю еще болѣе старины и всѣхъ памятниковъ, между которыми вы гуляете тѣломъ и душею; но прошу не сказывать того Антикваріямъ. Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя и любезнаго въ любезныхъ: оно есть душа души; свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами-ли, прозою-ль,

только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно. — Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье, что оно уже цвѣтетъ, и плодомъ будетъ милое дитя съ вѣнкомъ лавровымъ для родителя: поэма, какой не бывало на Святой Руси! Такъ ли, мой добрый поэтъ? говорю съ улыбкой, но безъ шутки. Сохрани васъ Богъ еще хвалить лѣнь, хотя бы и прекрасными стихами! Напишите мнѣ.... Батюшкова, чтобы я видѣлъ его какъ въ зеркалѣ, со всѣми природными красотами души его, въ цѣломъ, не въ отрывкахъ; чтобы потомство узнало васъ, какъ я васъ знаю, и полюбило васъ, какъ я васъ люблю. Въ такомъ случаѣ соглашаюсь долго, долго ждать отвѣта на это письмо. Спрошу: что дѣлаетъ Батюшковъ? зачѣмъ не пишетъ ко мнѣ изъ Неаполя? И если невидимый геній шепнетъ мнѣ на ухо: Батюшковъ трудится надъ чѣмъ-то безсмертнымъ, то скажу: пусть его молчитъ съ друзьями, лишь бы говорилъ съ вѣками! Но вы насъ такъ любите, что я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ о себѣ, о женѣ, о дѣтяхъ. Мы благодаримъ Бога: это все! К—ны живы, здоровы и ничѣмъ не прослужились передъ вами. — Дочитываю корректуры VII тома, второй эдиціи: авось допишу и IX томъ къ лѣту. Общіе друзья наши также не перемѣнились. — Скажу вамъ за достопамятность, что мы нашли способъ прожить внѣ города шесть мѣсяцевъ, отъ 26 апрѣля до 20 октября. Лѣто здѣсь было удивительное, не хуже италійскаго. Не скрою однакожъ, что завтра отправимся въ Петербургъ уже по снѣгу!—Наконецъ, простите, любезнѣйшій другъ, обнимаю васъ нѣжно. Будьте здоровы, спокойны, дѣятельны, веселы, и разлюбите насъ единственно тогда, когда мы перестанемъ васъ любить, или сдѣлаемся недостойны любви вашей; quod absit» (Царское село, 20 октября 1819 г.).

Въ концѣ года Карамзинъ писалъ брату изъ Петербурга:

«Живемъ болѣе уединенно. Второе изданіе моей исторіи приходитъ къ концу, Желаю если можно, дописать девятый томъ лѣтомъ, издать его въ Петербургѣ и ждать смерти, гдѣ Богъ велитъ» (24 дек.).

Къ этому времени относится весьма интересная статья Ѳ. В. Булгарина, подъ заглавіемъ: «Встрѣча съ Карамзинымъ».

Въ 1819 году, въ зимніе вечера собирались къ одному содержателю пансіона въ Петербургѣ (французскому дворянину) любители литературы; это былъ родъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ бывалъ Карамзинъ, куда явился и Булгаринъ. Вотъ какъ онъ описываетъ встрѣчу съ исторіографомъ.

«...Началось чтеніе Мольеровой піесы. Вдругъ дверь въ залѣ потихоньку отворяется, и входитъ человѣкъ, высокаго роста, не молодыхъ лѣтъ и прекрасной наружности. Онъ такъ тихо вошелъ, что ни мало не разстроилъ чтенія, и, пробираясь за рядомъ креселъ, присѣлъ въ самомъ концѣ полукруга. Орденская звѣзда блестѣла на темномъ фракѣ, и еще болѣе возвышала его скромность. Другой вошелъ бы съ шумомъ и шарканьемъ, чтобъ обратить на себя вниманіе, и получить почетное мѣсто. Незнакомецъ никого не обезпокоилъ. Я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и участіемъ. Черты его лица казались мнѣ знакомыми, но я не могъ вспомнить, гдѣ и когда я видѣлъ его. Лице его было продолготоватое; чело высокое, открытое, носъ правильный, римскій. Ростъ и губы имѣли какую-то особенную пріятность и, такъ сказать, дышали добродушіемъ. Глаза не большіе, нѣсколько сжаты, но прекраснаго разрѣза, блестѣли умомъ и живостью. Въ половину посѣдѣлые волосы зачесаны были съ боковъ на верхъ головы. Физіогномія его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительныя черты его лица были двѣ большія морщины при

окончаніи щекъ, по обѣимъ сторонамъ рта. Я, по невольному влеченію, искалъ его взгляда, который, казалось, говоритъ душѣ что то сладостное, утѣшительное.— На его одушевленной физіогноміи живо отражались всѣ впечатлѣнія, производимыя чтеніемъ. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера, не ускользнули отъ его вниманія. Неудовольствіе изображалось на лицѣ, какъ облако въ чистой водѣ, когда чтецъ дошелъ до нѣкоторыхъ плоскостей, встрѣчающихся въ комедіяхъ Мольера, жертвовавшаго иногда вкусу для своего современнаго партера. Я не сводилъ глазъ съ незнакомца, и размѣрялъ по его ощущеніямъ мои собственныя.— Дошла очередь до моей статьи. Она была написана мною вслѣдствіе моего спора съ Французами о нѣмецкой трагедіи, и заключала въ себѣ обозрѣніе и краткій разборъ Шиллеровыхъ драматическихъ твореній. Прежде, я хладнокровно представлялъ мои бездѣлки на судъ снисходительныхъ любителей словесности, но на этотъ разъ сердце мое забилось сильнѣе: я чувствовалъ, что въ незнакомцѣ имѣю знающаго и опытнаго судью. Во время чтенія г. Сенъ-Мора, я съ боязнію поглядывалъ на незнакомца, и старался вычитать мой приговоръ на его лицѣ. Счастіе мнѣ благопріятствовало: я съ радостію примѣтилъ, что незнакомецъ былъ доволенъ.— Кончилось чтеніе, слушатели встали съ мѣстъ своихъ, и начался разговоръ. Съ нетерпѣніемъ подбѣжалъ я къ хозяину, чтобы спросить, объ имени занимательнаго незнакомца. «Это Карамзинъ»!— отвѣчалъ хозяинъ, и поспѣшилъ къ нему, благодарить за посѣщеніе. «Карамзинъ!»—воскликнулъ я такъ громко, что онъ обернулся и посмотрѣлъ на меня. Вся нервическая моя система потряслась при семъ магическомъ имени, и всѣ усыпленныя воспоминанія моей юности вспорхнули въ одно время. Есть ли одинъ грамотный человѣкъ въ Россіи, въ хижинѣ и въ

чертогахъ, отъ береговъ Камчатки до Вислы, который бы не зналъ имени Карамзина? Есть ли одинъ образованный иностранецъ, который бы не соединялъ имени Карамзина съ воспоминаніемъ о просвѣщеніи Россіи? — Я видѣлъ гравированный портретъ, и теперь повѣрялъ давно знакомыя черты писателя, котораго каждая строка прочтена мною по нѣскольку разъ. Съ юности моей я былъ свидѣтелемъ его успѣховъ, его славы. Я членъ того поколѣнія, въ которомъ онъ сдѣлалъ литературный переворотъ. Онъ заставилъ насъ читать русскіе журналы своимъ Московскимъ Журналомъ и Вѣстникомъ Европы; онъ своими Аонидами и Аглаей ввелъ въ обычай альманахи: онъ письмами «Русскаго путешественника» научилъ насъ описывать легко и пріятно наши сртанствія; онъ своими несравненными повѣстями привязалъ свѣтскихъ людей и прекрасный полъ къ русскому чтенію; онъ сотворилъ легкую, такъ сказать, общественную прозу; онъ первый возжегъ свѣтильникъ грамматической точности и правильности въ слогѣ, представивъ образцы во всѣхъ родахъ; онъ познакомилъ всѣ состоянія Россіянъ съ отечественною исторіею, очистивъ ее отъ архивной пыли. — Такъ вотъ Карамзинъ! вотъ исполинъ русской словесности! Различіе въ мнѣніяхъ на счетъ изложенія исторіи, ни мало не ослабляло во мнѣ чувства уваженія къ великому мужу, и не затемняло его великихъ заслугъ и дарованій. Я смотрѣлъ на него съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ древніе взирали на изображеніе олицетворенной славы и заслуги.

«Господинъ Сенъ-Моръ знакомъ былъ съ Карамзинымъ. Я попросилъ г-на Сенъ-Мора представить меня великому писателю; что и было тотчасъ исполнено. — «Я согласенъ съ вами на счетъ трагедіи, сказалъ онъ мнѣ, послѣ перваго привѣтствія. Классики требуютъ слишкомъ точнаго соблюденія трехъ единствъ; романтики отвергаютъ всѣ условія искус-

ства. Вы справедливо говорите, что надлежало бы выбрать средину между двумя крайностями. Три единства слишкомъ стѣсняютъ кругъ дѣйствія; соединеніе отдаленныхъ эпохъ въ драмѣ развлекаетъ вниманіе, и ослабляетъ занимательность цѣлаго. Пусть появится другой Рассинъ во Франціи— и онъ сдѣлаетъ переворотъ въ мнѣніяхъ, ибо людей должно убѣждать не теоріями изящнаго, а примѣрами». При сихъ словахъ, Карамзинъ пріятно улыбнулся, и примолвилъ: «Я говорю не на счетъ вашей теоріи: говорить правду все-таки надобно. Слѣдствія приходятъ послѣ.— Карамзинъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ на счетъ моего пребыванія за границею; но какъ ни время, ни мѣсто не позволяли распространяться въ разговорахъ, то я долженъ былъ съ горестью отстать отъ Карамзина, и уступить свое мѣсто другимъ. Я просилъ у него позволенія, посѣтить его. Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: — «Въ девять часовъ вечера, я пью чай въ кругу моего семейства. Это время моего отдыха. Милости просимъ: я всегда буду радъ вамъ. Прошу за просто, безъ предварительныхъ визитовъ».

Я не преминулъ воспользоваться этимъ позволеніемъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился къ Карамзину. Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ г-жи Муравьевой, въ верхнемъ этажѣ. Меня впустили въ залу безъ доклада; въ первой комнатѣ за круглымъ чайнымъ столикомъ, на которомъ стоялъ самоваръ, помѣщалось цѣлое семейство Карамзина; самъ онъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ полукругѣ посѣтителей. Карамзинъ встрѣтилъ меня въ половинѣ комнаты; дружески пожавъ руку: произнесъ громко мою фамилію, представляя другимъ собесѣдникамъ, и просилъ садиться. Въ его пріемахъ, обращеніи и во всѣхъ движеніяхъ соединялось глубокое познаніе свѣтскихъ приличій съ какимъ-то необыкновеннымъ добродушіемъ и просто-

тою патріархальныхъ временъ. Каждое его слово, каждое движеніе шло прямо отъ сердца. Находясь въ обществѣ незнакомыхъ людей, въ первый разъ въ домѣ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія и принужденія. Общество составлено было изъ людей разнаго званія и происхожденія: русскихъ первоклассныхъ чиновниковъ, литераторовъ и иностранцевъ; но всѣ сіи разнородныя части спаивались въ одно цѣлое умомъ и душею хозяина. Въ обращеніи его не видно было, чтобы онъ отдавалъ кому-либо преимущество на счетъ другаго. Добродушная его нѣжность разливалась равно на всѣхъ. Онъ говорилъ со всякимъ однимъ тономъ, и слушалъ каждаго съ одинаковымъ вниманіемъ. Люди сближались между собою — Карамзинымъ. Всѣ преимущества нисходили или возвышались на одинакую степень въ его присутствіи. Онъ былъ душею, и не видимо давалъ направленіе и располагалъ движеніями членовъ своего общества.

«Въ это время, когда я познакомился съ Карамзинымъ, весьма въ немногихъ домахъ въ Петербургѣ принимали литератововъ и вообще всѣхъ гостей по ихъ внутреннему достоинству. Я говорю теперь о Карамзинѣ. Сей великій писатель былъ любезнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ искусство бесѣдовать, которое вовсе различно съ искусствомъ разсказывать. Хорошій разскащикъ нравится намъ иногда, когда мы расположены слушать; но человѣкъ, умѣющій поддерживать разговоръ и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо онъ умѣетъ быть и слушателемъ и разскащикомъ.

«Карамзинъ охотно говорилъ по-русски — и говорилъ прекрасно. Иностранные языки онъ употреблялъ только съ иностранцами. Въ его рѣчахъ не было изысканныхъ выраженій и ссылокъ на авторовъ, столь утомительныхъ въ разговорахъ, но рѣченія его сами по себѣ имѣли полноту и круг-

лость; онъ никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровіе въ разговорахъ, онъ воспламенялся только, когда рѣчь заходила о Россіи, объ исторіи и объ его старинныхъ друзьяхъ. Тогда физіономія его одушевлялась особенною выразительностью, и взоры искрѣли. Онъ никогда изъ вѣжливости не соглашался съ чужимъ мнѣніемъ вопреки собственнаго убѣжденія, но не спорилъ, а умѣлъ своему противорѣчію сообщать такую нѣжность и снисходительность, что всегда побѣждалъ своего противника, который если не перемѣнялъ мнѣніе, то по-крайней-мѣрѣ долженъ былъ замолчать. Карамзинъ никогда не хотѣлъ торжествовать въ разговорѣ, и если примѣчалъ, что противникъ его уклонялся отъ противурѣчій, то нѣжно, ласково и постепенно, не перескакивая быстро къ другому предмету, перемѣнялъ разговоръ, выводя всегда своихъ собесѣдниковъ на самыя блестящія мѣста разговорнаго поприща.

«Въ этотъ вечеръ разговоръ начался о сравнительномъ состояніи простаго народа въ Россіи и во Франціи. Я сказалъ: «Францію вообще можно сравнить съ галантерейною вещью, лучшей филиграновой работы, съ финифтью; а Россію можно уподобить слитку золота. На видъ Франція имѣетъ преимущество, но на вѣсъ — Россія». Карамзинъ улыбнулся: «Правда», сказалъ онъ: «что Россія тяжела на политическихъ вѣсахъ Европы, и что массивное ея состояніе на долго предохранитъ ее отъ ломки и измятія. Но извините, примолвилъ онъ: «въ сравненіи своемъ, вы позабыли сказать, какой формы слитокъ?»—«Каждая форма пріятна для глазъ», отвѣчалъ я: «если въ ней соблюдена гармонія».—«Если такъ, согласенъ», сказалъ Карамзинъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ распространился въ похвалахъ веселости и уму Французскаго народа. Карамзинъ сказалъ: «Вы правы: но въ Русскомъ народѣ веселость и умъ также врожденныя качества. Не му-

дрено веселиться подъ свѣтлымъ небомъ Франціи, подъ тѣнью каштановъ, среди виноградниковъ, по близости большихъ городовъ; но у насъ, среди трескучихъ морозовъ въ дымныхъ избахъ, или въ тяжкомъ трудѣ краткаго лѣта, крестьянинъ всегда веселъ, всегда поетъ или шутитъ. У насъ безъ школъ поселяне выучиваются самоучкою грамотѣ и, разрядъ нашихъ сельскихъ поэтовъ и романистовъ едва ли не многочисленнѣе класса привилегированныхъ литераторовъ. Много ли можно насчитать тѣхъ счастливцевъ, которыхъ сочиненія сохраняются столь долго, какъ русскія пѣсни и сказки? Общее правило: счастье состоитъ въ томъ, чтобы довольствоваться малымъ; а нѣтъ человѣка въ мірѣ, который имѣлъ бы менѣе нуждъ какъ русскій крестьянинъ, и который бы такъ охотно и такъ весело трудился». Разговоръ обратился на русскія сказки и пѣсни, и Карамзинъ, объясняя красоты нѣкоторыхъ пѣсней и занимательность сказокъ примолвилъ: «Я давно уже имѣлъ намѣреніе собрать и издать русскія пѣсни, если возможно, расположивъ хронологическимъ порядкомъ, и присоединить къ нимъ историческія и эстетическія замѣчанія. Другія занятія отвлекли меня отъ сего предпріятія, но я не отказался отъ него. Я недоволенъ всѣми нашими собраніями; въ нихъ нѣтъ ни выбора, ни порядка». — Само по себѣ разумѣется, что всѣ мы искренно пожелали, чтобы Карамзинъ исполнилъ свое предпріятіе.

«Первое мое посѣщеніе продолжалось два часа. Я не могъ рѣшиться оставить бесѣду:— мнѣ такъ было хорошо и весело! Умъ и сердце безпрестанно имѣли новыя, легкія, пріятныя занятія. Я хотѣлъ по модному обычаю вытти изъ комнаты, не простясь съ хозяиномъ, но Карамзинъ не допустилъ меня до этого. Онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку (по-англійски), и пригласилъ посѣщать его. Я видѣлъ почти всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ и литера-

торовъ на твердой землѣ Европы, во время моего странствія; но признаюсь, что весьма не многіе изъ нихъ произвели во мнѣ такое впечатлѣніе при первой встрѣчѣ какъ Карамзинъ, и это отъ того, что весьма не многіе имѣютъ такое добродушіе въ обращеніи, такую простоту въ пріемахъ, какъ имѣлъ Карамзинъ; что онъ при обширныхъ свѣденіяхъ зналъ искусство бесѣдовать, и наконецъ, что въ каждомъ его словѣ видна была душа добрая, благородная. Вотъ магнитъ сердецъ!

«Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего посѣщенія, я встрѣтилъ Карамзина въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, пѣшкомъ, по утру въ восемь часовъ. Погода была самая несносная: мокрый снѣгъ падалъ комками и ударялъ въ лице; оттепель испортила зимній путь. Одинъ только процессъ, или другая какая бѣда, могли выгнать человѣка изъ дому въ эту пору. Я думалъ, что Карамзинъ меня не узнаетъ, ибо онъ два раза только видѣлъ меня, и то вечеромъ. Но онъ узналъ меня. Я изъявилъ ему мое удивленіе, что встрѣчаю его въ такое время. «Я имѣю обыкновеніе», сказалъ Карамзинъ: «прогуливаться пѣшкомъ поутру до десяти часовъ. Въ эту пору я возвращаюсь домой къ завтраку. Если я здоровъ, то дурная погода не мѣшаетъ мнѣ; напротивъ того, послѣ такой прогулки лучше чувствуемъ пріятность теплаго кабинета». — «Но должно сознаться», возразилъ я: «что вы выбираете не лучшія улицы въ городѣ для своей прогулки».— «Необыкновенный случай завелъ меня сюда», отвѣчалъ Карамзинъ. «Чтобъ не показаться вамъ слишкомъ скрытнымъ, я долженъ вамъ сказать, что я отыскиваю одного бѣднаго человѣка, который часто останавливаетъ меня на улицѣ, называетъ себя чиновникомъ, и проситъ подаяніе именемъ голодныхъ дѣтей. Я взялъ его адресъ, и хочу посмотрѣть, что могу для него сдѣлать». Я взялся сопутствовать Карамзину. Мы отыскали квартиру бѣднаго чиновника, но не застали его

дома. Семейство его въ самомъ дѣлѣ было въ жалкомъ положенiи. Карамзинъ далъ денегъ старушкѣ, и распросилъ ее о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни отца семейства.

«Выходя изъ воротъ, мы встрѣтили его, но въ такомъ видѣ, который тотчасъ объяснилъ намъ загадку его бѣдности. Карамзинъ не хотѣлъ обременить его упреками: онъ покачалъ только головою, и прошелъ мимо.—«Досадно», сказалъ Карамзинъ, улыбаясь: «что мои деньги не попали туда, куда я назначилъ ихъ. Но я самъ виноватъ: мнѣ надлежало бы прежде освѣдомиться объ его поведенiи. Теперь буду умнѣе, и не дамъ денегъ ему въ руки, а въ домъ».

«Благородный человѣкъ! Вотъ какъ онъ услаждалъ свои прогулки передъ утреннею работою. Мудрено ли послѣ этого, что каждая его строка дышетъ любовью къ человѣчеству, ко всѣму доброму, полезному. Бюффонъ справедливо сказалъ, и Карамзинъ повторилъ: что человѣкъ изображается въ слогѣ своемъ. Правильность, нѣжность, простота, занимательность слога Карамзина, были отпечатками его характера. Различiе въ мнѣнiяхъ никогда, не могло ослабить уваженiя къ нему въ человѣкѣ благомыслящемъ. Отдаленное потомство скажетъ: Карамзинъ, былъ великiй писатель, и— благородный, добрый человѣкъ. Одно стоитъ другаго. Но какое счастiе, если это соединено въ одномъ лицѣ!

Живя въ Петербургѣ, Карамзинъ обыкновенно проводилъ лѣтпее время въ Царскомъ селѣ, гдѣ Государь предложилъ ему прелестный китайскiй домикъ * въ дворцовомъ саду. Благоволенiе Императора Александра къ Карамзину было такъ велико, что онъ самъ удостоивалъ его своими посѣщенiями, находя удоволствiе въ его бесѣдѣ, которая происхо-

* Гречь говоритъ дворцовый флигель.

дила въ *зеленомъ кабинетѣ:* такъ Императоръ Александръ называлъ большую аллею царскосельскаго сада. Разговаривая откровенно съ Государемъ, Карамзинъ часто пользовался расположеніемъ его, чтобы ходайствовать за несчастныхъ. Когда пріѣхалъ изъ Москвы другъ Карамзина Дмитріевъ, то по волѣ Государя ему былъ отведенъ домъ противъ самаго жилища исторіографа. Дмитріевъ пришелъ къ Государю, изъявить благодарность.... — «Я знаю, за что вы хотите меня благодарить, сказалъ съ улыбкою Императоръ Александръ, я хотѣлъ васъ свести глазокъ на глазокъ съ Николаемъ Михайловичемъ».

Въ маѣ 1820 г. Карамзинъ писалъ къ брату изъ Царскаго села:

«Нынѣшній годъ думаемъ провести въ Петербургѣ. Если Богъ дастъ мнѣ зимою кончить и напечатать девятый томъ исторіи, то можемъ въ слѣдующее лѣто отправиться въ Москву. Впрочемъ не дѣлаю плановъ: живу день за день» (25 мая).

=

ГЛАВА XII.

—

Въ 1821 г. Стурдза еще разъ встрѣтился съ Карамзинымъ.

«Въ послѣдствіи, и не ранѣе 1821 года, ознаменованнаго смертію Наполеона и возстаніемъ православной Греціи, говоритъ Стурдза, я опять встрѣтился съ Карамзинымъ въ Петербургѣ, многоразлично искушенный и переплавленный въ горнилѣ испытаній житейскихъ. Въ то время давно уже высился и свѣтилъ на небосклонѣ Россіи величественный маякъ исторіи Карамзина, надъ коимъ онъ продолжалъ трудиться еще съ надеждою достроить оный. Нашъ исторіографъ, неизмѣнно привѣтливый и скромный, охотно возобновилъ знакомство со мною, началъ ѣздить ко мнѣ, и просиживалъ по нѣскольку часовъ въ моемъ домѣ. Онъ отмѣнно любилъ мирныя пренія, искренно радовался противорѣчію, ни когда не сердился и не утомлялся въ продолженіи этихъ задушевныхъ бесѣдъ. Чѣмъ болѣе забывалъ личную славу, тѣмъ мы усерднѣе вспоминали о ней. На стезѣ жизни мнѣ никогда не случалось встрѣтить писателя, менѣе самолюбиваго и болѣе благосклоннаго къ рождающимся талантамъ. Чего не сдѣлалъ онъ для Пушкина, то умѣряя порывы сего своенравнаго генія, то горячо вступаясь за виновнаго и заботливо пролагая ему новые пути къ достиженію родной ему славы и знаменито-

сти? Въ семъ отношеніи сколь многіе и многіе остались у незабвеннаго въ долгу! Забывчивость эту можно приписать отчасти тревожному движенію нашего вѣка, который не рѣдко стоя на одной точкѣ, въ упоеніи гордости мечтаетъ, что ушелъ далеко впередъ.— Не говоря о достоинствѣ Карамзина, какъ историка, стоитъ только взглянуть на его великія заслуги русскому слову, чтобы признать въ немъ высокое историческое лицо, одно изъ лучшихъ украшеній будущей русской исторіи. То, что сдѣлалъ Сперанскій въ пользу государственнаго и дѣловаго слога, то самое совершено Карамзинымъ на поприщѣ отечественной словесности. Въ трудахъ сихъ двухъ необыкновенныхъ людей проявляется какое-то паралельное шествіе, логическій переходъ отъ преобразованія къ преобразованіямъ, всегдашняя разборчивость вѣрнаго вкуса и благоразумная смѣлость нововводителей, постоянно благоговѣющихъ къ старинѣ и святынѣ.

«Второе воспитаніе, совершившееся подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ ревнителей просвѣщенія съ отливомъ XVIII столѣтія, сообщило юношескому уму Карамзина направленіе не во всемъ вѣрное, сбивавшееся на стезю тогда модной филантропіи, частію изнѣженной, частію лицемѣрной. Но путешествіе по Западу, заданное въ урокъ Карамзину по окончаніи ученія, хотя и сблизило юношу съ примрачными мечтателями Германіи и Швейцаріи, не могло однако же одолѣть въ немъ природнаго, здраваго, русскаго смысла. Оно, напротивъ, доставило ему случай видѣть вблизи и осязать умомъ много блестящихъ призраковъ, которыми плѣнялось его воображеніе. Онъ сохранилъ простую вѣру, притаившуюся въ его душѣ, не разлюбилъ старины, не измѣнилъ скромнымъ обѣтамъ посильнаго служенія отечеству, и никакъ не подружился съ духомъ современнаго высокомѣрія. Это было и осталось сокровеннымъ источникомъ постоянно возраста-

шихъ трудовъ его на поприщѣ словесности и наукъ. Карамзинъ не переставалъ учиться, наставляя другихъ; мало-помалу переходилъ отъ пріятнаго къ полезному, отъ мелкихъ произведеній къ важнѣйшимъ, шелъ, такъ сказать, объ руку съ своими читателями, смиренно воспитывая ихъ и себя. Его «Исторія Государства Россійскаго» подобна зданію огромному, вышина коего обличаетъ глубину и многотрудность прочнаго основанія. Время очень немного догадокъ его опровергло; добросовѣстность историка подаетъ читателямъ ключъ къ отысканію ошибокъ его, въ богатомъ запасѣ его примѣчаній. Конечно, его розысканія о происхожденіи Славянъ не совсѣмъ удовлетворительныя, и сужденія его о Востокѣ отзываются предразсудками западной образованности; но, въ оправданіе Карамзина, замѣтимъ, что надъ колыбелію каждаго народа простерта непроницаемая пелена, которую поднять и знаменитѣйшимъ историкамъ не удавалось. Что же касается до взгляда его на Востокъ, онъ не всегда вѣренъ, потому что рѣшительно насъ такъ воспитываютъ. Однако загляните въ его исторію: съ какимъ усердіемъ слѣдитъ онъ въ ней постепенное развитіе христіанства въ нашемъ отечествѣ! То, что ускользнуло отъ его взора, приводится теперь въ стройный составъ похвальными трудами новѣйшихъ изслѣдователей. А нравы, языкъ, обычаи древней Руси какъ занимаютъ его! Съ какимъ усердіемъ ловитъ онъ недосказанныя слова лѣтописцевъ, и пишетъ картину Русскаго народа въ разныя времена, вопреки несправедливой укоризнѣ тѣхъ, кои стараются увѣрить насъ, что Карамзинъ, занявшись государствомъ, забылъ о народѣ! Этотъ обдуманный укоръ впервые вышелъ изъ устъ нашего знаменитаго гостя Гумбольдта; и не удивительно, потому что и величайшему естествоиспытателю, роющемуся въ утробѣ земной, недосугъ заняться ея поверхностію. Но то удивительно, что

бѣглое слово, мимолетомъ сказанное остроумнымъ иностранцемъ, тайникомъ природы, это слово подхватили Русскіе, и на немъ пытались соорудить историческое зданіе, лучше и полнѣе Карамзинскаго труда.

«Слогъ безсмертнаго повѣствователя выше всякой похвалы; выдержанный безъ образца, онъ сдѣлался образцовымъ, и если въ немъ желалось бы иногда болѣе упругости и твердаго выраженія мыслей, то эта излишняя мягкость часто уступаетъ вдохновенію бытописателя. Въ исторіи Карамзина много страницъ и цѣлыхъ отрывковъ, въ которыхъ мысли и чувства выражены съ непреоборимою силою; таковы, напримѣръ: Куликовская битва, нашествіе Тамерлана, взглядъ на реформацію XVI вѣка и яркія черты жестокости временъ Іоанна IV.

«Нерѣдко случалось мнѣ слышать упреки исторіи Карамзина и за то, что авторъ вывелъ изъ творенія своего невѣрныя и одностороннія заключенія. Нѣкто, ревностный читатель безсмертнаго его труда, однажды при мнѣ выразилъ ему самому это замѣчаніе. Карамзинъ отвѣтилъ на сіе вопросомъ: «Вы, можетъ быть, правы; но скажите мнѣ, какое впечатлѣніе производитъ на васъ моя исторія? Если оно несогласно съ моимъ мнѣніемъ, то въ этомъ я не вижу бѣды. Добросовѣстный трудъ повѣствователя не теряетъ своего достоинства потому только, что читатели его, узнавъ съ точностію событія, разногласятъ съ нимъ въ выводахъ. Лишь бы картина была вѣрна,— пусть смотрятъ на нее съ различныхъ точекъ.

«Въ заключеніе скажемъ: Николай Михайловичъ Карамзинъ, живой примѣръ безпримѣрнаго добродушія, незлобія и даровитости ума, началъ и открылъ для насъ періодъ народнаго самосознанія. До него Россія походила на тѣ полярныя страны, въ которыя должно пробираться по сугробамъ и

глубокимъ снѣгамъ, при багровомъ отливѣ сѣверныхъ сіяній или въ полуночномъ мракѣ. Онъ проложилъ и разработалъ стези къ знанію прошедшаго; а безъ сего знанія нравственная жизнь и доблесть какого бы то ни было народа поглощается долупреклоннымъ влеченіемъ къ веществу или раболѣпствомъ ко всему чужеземному. Такая заслуга выше всѣхъ заслугъ, вособенности, когда человѣкъ не ниже великаго писателя. Горе тому, кто не чистою жизнію порочитъ изящество своихъ умственныхъ произведеній! Но Карамзинъ, и въ семейномъ кругу, и на службѣ отечеству, и въ скромной храминѣ ученаго, и въ сношеніяхъ съ миромъ и людьми, оправдалъ аксіому Цицерона, гласящаго, что ораторъ долженъ быть— vir bonus. И подлинно, гармонія созерцательности съ дѣятельностію, какъ умилительный напѣвъ на слова и чувства высокія, миритъ насъ съ неравенствомъ способностей и дарованій, убѣждаетъ насъ въ первобытномъ единствѣ истины и красоты, однимъ словомъ, кладетъ свѣтлую печать Божескаго избранія на мысли и труды, на самыя страданія человѣчества.

«Безвременная, ничѣмъ не замѣняемая кончина Карамзина, похищеннаго у Россіи, у родныхъ и друзей его, въ ту эпоху жизни, когда старость только что осѣнила зрѣлое мужество, эта утрата не для него, а для насъ ознаменовалась обстоятельствами, которыхъ память должна быть сохранена. Историкъ нашъ, больной тѣломъ, но бодрый духомъ, жилъ тогда въ Таврическомъ дворцѣ, по милости Царской. Для него снаряжали фрегатъ, на которомъ онъ думалъ отплыть въ Италію. Сыновняя любовь къ незабвенному В. А. Жуковскаго сердобольно и зорко слѣдила признаки усилившагося въ немъ недуга. Отъ нѣжнаго его участія не могла укрыться горькая забота больнаго о будущей судьбѣ любимыхъ имъ супруги и дѣтей. Онѣ уже сиротѣли по предчувствію, и доб-

рый отецъ, среди разрушенія земной его храмины, смотрѣлъ душою вдаль, за предѣлы гроба; его смущали частые приливы тоски и маловѣрія. Но немного времени прошло со дня возшествія на престолъ Императора Николая I, какъ рука вѣрнаго друга привезла больному державный отвѣтъ на всѣ недоумѣнія и тревоги отеческаго сердца Карамзина. Ему и семейству его пожалованъ пенсіонъ, значительность коего, или, точнѣе, поучительная безпримѣрность, далеко превзошла всѣ надежды великаго труженника. Страдалецъ, изумленный и вмѣстѣ тронутый до глубины души, вздумалъ заботиться о томъ, какая послѣ сихъ щедротъ достанется въ удѣлъ награда заслугамъ и подвигамъ, выше его собственныхъ. И это едва ли не самая прекрасная и умилительная черта благородной и безкорыстной души и жизни нашего исторіографа.

Въ 1822 году Карамзинъ поздравлялъ Императора Александра съ праздникомъ Воскресенія Христова. «Во истину воскресе!» — отвѣчалъ Государь изъ Царскаго Села. — «Чистосердечно сожалѣю, что возобновленіе погорѣвшаго домашняго моего храма лишило меня удовольствія христосоваться съ уважаемымъ мною исторіографомъ. Прошу изъявить Екатеринѣ Андреевнѣ мою признательность, поздравить отъ меня ее, и всю вашу семью, и быть увѣреннымъ въ искренней моей пріязни».

17 іюля 1822 г. Карамзинъ писалъ къ А. Д. Балашеву, и просилъ его о защитѣ 130 душъ крестьянъ Николая Михайловича, находившихся въ Мценскомъ уѣздѣ.

«.....Драгоцѣнности рязанскія теперь разсматриваю: Государю угодно было прислать ихъ ко мнѣ. Можетъ быть, вѣковъ пять это лежало въ землѣ. Работа и греческія буквы

надписей весьма древни. Подробное описаніе, изъясненія и догадки оставляю нашимъ записнымъ антикваріямъ. У насъ теперь гоститъ Иванъ Ивановичъ и живетъ въ одномъ изъ здѣшнихъ китайскихъ домиковъ, но уже думаетъ о возвращеніи въ Москву послѣ петергофскаго праздника, вопреки пустымъ, ложнымъ слухамъ о новомъ вступленіи его въ службу: ни ему не предлагали, ни онъ не мыслитъ о томъ, желая доживать вѣкъ свой на свободѣ».

«Скоро останемся въ Царскомъ Селѣ пустынниками. Государь отправится на конгресъ, какъ слышно, въ началѣ августа; Императрица вдовствующая переѣдетъ въ городъ прежде сентября, а мы хотѣли бы прожить здѣсь до октября, какъ бывало.

«Сдѣлайте одолженіе, напомните объ насъ, о мужѣ и женѣ, милостивой государынѣ Еленѣ Петровнѣ, и примите увѣреніе въ душевномъ высокопочитаніи и въ искреннѣйшей преданности, съ коими имѣю честь быть» (Царское Село 17 іюля 1822 г.).

Въ августѣ 1822 Императоръ Александръ, уѣзжая въ Верону, взялъ съ собою въ рукописи десятый томъ «Исторіи Государства Россійскаго» — царствованіе Ѳедора Іоанновича. «Въ первые три дни моего путешествія» — писалъ Александръ къ Карамзину * — «имѣлъ я довольно времени, чтобы со вниманіемъ прочесть тетради, вами мнѣ доставленныя. Чтеніе сіе заняло меня весьма пріятно и произвело во мнѣ увѣреніе, что новый томъ россійской исторіи будетъ достойнымъ продолженіемъ прежде напечатанныхъ. Если, послѣ сего чтенія, встрѣтилъ бы я васъ на прогулкѣ нашей ежедневной въ Царскомъ Селѣ, то, можетъ быть дозволилъ бы я себѣ войти съ вамя въ разсужденіе о трехъ или четырехъ

* Изъ Новаго Сверженя, отъ 10 августа 1822 года.

выраженіяхъ, возбудившихъ нѣкоторое сомнѣніе во мнѣ о ихъ правильности. Но на письмѣ сіе неудобно, и для того отлагаю до моего возвращенія, прося васъ не останавливать ни мало вашихъ приготовленій къ тисненію. Теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ перваго фельдъегеря, дабы съ обратнымъ отправленіемъ онаго, скорѣе доставить вамъ назадъ ввѣренныя мнѣ тетради, и тѣмъ уничтожить опасенія ваши о ихъ цѣлости. Прежде, нежели заключу сіи строки, прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Екатеринѣ Андреевнѣ. Искренно сожалѣю, что не удалось мнѣ съ обоими вами проститься въ день моего отъѣзда. Все было мною сдѣлано для сего по обыкновенію, но на сей разъ тщетно. Кончаю увѣреніемъ во всегдашней моей привязанности къ вамъ».

Этотъ драгоцѣнный документъ засталъ Карамзина при смерти, какъ это видимъ изъ письма его къ Балашеву отъ шестнадцатаго августа (1822 г.).

Въ началѣ 1823 Карамзинъ писалъ къ брату:

«Работаю довольно и хожу пѣшкомъ, десятый томъ моей исторіи готовъ, но я отложилъ печатать его до будущей осени, чтобы кончить свою исторію Лжедимитрія» (Спб. 16 января (1823 г.).

Въ мартѣ этого года Карамзинъ писалъ:

«Помышляю иногда о Москвѣ; но не хотѣлось бы на старости перемѣнить мѣста, тѣмъ болѣе, что и сыновья подростаютъ» (Спб. 17 марта 1823 г. къ брату.).

«Я былъ дѣйствительно при дверяхъ гроба отъ моей горячки, которая, видно, давно во мнѣ готовилась, хотя и не чувствительно; ибо я въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ хвалился своимъ здоровьемъ. Я умеръ бы легко, не чувствуя смерти; но Богъ услышалъ молитвы жены моей и оставилъ меня еще жить до времени. Государь и Императрицы оказали

въ этомъ случаѣ трогательное ко мнѣ благорасположеніе. Ихъ медики лечили меня съ особенною ревностію. Теперь я оправляюсь, но все еще имѣю нѣкоторую слабость» (Царское Село, 6 августа 1823 г.).

Въ концѣ этого года исторіографъ писалъ къ брату:

«Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ моей исторіи, десятаго и одинадцатаго. Хорошо, если они также разойдутся, какъ девятый томъ. Кромѣ авторскаго честолюбія, это могло бы поправить наши экономическія обстоятельства.— По своимъ лѣтамъ и меланхолическимъ мыслямъ я уже совсѣмъ не праздничный человѣкъ. Люблю сидѣть дома, или бродить пѣшкомъ по улицамъ. Сердце мое охладѣло и къ удовольствіямъ общества» (Спб., 1 декабря 1823 г.).

Отъ 1824 г. имѣемъ два слѣдующія письма исторіографа къ Василію Михайловичу:

«Спѣшу извѣстить васъ, писалъ Николай Михайлвоичъ къ своему брату въ августѣ, что Государь будетъ въ Симбирскѣ 5 сентября, и что онъ желаетъ васъ видѣть; прощаясь со мною сказалъ: «что приказываешь къ своему брату? Вѣроятно, что я увижу его въ Симбирскѣ, гдѣ пробуду три дня». Увидите какъ онъ милостивъ, въ сердцѣ вашемъ останется пріятное воспоминаніе» (Царское Село, 17 августа 1824 г.).

Въ концѣ того же года Карамзинъ писалъ въ Симбирскъ:

«По обыкновенію занимаюсь своею работою, описываю мятежное царствованіе Шуйскаго, но двѣнадцатый томъ долженъ быть уже послѣднимъ. Если Богъ дастъ мнѣ описать воцареніе Михаила Ѳеодоровича, то докончу мою исторію обозрѣніемъ новѣйшей исторіи до самыхъ нашихъ временъ» (Царское Село, 24 октября 1824 г.).

Во время наводненія въ Петербургѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Карамзинъ былъ еще съ своимъ семействомъ въ Царскомъ Селѣ. Сохранилось письмо Императора Александра къ Карамзину объ этомъ ужасномъ событіи:

«Вы знате уже о печальномъ происшествіи 7 ноября!» — писалъ къ нему Александръ 10-го числа въ Царское Село, — «погибшихъ много, несчастныхъ и страждущихъ еще болѣе! Мой долгъ быть на мѣстѣ: всякое удаленіе причту себѣ въ вину. Вамъ не трудно представить себѣ грусть мою. Воля Божія: намъ остается преклонить главу предъ нею». — Сообщая И. И. Дмитріеву содержаніе достопамятныхъ строкъ, Карамзинъ говоритъ: «это любезное письмо есть историческій памятникъ. Петербургъ никогда не славилъ такъ отеческой попечительности Государя, какъ въ нынѣшнемъ бѣдствіи. Народъ, слушая панихиду въ Казанскомъ Соборѣ, плакалъ и смотрѣлъ на Царя....»

Въ 1824 году Карамзинъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

О жизни и трудахъ исторіографа въ 1825 году можно судить по слѣдующимъ письмамъ.

Въ іюнѣ исторіографъ писалъ къ брату:

«К. А. хотѣла взять меня въ Ревель, чтобы купаться въ морѣ, но я упрямился, желая посвятить нынѣшній годъ работѣ. Кажется однакожъ, что немного напишу, часто не домогая. Хотѣлось бы скорѣе кончить, прежде охлажденія душевнаго. Впрочемъ, какъ Богу угодно».

«Государь возвратился изъ Варшавы съ прежнимъ добрымъ къ намъ расположеніемъ, а мы встрѣтили Его съ прежнею любовью. Въ искреннѣйшей привязанности къ Нему и къ обѣимъ Императрицамъ нахожу сердечное услажденіе» (Царское Село, 22 іюня 1825 г.).

Письмо къ А. И. Тургеневу:

«Любезный другъ! Сердечно благодаримъ васъ за три истинно дружескія письма, скоро одно за другимъ полученныя изъ Берлина, Дрездена и Карльсбада. Вы объ насъ думаете, а мы объ васъ; съ живѣйшимъ участіемъ, радуюсь всѣмъ пріятностямъ вашего путешествія, которое должно освѣжить васъ для будущей постоянной, буднешней жизни въ отечествѣ: вотъ польза, душа пріятностей! Все чужое есть для насъ только зрѣлище: смотри, а дѣла не забывай. Вы еще въ долгу у Россіи. То есть, уже напоминаю вамъ о возвращеніи, и даю срокъ не весьма дальный: годъ, полтора, не болѣе, или надобно идти въ отставку, чего крайне ни для государства, ни для васъ не желаю. «Въ дому отца моего многи обители суть». Не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ найдется для васъ дѣятельность полезная; чѣмъ менѣе другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя. Для насъ, Русскихъ съ душею, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать, можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать, единственно въ Россіи; или—нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка; есть только двуножное животное, съ брюхомъ. Такъ мы съ вами давно разсуждали: значитъ, что я не перемѣнилъ понятій въ ваше отсутствіе; съ ними, вѣроятно, и закрою глаза, для здѣшняго свѣта.

Будьте вы здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и съ нами» (Царское Село 6 сентября 1825 г.).

Извѣстное письмо Карамзина къ Дмитріеву:

«Любезный другъ! Въ отвѣтъ на милое письмо твое скажу, что о вкусахъ, по старому латинскому выраженію, не

спорятъ. Я точно наслаждаюсь здѣшнею тихою, уединенною жизнью, когда здоровъ и не имѣю душевной тревоги. Всѣ часы дня заняты пріятнымъ образомъ: въ девять утра гуляю по сухимъ и въ ненастье дорогамъ вокругъ прекраснаго, не туманнаго озера, славимаго и въ «Conversations d'Emilie» (сочиненіе Жанлись); въ одиннадцатомъ завтракаю съ семействомъ и работаю съ удовольствіемъ до двухъ, еще находя въ себѣ душу и воображеніе (Карамзинъ сохранилъ ихъ до послѣдней минуты): въ два часа на конѣ, не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ: трясусь, качаюсь — и веселъ; возвращаюсь съ аппетитомъ, обѣдаю съ моими любезными, дремлю въ креслахъ, и въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю въ дали на огни домовъ, слушаю колокольчикъ скачущихъ по большой дорогѣ, и не рѣдко крикъ совы; возвратясь свѣжимъ, читаю газеты, журналы.... книгу; въ девять часовъ пьемъ чай за круглымъ столомъ, и съ девяти до половины двѣнадцатаго, читаемъ съ женою съ двумя дѣвицами (дочерьми) замѣчательныя мѣста изъ Вальтеръ-Скоттова романа, но съ невинною пищею для воображенія и сердца, всегда жалѣя, что вечера коротки.....

«Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло! Знаю что́ и какъ пишу; въ своемъ такомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ; я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и человѣчеству. Ну, пусть никто не читаетъ моей исторіи: она есть, и довольно для меня.... За неимѣніемъ читателей, могу читать себѣ и бормотать сердцу, *гдѣ* и *что* хорошо (вотъ слова Карамзина, излившіяся въ дружескомъ чистосердечіи). Мнѣ остается просить Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ, до той минуты, «какъ лебедь на водахъ Меандра пропѣвъ, умолкнетъ

навсегда». Чтобъ чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы, я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь способности ума авторству.... Такъ пишутъ къ друзьямъ изъ уединенія!» (Ц. С., 22 окт. 1825 г).

Жаль, что не знаемъ всего письма! Карамзинъ какъ бы по тайному чувству близкой смерти, завѣщалъ послѣднія мысли и чувства свои только достойному другу; но онѣ сдѣлались собственностію всѣхъ чувствительныхъ сердецъ, и драгоцѣнны для нихъ, какъзавѣтъ предковъ къ потомству.

Осенью 1825 года Александръ отправился въ Таганрогъ, заботясь о доставленіи Государынѣ спокойнаго пребыванія въ лучшемъ климатѣ. Тутъ постигла его самаго преждевременная смерть (19 ноября).

«Любезный другъ!» писалъ Карамзинъ къ И. И. Дмитріеву 1 декабря. «Мы не имѣли времени приготовиться къ удару: изумились, и хотѣли бы плакать еще болѣе, нежели плачемъ, если бы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру. Онъ еще дѣйствуетъ на мою судьбу земную: его мать добродѣтельная, Братъ *, Великія Княгини вѣрятъ моей искренней, чистой къ нему любви, и видятъ меня, чтобы плакать вмѣстѣ. Объ Императрицѣ Елисаветѣ едва смѣю думать; она кажется мнѣ какимъ-то лучезарнымъ ангеломъ въ состояніи неизъяснимомъ. Сердце рвется къ ней. Я мужъ, отецъ и ненадеженъ здоровьемъ; не могу рѣшиться. Впрочемъ, кому быть утѣшителемъ ея, кромѣ Бога? Что для нея теперь жизнь и пріязнь, самая искреннѣйшая? Пишу къ тебѣ единственно для того, чтобы мысленно прижать тебя къ сердцу въ го-

* Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ.

ности глубокой. Я не равнодушенъ къ судьбѣ Россіи; но теперь сердце занимается только жалостію, что не стало того, кого мы любили! Будь здоровъ, милый другъ. Навѣки твой Н. Карамзинъ.» Такъ изъявлялъ исторіографъ искреннюю любовь свою къ Императору Александру, когда онъ сошелъ уже во гробъ.

Послѣ этого Карамзинъ писалъ къ графу Коподистріи, знаменитому президенту Греціи и своему другу *:

«Свиданіе съ любезнымъ Б....мъ было для меня пріятнѣе обыкновеннаго; онъ много разсказывалъ намъ объ васъ, и всѣ подробности о вашемъ здоровьѣ, о вашемъ наружномъ видѣ (матеріальномъ выраженіи не матеріальнаго), были для насъ удовлетворительны. Но къ сожалѣнію многіе вопросы о состояніи прекрасной души вашей, о занятіяхъ дѣятельнаго вашего ума, о вашемъ столь всегда вѣрномъ образѣ мыслей на счетъ происшествій нашего времени, остались безъ отвѣта. Слушая однако нашего общаго друга, который такъ много передавалъ мнѣ свои разговоры съ вами, я иногда забывался: мнѣ казалось, что слышу васъ самихъ. Какъ было завидно для меня то счастіе, которымъ онъ насладился въ вашемъ обществѣ. Мои скопляющіеся годы, шаткость моего здоровья, печальныя обстоятельства, насъ разлучающія и которымъ конца не вижу, все это заставляетъ меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но въ утѣшеніе себѣ говорю: «хотя онъ и далеко, но объ насъ «помнитъ; а мы безсмертны. Соединеніе душъ не пре-«кращается съ жизнію матеріальною: пережившій сохраняетъ «воспоминаніе; отошедшій, быть-можетъ, болѣе выигры-«ваетъ нежели теряетъ. Земные путешественники слишкомъ

* Письмо къ графу Каподистріи написано Карамзинымъ на французскомъ языкѣ; переводъ, помѣщенный здѣсь сдѣланъ В. А. Жуковскимъ.

«разсѣянны: имъ нѣтъ досуга заботиться о дружбѣ; не преж-
«де какъ бросивъ свой посохъ, мы можемъ предаться вполнѣ
«привязанностямъ своего сердца: тогда растерянное во вре-
«мени будетъ отыскано въ вѣчности». — Такіе разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня теперь гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ: они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей исторіи, подвигающейся къ окончанію (даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ, если же нѣтъ, то нѣтъ). Такъ! я старѣюсь, не уставая (быть можетъ придетъ и то). О какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ ближнихъ, для столькихъ народовъ!....»

«Мы на сихъ дняхъ переѣхали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ ненарушимомъ уединеніи: какъ далеко была отъ меня скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически! Сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одинъ совершенно. Работа, чтеніе, осеннія, нерѣдко ночныя прогулки имѣли для меня прелесть неизъяснимую. Не слишкомъ боясь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ и любя повторять съ Ж. Ж. Руссо, что засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи, я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное; я радуюсь имъ по своему, не примѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что Онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ-быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать: и что же? я могъ описать одни

только варварскія времена его исторіи; меня не видали ни на полѣ сраженія, ни въ совѣтахъ государственныхъ; зная однако, что я не трусъ и не лѣнивецъ, говорю самому себѣ: «такъ было угодно Богу», и не имѣя смѣшной авторской спеси, вхожу не стыдясь въ общество нашихъ генераловъ и нашихъ министровъ.... Но довольно! я заговорился, и кажется слишкомъ много для одного минутнаго свиданья съ вами въ вашей Женевѣ. Краткость жизни требуетъ лаконизма; но что же дѣлать? и самая мысль, что мы такъ мало имѣемъ здѣсь времени для многословія, заставляетъ насъ иногда быть неумѣренно многословными съ нашими друзьями.

«Перейду теперь къ историческому: воспоминаніе объ васъ живетъ въ Россіи. Государыня Елисавета Алексѣевна поручила мнѣ написать вамъ, что она продолжаетъ по прежнему принимать въ васъ искреннее участіе: Она такъ прямодушна! И Государь ни мало къ вамъ не перемѣнился; онъ знаетъ цѣну вашей души и вашихъ высокихъ дарованій. Удостоивъ насъ въ городѣ однажды своимъ посѣщеніемъ, онъ много, много объ васъ говорилъ, и съ такимъ чувствомъ, которое меня порадовало. Я люблю его болѣе и болѣе, не помышляя ни о какихъ милостяхъ, ни о какомъ вліяніи, то есть, не тревожа себя ни мало тѣмъ, что никакого вліянія не имѣю. Богъ одинъ читаетъ во глубинѣ сердца?.... Говорить ли вамъ о нашемъ теперешнемъ мучительномъ безпокойствѣ, которое, надѣюсь, пройдетъ прежде нежели вы получите письмо мое? Нашъ любезный, нашъ добрый Императоръ боленъ простудною лихорадкою въ Таганрогѣ: болѣзнь не опасна, но сердце дрожитъ за него. А Государыня Елисавета Алексѣевна въ письмѣ отъ 3-го ноября, которое я имѣлъ счастіе получить отъ нея, увѣдомляетъ насъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше. Она очень огорчена смертію короля Баварскаго....

Въ декабрѣ 1825 года здоровье Карамзина еще болѣе разстроилось.

Къ чувствуемому Карамзинымъ изнуренію отъ безпрерывнаго напряженія умственныхъ силъ, отъ необыкновенныхъ трудовъ присоединилась еще душевная скорбь о потерѣ любимаго имъ Государя.

«Простите мнѣ мое долговременное молчаніе. Все лѣто былъ я хилъ здоровьемъ; осенью поправился и хотѣлъ писать къ вамъ уже изъ города, куда переѣхалъ изъ Царскаго Села 15 ноября: но черезъ два дня узнали мы о болѣзни Государя и съ той минуты я уже не могъ ничѣмъ спокойно заниматься. Александра любилъ я какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если я смѣю такъ сказать. Онъ самъ называлъ меня своимъ искреннимъ другомъ. Его величіе и слава конечно давала этой связи еще особенную для меня прелесть. Не думалъ я пережить Его и надѣялся оставить въ Немъ покровителя моимъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ Нему осталась безкорыстною. Новый достойный Государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ. Я слишкомъ старъ, и думаю только кончить, если дастъ Богъ, двѣнадцатый томъ исторіи, чтобы куда нибудь удалиться отъ Двора, въ Москву ли, или въ нѣмецкую землю для воспитанія сыновей; здѣсь ученье дорого и не такъ легко. Впрочемъ предаюсь и тутъ въ волю Божію. Нынѣ мы живы, а завтра гдѣ будемъ? Если не Александръ, то небесный отецъ нашъ не покинетъ моего семейства, какъ надѣюсь» (Спб., 10 января 1826 г.).

Силы его ослабѣвали. Въ началѣ весны 1826 года онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ, куда его переселили, чтобы онъ

свободнѣе могъ пользоваться чистымъ воздухомъ. Между тѣмъ онъ надѣялся поправить свое здоровье путешествіемъ (въ Италіи, на благословенныхъ берегахъ Арно). «У подошвы Апеннинъ допишу исторію» и взоръ его прояснился. Государь Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о его желаніи, Всемилостивѣйше пожаловалъ ему на дорогу 50 тысячь рублей, и повелѣлъ для отправленія его, снарядить фрегатъ; уже готовъ былъ фрегатъ для перевезенія его въ Южную Францію.... Въ это время Карамзинъ былъ пораженъ новымъ прискорбіемъ, узнавъ о смерти Государыни Елисаветы Алексѣевны, что сильно подѣйствовало на него.

22 апрѣля 1826 г. Карамзинъ писалъ къ А. Ѳ. Малиновскому.

«Я опять умиралъ, и къ собственному моему удивленію остался пока между живыми, вынесши жестокую болѣзнь съ тѣломъ, уже изнуреннымъ, съ душою, смятенною происшествіями, съ сердцемъ печальнымъ. Такъ было угодно Богу! Ему же угодно было вселить въ меня и чувство необходимости ѣхать въ лучшій климатъ для выздоровленія, что думаютъ и всѣ медики. Царь, по особенной милости, далъ мнѣ средство, и жалуетъ даже фрегатъ, чтобъ плыть на немъ въ Бордо. Искренно скажу, что не безъ сердечнаго сожалѣнія оставляю Петербургъ, гдѣ Государь и Императрицы оказываютъ мнѣ столько благоволѣнія; но должно опять сдѣлаться полнымъ человѣкомъ т. е. здоровымъ. А къ вамъ, друзья московскіе, сердце и воображеніе мое обращаются съ нѣжностію: ѣду простясь, а возвращеніе въ Рукѣ невидимой столь неизвѣстно! Между тѣмъ срокомъ полагаемъ два года».

«На сихъ дняхъ отправлю въ архивъ ящикъ съ большею

частію бумагъ и книгъ, которые еще были у меня; удерживаю, для окончанія XII тома, весьма не многія. Мнѣ писать еще двѣ главы: наслаждаюсь мыслію изображать характеры и дѣйствія россійской исторіи и любоваться вдали вершинами Апенинскими. Безъ работы хотя самой легкой, для меня нѣтъ отдыха. Для формы напишу графу Нессельроду объ удерживаемыхъ мною книгахъ и бумагахъ.

«Я еще очень слабъ, на корабль думаемъ сѣсть 8 іюня».

Жизнь его мало по малу угасала.... Послѣдніе дни его были озарены душевною радостью, при полученіи письма Государя Императора Николая Павловича, свидѣтельствовавшаго безпримѣрное благоволеніе и трогательное участіе:

«Николай Михайловичъ! Растроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество, и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали до нынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Русской народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю чтобы путешествіе было вамъ полезно и чтобы оно возвратило вамъ силы, для

довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Николай.

Въ Царскомъ Селѣ, мая 13 дня 1826 года.

Въ этой бумагѣ заключался Высочайшій указъ министру финансовъ (отъ 13-го мая), которымъ Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, производить дѣйствительному статскому совѣтнику Карамзину, по случаю его отъѣзда за границу для излеченія своего здоровья, по пятидесяти тысячь рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобъ сумма эта, обращаемая ему въ пенсіонъ, была послѣ него производима сполна его женѣ, и по смерти ея также сполна дѣтямъ сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ.

Семейство исторіографа, предувѣдомленное о благодѣяніи Государя Императора, заливалось слезами и не знало, какъ объявить эту радость страдальцу, лежавшему на смертномъ одрѣ. Наконецъ нѣжная супруга воспользовалась удобнымъ временемъ, когда больной подкрѣпилъ нѣсколько ослабѣвавшія силы и поднесла ему рескриптъ. Прочитавъ его, Карамзинъ сказалъ: *это доказательство, что я долженъ умереть!*... Потомъ хотѣлъ видѣть приложенный указъ, на который лились благодарныя слезы. Изъ указа онъ узналъ, что ему, а послѣ смерти семейству его, Государь Императоръ жалуетъ *пятьдесятъ тысячь рублей* ежегоднаго пенсіона..... Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ. *Это уже слишкомъ много!* произнесъ Карамзинъ. Окружающіе, проливая горькія слезы, старались успокоить его тѣмъ: что онъ получилъ отъ справедливаго Монарха по своимъ заслугамъ, что государство отъ того не потерпитъ. Карамзинъ не переставалъ повторять тѣ же слова.

Растроганный такою неожиданною милостью, Карамзинъ

собралъ послѣднія силы, слабѣющею рукою выразилъ глубокую къ Монарху благодарность въ слѣдующихъ строкахъ:

Всемилостивѣйшій Государь!

«Рескриптъ, которымъ Вы меня осчастливили третьяго дня, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ съ воспоминаніемъ о незабвенномъ Александрѣ, съ хвалою смиренному исторіографу сверхъ его достоинства — омочилъ слезами блѣдное мое лице. Прочитавъ указъ къ министру финансовъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось однакожъ въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой Царской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ Монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ Царскому Дому. О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ, чтобы посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнный Государь, и любезному отечеству. Вчера не могъ я писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія Ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности.

Повергаюсь и проч.

20 мая въ четвергъ, утромъ, Карамзинъ еще говорилъ объ Италіи, но вскорѣ впалъ въ совершенное разслабленіе и безпамятство, и тихо умеръ 22 мая 1826 года, во второмъ часу по полудни, на рукахъ родныхъ и друзей. «Лишенный тѣлесныхъ силъ, онъ не могъ благословить дѣтей своихъ наруж-

ными знаками», — писалъ одинъ изъ свидѣтелей его кончины — «но вся жизнь его была для нихъ благословеніемъ».

Карамзинъ умеръ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ нѣкогда жили Потемкинъ и великій Суворовъ. Прахъ Карамзина преданъ землѣ 25 мая и покоится въ Невскомъ Монастырѣ, на новомъ кладбищѣ, на правой сторонѣ отъ въѣзда въ монастырскія ворота. По желанію, изъявленному имъ предъ смертью, погребеніе происходило безъ всякихъ церемоній. Почетнѣйшія лица, пребывающія въ здѣшней столицѣ, вельможи, ученые и литераторы, Русскіе и иностранцы, присутствовали на немъ. Государь Императоръ, принимавшій во все продолженіе болѣзни Карамзина нѣжнѣйшее въ судьбѣ его участіе, почтилъ наканунѣ погребенія послѣднимъ цѣлованіемъ прахъ своего подданнаго. — На бѣлой мраморной доскѣ, лежащей на бѣлыхъ же мраморныхъ стѣнкахъ, и служащей надгробнымъ памятникомъ исторіографа, нѣтъ никакой надписи; но на сторонахъ памятника, на одной начертаны дни его рожденія и кончины, а на другой, около изображенія креста, слова: «Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ». Памятникъ огороженъ желѣзною рѣшеткою, за которою нѣсколько кустовъ сирени, посаженныхъ друзьями покойнаго — княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ и Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Они трое опустили въ могилу гробъ исторіографа.

Вотъ какъ описываетъ Жуковскій послѣдніе дни Карамзина.

«Первое извѣстіе о кончинѣ Государя принесено было ему (т. е. Карамзину) мною: услышавъ о ней, онъ сталъ на колѣни, поднялъ глаза къ небу, молчалъ, молился мыслію, потомъ горько заплакалъ. Но онъ и самъ уже былъ на краю гроба, когда ему сказали, что и Государыня Елисавета Алексѣевна

скончалась. Я желалъ бы, но не умѣю, описать его въ эту минуту; желалъ бы найти выраженіе для наименованія того набожнаго (уже потухающаго) взгляда, который онъ, не сказавъ ни слова, поднялъ къ небу, какъ будто провожая туда милую душу, и того движенія руки, которымъ онъ какъ будто передавалъ ее Всевышнему. Въ это время онъ находился въ Таврическомъ дворцѣ, куда переселили его въ началѣ весны, дабы онъ могъ свободнѣе пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Было рѣшено, что онъ отправится въ Южную Францію; былъ готовъ фрегатъ, для перевезенія его въ Марсель. И онъ ни мало не подозрѣвалъ, чтобы смерть его была такъ близко; онъ занимался настоящимъ; думалъ о будущемъ, думалъ о довершеніи великаго труда своего. Благодаря отеческой заботливости Государя Николая Павловича, который, какъ истинный представитель своего народа, изъявилъ Карамзину, въ достойной его наградѣ, благодарность свою и Россіи, онъ былъ избавленъ отъ всякаго безпокойства о судьбѣ своего семейства; съ какою то младенческою ясностію души онъ дѣлалъ планы для своей заграничной жизни. «Теперь я богатъ», говорилъ онъ: «могу завести себѣ верховую лошадь; постоянное движеніе поможетъ мнѣ возстановитъ мое здоровье». Но было опредѣлено иначе: онъ не пережилъ мая. Принужденный также по причинѣ болѣзни покинуть въ началѣ сего мѣсяца Россію, я не имѣлъ отрады быть при немъ въ послѣднюю его минуту; но я съ глубокимъ благоговѣніемъ видѣлъ его приближающагося къ сей минутѣ; я видѣлъ умирающаго Карамзина, и никогда это видѣніе не изгладится изъ души моей. При мысли о концѣ такого человѣка, о переходѣ такой души въ тотъ міръ, гдѣ у Отца обителей много, всѣ наши понятія о жизни, смерти и безсмертіи преображаются для насъ во что-то свѣтло-очевидное. Кто зналъ внутреннюю жизнь Карамзина, кто зналъ, какъ онъ

всегда былъ непороченъ въ своихъ побужденіяхъ, какъ въ немъ всѣ живыя, независимыя отъ воли движенія сердца были по какому-то естественному сродству согласны съ правилами строгаго разума, какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ нѣжнѣйшимъ чувствомъ, какой онъ былъ (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенецъ, и какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ владычествовала въ его жизни, управляя его желаніями и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая житейскія его радости и печали, и соединяя его бытіе въ одну гармонію, которая только съ послѣднимъ вздохомъ его умолкла для земли, дабы навѣки продолжиться въ мірѣ иномъ; словомъ, кто имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну души Карамзина, для того зрѣлище смерти его было освященіемъ всего, что есть прекраснаго и высокаго въ жизни, и подтвержденіемъ всего, что вѣра обѣщаетъ намъ за гробомъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: «Списываю вторую главу Шуйскаго: еще главы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всѣму міру, не холодный, но съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, ласковому и не спѣсивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить съ нѣкоторою полнотою духа, правостію сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль если захлѣбнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь удара. Но да будетъ воля Божія». Послѣ этой главы Карамзинъ написалъ еще двѣ, представилъ ужасную картину состоянія Россіи въ смутное время, показалъ издали зарю освобожденія отъ враговъ, но здѣсь пораженный болѣзнію, остановился на словахъ: «*Орѣшекъ не сдавался*». — Перо выпало изъ рукъ нашего исторіографа и трудъ его до сихъ поръ не имѣлъ продолжателя.

Карамзинъ занимался два года сочиненіемъ 12-го тома, который долженъ былъ заключиться возшествіемъ на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. Неконченный томъ былъ напечатанъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставленъ авторомъ, подъ редакціею его друга Димитрія Николаевича (нынѣ графа) Блудова.

Не лишнимъ считаемъ привести предисловіе, написанное къ этому тому графомъ Блудовымъ. Здѣсь читатель найдетъ самыя вѣрныя свѣденія о судьбѣ послѣдняго тома историческаго труда Карамзина.

«Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца «Исторіи Государства Россійскаго».

«Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще дозволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручилъ намъ быть издателями XII тома его исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожъ хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить примѣчанія къ написаннымъ уже главамъ. Но судьбѣ было угодно, чтобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуты ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія четырехмѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери, когда мысли тѣхъ, кои доселѣ его оплакиваютъ, не могли быть заняты ничѣмъ инымъ, собранныя имъ для составленія примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время , чтобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Отъ сего и отъ нѣкоторыхъ другихъ, не важныхъ для публики обстоятельствъ, замедлилось изданіе книги, какъ намъ извѣстно съ нетерпѣніемъ ожидаемой.

«Всѣ приложенныя нами примѣчанія суть не что иное какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго

исторіографа показаніямъ. Что касается до текста, кажется нѣтъ нужды говорить, что онъ представляется читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первыя четыре главы, даже и начало пятой , за исключеніемъ лишь не многихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія, стеченію обстоятельствъ, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было, какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра; манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному исторіографу въ то время, когда онъ самъ близко склонялся къ гробу.

«Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти также живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его исторіи. Въ семъ XII томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобы быть совершеннѣйшимъ, читатели, умѣющіе цѣнить изящное, найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія. Необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей автора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя, такъ сказать, оживотворяютъ разсказъ историка, искусство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины, послѣдствія, съ безпристрастіемъ и

проницательностію философа, богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

«Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Василія Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ междоцарствія прерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется, сіе не ослабляетъ и можетъ быть еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи».

Историческій трудъ Карамзина вѣковое явленіе въ нашей литературѣ; ни до него, ни послѣ него, не встрѣчаемъ ничего подобнаго.

Что́ бы не говорили и писали противъ достоинства этого произведенія мы вполнѣ убѣждены, что «Исторія Государства Россійскаго» навсегда останется непоколебимымъ памятникомъ русской литературы XIX столѣтія, и точкою исхода русской критической исторіи.

Послѣ появленія историческаго труда Карамзина показались не критики на это важное произведеніе отечественной литературы а неблагонамѣренныя нападки, порожденныя завистью людей желавшихъ только нарушить душевное спокойствіе исторіографа. Въ непродолжительномъ времени послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ осьми томовъ мы находимъ въ «Вѣстникѣ Европы», томъ самомъ журналѣ, которому положилъ начало Карамзинъ: «Письма кіевскаго жителя». Въ нихъ заключаются нападки на нѣкоторыя *слова*, *выраженія* и *мѣста*, не «Исторіи государства Россійскаго», нѣтъ, а предисловія! Эти письма открыли дорогу мнимой критикѣ, по которой, можно сказать, спотыкались, жалкіе судьи, не смѣвшіе однакожъ коснуться самой исторіи.

Всѣ такія замѣчанія, конечно, не основательны, если и допустить даже, что предисловіе, мѣстами, и не выдержитъ кри-

тики. На предисловіе, находящееся при огромныхъ сочиненіяхъ, можетъ нападать только тотъ, кто никогда не занимался продолжительными изслѣдованіями, не произвелъ ничего такого, что стоитъ писателю много времени и труда. Знакомые съ дѣломъ ближе, согласятся, что при самомъ превосходномъ сочиненіи можетъ быть довольно слабое предисловіе. Писатель, посвятившій цѣлые годы своей жизни какому-нибудь предмету, до того свыкся, сроднился съ нимъ, что предметъ дѣлается его душою, мыслію, которая насквозь проникаетъ все его существо. Какъ же требовать отъ писателя, чтобы онъ, преисполненный своимъ предметомъ, еще не пришедшій въ себя отъ богатства мыслей и образовъ, которые не остыли въ его душѣ, — сосредоточилъ, сжалъ, высказалъ ихъ въ нѣсколькихъ строкахъ, представивъ голый скелетъ того, что облечено имъ въ такую роскошную одежду?

Лучшій современный разборъ «Исторіи государства Россійскаго» былъ помѣщенъ въ «Сѣверномъ Архивѣ»; но и здѣсь большая часть критики посвящена предисловію, обозрѣнію историческихъ матеріаловъ, которыми пользовался Карамзинъ, и обзору самыхъ первыхъ временъ Русскаго государства. За тѣмъ слѣдуютъ разборы IX, X, XI и XII томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», написанные подъ вліяніемъ предъидущаго, но уже болѣе поверхностные, все же имѣющіе свое значеніе. Критическія статьи Арцыбашева на «Исторію Государства Россійскаго» большею частью ничего не доказываютъ. Арцыбашевъ былъ человѣкъ, который сводилъ механически лѣтописи, не имѣлъ исторической эрудиціи, не имѣлъ вѣрнаго взгляда на предметъ, отсталъ отъ вѣка, и что болѣе, вовсе не понималъ въ чемъ именно состоитъ критика. Труды Арцыбашева замѣчательны, какъ механическія сводки лѣтописцевъ и только.

Гораздо дѣльнѣе критическія замѣчанія Ходаковскаго, но

только нѣкоторыя. Многія опроверженія этого ученаго основаны на его особенной какой-то славянской филологіи, которой законы были извѣстны ему одному, и при строгомъ критическомъ разсмотрѣніи не имѣютъ никакого значенія.

Однакожъ надобно замѣтить, что Карамзинъ вовсе не обращалъ вниманія на своихъ критиковъ. Вотъ что отвѣчалъ онъ, по этому случаю, И. И. Дмитріеву: «а ты, любезнѣйшій, все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣчать на критики. Нѣтъ, я лѣнивъ, хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благодарнымъ, умѣю не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я, какъ папа, безгрѣшенъ. Все это дрянь и пустота. Такъ мнѣ часто кажется; желаю, чтобъ и тебѣ казалось». Какое ангельское незлобное сердце!

Критика Н. Полеваго — не болѣе какъ желаніе — перетолковать всю исторію Карамзина на изнанку, съ европейской точки зрѣнія. Во всѣхъ событіяхъ русской исторіи Полевой видѣлъ какую то связь съ событіями остальной Европы, чего никогда не бывало. Иногда, впрочемъ, попадаются у него замѣчанія, весьма основательныя; но Полевой не видѣлъ другихъ актовъ при опроверженіи Карамзина, кромѣ одного важнаго акта — своего остроумія. Онъ можно сказать наряжалъ многихъ героевъ «Исторіи государства Россійскаго» въ костюмы своего собственнаго изобрѣтенія.

Объ остальныхъ разборахъ и говорить нечего.

Все доселѣ написанное въ опроверженіе заслугъ Карамзина не имѣетъ никакого основанія, и вовсе не вредитъ славѣ исторіографа. Это лучше всего подтвердитъ безпристрастное дальнѣйшее потомство. Что въ великомъ трудѣ Карамзина можно опровергнуть многое, объ этомъ никто не споритъ. Трудъ Карамзина — трудъ человѣческій, и ему, конечно, не чуждо все свойственное дѣламъ человѣческимъ вообще. Карамзинъ первый взялся у насъ за такое дѣло, о которомъ

и въ настоящее время, — когда историческіе матеріалы все болѣе и болѣе приводятся въ извѣстность,—никто не рѣшился бы и подумать; при всемъ томъ Карамзинъ доказалъ двѣнадцатью томами своего труда, что онъ имѣлъ довольно силъ, чтобы приступить къ подобному предпріятію. Въ наше время сколько открыто и сколько издано актовъ, отысканныхъ въ глубинѣ Руси, которые не могли быть извѣстны исторіографу: какая же тутъ особенная заслуга, если мы имѣя ихъ въ рукахъ можемъ замѣтить ничтожную погрѣшность въ трудѣ Карамзина, происшедшую именно отъ недостатка додостовѣрныхъ матеріаловъ.

Теперь намъ остается сказать собственное мнѣніе объ историческомъ трудѣ Карамзина.

Въ наше время, когда въ послѣдніе 25 лѣтъ науки такъ быстро подвинулись впередъ, а многія получили даже совершенно новое значеніе и направленіе, въ особенности исторія и филологія, «Исторія Государства Россійскаго» все-таки остается великимъ произведеніемъ великаго писателя. Для дѣйствительно полезной критики на «Исторію Государства Россійскаго», надо предпринять двѣнадцатилѣтній походъ въ область археологіи и критики, какой совершилъ самъ Карамзинъ. Конечно, такой походъ будетъ теперь гораздо легче, ибо многое, чѣмъ пользовался Карамзинъ въ рукописи, теперь уже издано (хотя и необъяснено критикою; такъ напримѣръ изданія археографической коммисіи). Результатомъ этого похода можетъ быть только убѣжденіе, что Карамзинъ не имѣя вернѣйшихъ данныхъ объ извѣстномъ событіи, долженъ былъ пользоваться тѣми, какія у него были подъ рукой, отъ чего и могла произойти не одна ошибка. Но за всѣмъ тѣмъ никто не въ правѣ сказать, что Карамзинъ исказилъ то или другое событіе, что онъ провелъ въ своемъ трудѣ ложную идею, ложный взглядъ на вещи, и

ввелъ другихъ въ заблужденіе, какъ дѣлали это послѣдующіе историки; словомъ, никто не можетъ упрекнуть Карамзина въ недобросовѣстности.

Однакожъ такъ какъ въ настоящемъ живомъ поколеніи не найдется писатель, который бы посвятилъ себя на совѣстливый ученый разборъ труда нашего историіографа, по этому и нѣтъ надежды имѣть основательную критику «Исторіи государства Россійскаго».

Карамзина можно обвинять развѣ только въ томъ, что у него кратко и слабо изложенъ доисторическій періодъ Руси и первый періодъ русской исторіи до Ярослава Великаго.

Но отъ подобнаго труда отказался и польскій историкъ, Нарушевичъ. Онъ вовсе не выпустилъ въ свѣтъ перваго тома своей исторіи, а передѣлывалъ его нѣсколько разъ, и стыдъ и страхъ удерживалъ его издать въ свѣтъ начало польской исторіи.

Чтобы и въ наше время объяснить доисторическій періодъ и первый періодъ русской исторіи, для этого требуется нѣсколько спеціальныхъ изыскателей, изъ которыхъ каждый можетъ просидѣтъ по 12 лѣтъ и послѣ долгихъ и труднѣйшихъ изысканій мы узнаемъ, что Варяги были Варяги, Славяне были Славяне, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были родные братья. При настоящемъ состояніи историческихъ наукъ, даже у насъ въ Россіи, необходимо, чтобы варяжскій вопросъ былъ рѣшенъ спеціальнымъ ученымъ, занимающимся и знающимъ скандинавскія древности, скандинавскую литературу и исторію.

Вопросъ объ историческомъ значеніи и характерѣ Славянъ, издревле обитавшихъ въ Россіи, долженъ быть рѣшенъ человѣкомъ, знающимъ превосходно славянскую исторію, филологію и литературу. Сверхъ того требуется, чтобы онъ изучилъ византійскіе письменные памятники, и объяснилъ по-

ложительно и критически, что знали о насъ Греки. Но даже эти многостороннія знанія будутъ недостаточны, если къ нимъ не присоединить изслѣдованій восточныхъ писателей о древней Руси, сказаній западныхъ европейскихъ писателей о Россіи и жителяхъ ея, и, наконецъ, — не разобрать критически богатѣйшую польскую историческую литературу. Каждый изъ этихъ предметовъ, по своей обширности, требуетъ спеціальнаго изученія, а между тѣмъ Карамзинъ рѣшалъ всѣ эти вопросы одинъ. Поэтому ему легко было ошибиться и блуждать въ хаосѣ, не будучи ни оріенталистомъ, ни славянистомъ, ни знатокомъ классическихъ литературъ, археологіи и дипломатики! Притомъ, виноватъ ли Карамзинъ, что въ его время не имѣли еще понятія о такомъ спеціальномъ изученіи матеріаловъ русской исторіи; что предшественникамъ его, Татищеву и Щербатову, не приходило въ голову рѣшать эти вопросы? Но не напиши Карамзинъ того, что мы встрѣчаемъ въ «Исторіи Государства Россійскаго», въ первыхъ главахъ перваго тома, и наша исторія была бы также безъ начала, какъ и польская исторія Нарушевича.

Въ наше время, конечно, каждый изъ этихъ вопросовъ уже нѣсколько изслѣдованъ, но все же не рѣшенъ окончательно; и если бы кто вздумалъ основать свои показанія на однихъ теперешнихъ данныхъ, подготовленныхъ для каждаго изъ этихъ вопросовъ, тотъ не избѣгнулъ бы неполноты, въ которую попалъ и Карамзинъ. Начиная съ того мѣста, гдѣ русская исторія дѣлается достовѣрнѣе, и гдѣ не было недостатка въ отечественныхъ памятникахъ, Карамзинъ выполнилъ свое дѣло, какъ нельзя лучше и добросовѣстнѣе. Можно только замѣтить, что онъ придавалъ излишнее значеніе древнему великому княжеству Кіевскому и его государямъ; но въ эту ошибку онъ могъ быть вовлеченъ недостаткомъ историческихъ матеріяловъ.

Карамзина укоряютъ еще въ томъ, что онъ не оцѣнилъ историческихъ матеріяловъ, т. е. исторической литературы, въ своемъ введеніи: замѣчаніе это тоже не совсѣмъ справедливо, ибо всѣ историческіе матеріялы, которыми Карамзинъ пользовался, оцѣнены имъ, съ тою только, разницею, что онъ не собралъ своихъ замѣчаній вмѣстѣ и не образовалъ изъ нихъ цѣлаго, но разсѣялъ въ видѣ примѣчаній. Но вособенности возстаютъ на Карамзина за его систему исторіи. Будь у насъ критика болѣе развита, тогда, конечно, подобное замѣчаніе показалось бы смѣшнымъ; но мы не станемъ ему удивляться, а возразимъ критикамъ труда Карамзина, что, ни у одного народа историческая дѣятельность не переходила отъ формы лѣтописи прямо въ ученую, критико-философскую исторію. Укажите намъ гдѣ это было? Тутъ есть еще середина, которую нужно наполнить; это лѣтописно-критическая исторія — переходъ отъ лѣтописи къ настоящей прагматической исторіи; за этимъ слѣдуетъ критическая обработка матеріяловъ, а за нею уже исторія въ полномъ ея значеніи. Исторія Карамзина есть именно эта лѣтописно-критическая, переходная исторія.

Всѣ событія, имѣвшія вліяніе на судьбу государства, указаны, оцѣнены имъ болѣе или менѣе, и наука, если не вполнѣ удовлетворяется его исторіей въ настоящемъ видѣ, то покрайней мѣрѣ имѣетъ въ ней всѣ данные, на которыхъ должна основываться система, и обладаетъ многими замѣчаніями, которыя должны войти въ систему. Въ трудѣ Карамзина сохраняется богатый запасъ свѣдѣній всѣхъ родовъ о русской исторіи, и Карамзинъ сдѣлалъ ее извѣстнѣе, не только для многихъ, но даже для самыхъ строгихъ судей своихъ. Онъ передавалъ свое знаніе съ сердечнымъ участіемъ, какъ самъ онъ выразился въ предисловіи: чувство *мы*, *наше*, оживляетъ повѣствованіе, — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе

ума слабаго, или души слабой, не сносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Напиши онъ ученую исторію при тогдашнемъ состояніи исторической науки — она уже давно была бы забыта и не принесла бы намъ пользы, какъ всякій не зрѣлый плодъ. Карамзинъ же, трудясь во имя науки, въ то самое время хотѣлъ дать историческую опору новому русскому обществу; напомнить ему, что оно имѣетъ свое прошедшее; утвердить народность. Вотъ главная цѣль труда Карамзина, которая увѣнчалась неимовѣрнымъ успѣхомъ. Благотворное влiяніе этого коллосальнаго труда на русское общество было неслыханное и вполнѣ вознаградило писателя за жертву, которую принесъ онъ наукѣ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что исторія Карамзина никогда не дождется критики, а съ другой стороны такая критика излишняя; трудъ его достигъ своей цѣли: теперь уже настало для Россіи время—приготовлять матеріялы для критико-философской исторіи, и первый опытъ такой исторіи сдѣланъ, на основаніи труда Карамзина, Н. Г. Устряловымъ.

Изъ множества матеріяловъ, приведенныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ біографіи Карамзина, видно, что онъ былъ кроткаго нрава, нѣженъ въ обращеніи съ своимъ семействомъ, чрезвычайно обходителенъ въ обществѣ, говорилъ обдуманно и живо. Карамзинъ каждый день находилъ часы досуга не для однихъ знаменитыхъ посѣтителей, но для всѣхъ имѣвшихъ нужду въ немъ, принималъ ихъ съ ласкою родственной любви, и благотворилъ, желалъ казаться имъ предупредительнымъ, заботливымъ другомъ, какъ бы скрывая отъ себя самаго свои благодѣянія.

Всѣ свои труды, заслуги и славу Карамзинъ ставилъ ни во-что, предъ достоинствомъ собственно человѣческимъ.

Карамзинъ во всю свою жизнь старался никого не оскор-

бить, и во всемъ замѣчать болѣе хорошее, нежели дурное. Вотъ нѣсколько его мыслей и правилъ:

«Любовь къ добру, и любовь къ изящному внушаетъ намъ болѣе хвалить достойное похвалы, нежели осуждать то, что осуждать неможно».

«Низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ охужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься уничиженіемъ другихъ, но самый легкій умъ находитъ несовершенства; только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты».

«Низкія страсти унижаютъ, охлаждаютъ дарованія; пламень его есть пламень добродѣтели.»

«Истинно ученые презираютъ похвалу и брань невѣждъ».

«Раскаяніе есть заря добродѣтели».

Карамзинъ не оставилъ послѣ себя никакихъ записокъ, но вся жизнь его намъ болѣе или менѣе извѣстна.

Сорокъ лѣтъ провелъ Карамзинъ съ перомъ въ рукѣ за письменнымъ столомъ, окруженный книгами и въ дали отъ свѣта. Онъ жилъ умомъ, чувствомъ, воображеніемъ, для удовлетворенія благородному влеченію души своей къ содѣйствію славѣ и общему благу отечества, а не для пріобрѣтенія временныхъ почестей и отличій. Карамзинъ не посѣщалъ шумнаго торжища, на которомъ слава громкимъ, но скоропроходящимъ звукомъ провозглашаетъ имена своихъ поклонниковъ; Карамзинъ въ спокойномъ наслажденіи своимъ достоинствомъ, предвидѣлъ для себя славу прочнѣйшую. Умъ свѣтлый, плѣнительный, истинное краснорѣчіе сердца, дарованія превосходныя, служившія къ славѣ отечества, душа чистая, возвышенная чувствительность, стремившаяся къ истинному и прекрасному, дѣятельность, скромная въ блескѣ заслугъ, жаръ любви къ человѣчеству, любезность въ обхожденіи очаровательная, все это соединялось въ Карамзинѣ.

Цѣлыхъ сорокъ лѣтъ Русскіе восхищались твореніями Карамзина. Съ воспоминаніями юности нашей сливается воспоминаніе наслажденія, которое чувствовали мы, читая его творенія, съ пламеннымъ жаромъ сердца, жаднаго новыхъ чувствъ и ума, раскрывающаго очаровательный міръ мыслей. Почтимъ благодарнымъ, неизмѣннымъ воспоминаніемъ память Карамзина. Имя его будетъ незабвенно въ исторіи нашего просвѣщенія. Душа писателя видна въ твореніяхъ. Въ первыхъ сочиненіяхъ Карамзина узнаете согрѣвающее душу чувство добра. Въ слѣдующихъ раскрывается его обширный умъ и неизмѣнная до самого гроба любовь къ изящному и ревностное усердіе ко благу и счастію человѣчества.

Всѣ сочиненія Карамзина, изданныя въ разное время, а также разсѣянныя въ издаваемыхъ имъ журналахъ, собраны и напечатаны первый разъ съ 1303—1804 годъ, въ Москвѣ, въ осьми частяхъ; второе изданіе вышло въ 1815—1818 г. въ Москвѣ. Переводы изданы отдѣльно и составили девять томовъ. Третье изданіе сочиненій Карамзина явилось въ 1820 году въ девяти томахъ; четвертое въ 1834—1835 г., девять томовъ; пятое изданіе 1848 г., въ С. Петербургѣ, въ трехъ томахъ.

Нѣкоторыя изъ сочиненій Карамзина переведены на нѣмецкій, англійскій и французскій языки и помѣщены въ свое время въ разныхъ иностранныхъ журналахъ; нѣкоторые же отрывки были переведены и на греческій языкъ. «Письма русскаго путешественника» переведены на нѣмецкій языкъ, а съ него на англійскій и напечатаны въ Лондонѣ 1803 г., въ трехъ томахъ.

«Исторія Государства Россійскаго» напечатана въ первый разъ въ С. Петербургѣ съ 1816—1818, осемь томовъ, въ 8;

второе изданіе тамъ же въ 1818—1820, осемь томовъ; девятый томъ вышелъ въ 1821 году; десятый и одиннадцатый въ 1823 году; двѣнадцатый томъ вышелъ въ 1829 г. Третье изданіе 1830—1831; четвертое 1833—1835; пятое изданіе 1842—1843 года.

БИБЛІОТЕКА МОГИЛ: ГИМНАЗІИ

КОНЕЦЪ.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Starčevskij, Al'bert Vikent'evič

Nikolaj Michajlovič Karamzin

S.-Peterburg 1849

Biogr. 3082 x
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10068716-2